

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 5
Выпуск 1–2 **2003**

Редакционная коллегия:

Александров Д.А., Россия, кандидат биологических наук
Борейко В.Е., Украина, главный редактор
Гараев А.С., Азербайджан
Грищенко В.Н., Украина, кандидат биологических наук, главный редактор
Данилина Н.Р., Россия
Дежкин В.В., Россия, доктор биологических наук
Левченко В.Ф., Россия, доктор биологических наук
Мазуров Ю.Л., Россия, кандидат географических наук
Марушевский Г.Б., Украина, кандидат философских наук
Морохин Н.В., Россия, доктор филологических наук
Никольский А.А., Россия, доктор биологических наук
Поликарпов Г.Г., Украина, доктор биол. наук, академик НАН Украины
Прохорова И.А., Россия, кандидат социологических наук
Симонов Е.А., Россия
Уинер Д., США, доктор исторических наук
Штильмарк Ф.Р., Россия, доктор биологических наук
Шукуров Э.Д., Кыргызстан, доктор географических наук
Ясвин В.А., Россия, доктор психологических наук

Адрес редакции:

ул. Радужная, 31–48
02218, г. Киев,
Украина.

e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Address:

Raduzhnaya str. 31–48
02218 Kyiv
Ukraine

Электронная версия журнала: <http://www.ln.com.ua/~kekz/human.htm>

Сайт по гуманитарной экологии: <http://www.ecoethics.ru>

Humanitarian Environmental Magazine

Volume 5 • Issue 1–2 • 2003

Edited by V.E. Boreyko & V.N. Grishchenko

Международный экологический журнал
Учредитель — Киевский эколого-культурный центр
Регистрационное свидетельство КВ 4345 от 3.07.2000 г.

Издатели — Киевский эколого-культурный центр,

Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП (WCPA/IUCN)

Журнал издан при поддержке Фонда МакАртуров

Компьютерный набор — О.А. Яценко, А.Г. Гвелесиани, Е.Д. Яблоновская-Грищенко; верстка — В.Н. Грищенко; корректура — Е.Д. Яблоновская-Грищенко.
Обложка — рис. С.А. Лопарева.

© Гуманитарный экологический журнал, 2003

© Киевский эколого-культурный центр, 2003

© Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП, 2003

© Humanitarian Environmental Magazine, 2003

© Kiev ecological and cultural centre, 2003

© World Commission on Protected Areas IUCN, 2003

ISSN 1727–2661 (Print)

ISSN 1727–270X (Online)

Наука и публицистика

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР В ЭКОЛОГИИ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.М. Милько, А.В. Смулов

Институт географии РАН, “Экоцентр” МГУ

Пик интереса к экологии пришелся в России на вторую половину 1980-х – начало 1990-х годов – на период политической, экономической и социальной перестройки. Но развитие общества сопровождали изменения в ценностных ориентирах и приоритетах. С середины 90-х годов эмоциональный накал начал спадать, политическая активность населения стала приобретать все более конструктивный характер.

Сейчас представляется необходимым и своевременным рассмотреть, хотя бы в общих чертах, вопрос: какую роль играет субъективный фактор при решении экологической проблемы и в экологии в целом. Это актуально в первую очередь для научного сообщества и показательно на его примере.

Современное общество (население) официально не признает субъективность экологических оценок и апеллирует к мнению науки (ученых).

Мы решили высказаться и сравнить массовые представления об экологии и экологической проблеме в России, которые характерны с одной стороны для научной и экологической общественности, с другой – для населения в целом.

Содержание прессы формирует и отражает массовые бытовые представления населения в т. ч. об экологии. Мы сопоставили его с заявками на гранты, которые отражают интересы и представления ученых. Таким образом, пресса представляет тот информационно-теоретический фон, на котором развиваются социальные экологические знания.

Интерес к проблеме

На момент окончания исследования прямой интерес к экологии среди населения, выраженный публикациями, упал в 10 раз

против показателей 1992 г. К апрелю 2000 г. он составил на местном уровне 1–2 публикации на 10–12 номеров в месяц. Этот интерес стал неустойчивым. Отмечено два пика публикаций: 1 – за два месяца до выборов, 2 – совпадает со сдачей годового отчета местными Госкомитетами по экологии. Поток и плотность прямых экологических публикаций сохранились практически на прежнем уровне лишь там, где велика политическая и деловая активность экологов. Так было в г. Щелоково, где почти все публикации связаны с кандидатом в депутаты Государственной Думы от экологической партии “Миллион друзей”.

Анализ выступлений кандидатов в депутаты Государственной Думы, а также кандидатов на посты Глав местных администраций и Губернатора Московской области показал: растет отрицательное отношение к экологической общественности и экологической проблеме в целом. К ней проявили свой интерес только умеренные и политически независимые кандидаты.

Наиболее символический факт падения популярности экологической идеи в сфере науки – отсутствие экологии в классификаторе областей знания РФФИ – лидера отечественных грантодателей. Т. е. прямой интерес к экологии и к экологической проблеме (опасности) упал с 1992 г. в 10 раз. Эти понятия превратились к 2001 г. из общенародных идей в инструмент манипулирования мнением населения.

Содержание экологических представлений

Представления населения, отражаемые и формируемые прессой, менялись в 1992–2000 гг. мало и только в сторону упрощения.

На состояние среды (экологию) продол-

жают чаще обращать внимание в связи с фактами аварий и катастроф, выбросов, сбросов, складирования (свалки, помойки, мусор), иногда с эстетическими функциями рекреационных территорий (экосистем). Наиболее популярны события и объекты – символы массового сознания (Арал, Байкал, Каспий, Чернобыль). Но их популярность заметно падает после 1992 г. В 1999–2000 гг. нами не было выявлено ни одного нового экологического символа.

В представлении компонентов экосистемы используют преимущественно ресурсный подход. Преобладают сведения о биоите, чаще всего в контексте охоты и рыбалки, дачных участков. Наибольший интерес вызывают хорошо известные живые организмы, в первую очередь – экологические символы, которые различимы невооруженным глазом и эволюционно близки к человеку (т. е. относятся к высшим животным и растениям, например, амурский тигр в 1995 г., зубр и т. д.)

В 1999–2000 гг. не зафиксирована информация ни об одной взаимосвязи или взаимодействии между компонентами эко(гео-) системы, ни об одной цепочке или сети. Присутствовали лишь констатация фактов, описания объектов (территорий), выражение позиций или эмоций.

Представления научной и экологической общественности, отражаемые в грантах

Объекты (проблемы). Большинство объектов научных и профессиональных исследований – отдельные компоненты экосистем или экосистемы в целом (51 и 100 всех идентифицированных объектов). Воздействию на них (однаправленным связям) отдельных факторов внешней среды уделяется постоянное внимание. Взаимодействия и взаимосвязи между объектами лежат вне массовых интересов ученых и экологов. Так, взаимосвязи природы и общества – это всего 19 ключевых понятий из 492 единиц, выделенных в 100 аналитических проектах. Все это упрощает экологическую информацию (образ).

Между тем, структура бытовых представлений оказалась корректней. Так для природно-деятельной системы (80 общего объема информации) однонаправленным связям уделено 14,6 объема, парным – 1,4.

Живые организмы привлекают тем большее внимание, чем они эволюционно ближе к человеку. Животные выбираются значительно чаще, чем растения. Показательно, что на конкурсе не было заявлено ни одной темы, посвященной конкретному виду растений. Среди животных абсолютный интерес вызывают млекопитающие и птицы. Местное население воспринимается как естественный компонент экосистем эпизодически.

Состояние объектов и их изученность (неизвестность) не влияют на определение приоритетов действий. Так, обращено внимание только на 6 видов и подвидов животных Красной книги России. Из них только 3 можно с оговорками отнести к высшим категориям по шкале МСОП. Исключения совпадают с символами массового сознания, созданными прессой, – амурский тигр, зубр, Байкал и др.

Таким образом, выбор объектов в пределах каждого конкурса – случайный. Он не учитывает ни их экосистемное значение, ни их состояние (известность), что сопровождается инверсией приоритетов. Но изучение заявок на конкурс ГНТП “Экология России”, и также рекогносцировочное исследование грантов РФФИ 1998–1999 гг., выявило тенденцию: если увеличить разнообразие научных специализаций и тематик в пределах 1 конкурса (или увеличить общее число независимых конкурсов), то последствия субъективности в науке и экологии сглаживаются. При этом сближаются бытовая и научные фактический и идеальный образы экологической проблемы.

Субъекты, участвующие в решении экологической проблемы. Заявители (исполнители) проектов отличаются низкой финансовой самооценкой. Она составляла в среднем 16 млн. руб./год на 2 исполнителей в 1993 г. На частном конкурсе большинство участников представляют незначитель-

ное число организаций (из 96 заявок 52 отправлено от заповедников и Минэкологии). Ограничено и разнообразие научных специальностей (так, преобладают биологи – 55 участников из 64). Таким образом, соискатели выбирают конкурсы по территориально-производственному признаку.

Общая тенденция – переход специалистов к другим областям науки и производства, часто несмежным с их образованием и опытом. Это особо заметно в крупных целевых программах. Например, в конкурсе ГНТП “Экология России”, помимо биологов и географов, велико участие математиков.

Принципы формирования экологического информационного фона

Прямые и непосредственные публикации подбирались в 1999–2000 гг. в основном по принципу: “Знакомо и рядом”. Это отличается от глобализма и фундамента-

лизма информации в периоды до 1992–1995 гг. И, как было сказано выше, за 10 лет интерес к ним упал в 10 раз. Чаще всего используют рубрики: аварии и катастрофы, чрезвычайные ситуации и стихийные бедствия.

Косвенные и опосредованные материалы стали к 1999–2000 гг. основной формой представления экологической информации, хотя до 1992–1995 гг. составляли немногим более 2/3 от их общего числа. Чаще всего они появляются под рубриками: медицина и здоровье, прогноз погоды и неблагоприятные дни, досуг и отдых (в т. ч. сад и огород, охота, рыбалка), товары и услуги (в т. ч. частные объявления, образование), городское и муниципальное хозяйство.

Таким образом, экологическая информация сохраняется, хотя идея экологии теряет свое содержание и привлекательность. Она смещается к другим идеям и связывается с иными видами деятельности.

РАДИКАЛЬНАЯ ПРИРОДООХРАНА

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Всякая хорошая вещь находится на острие бритвы.

О. Уайлд

После начала 1990-х годов природоохранное движение в странах СНГ постепенно стало терять свой размах и эффективность, что объясняется многим: падением духовности и жизненного уровня населения, появлением новых ценностей рыночной экономики, отходом ряда активных зеленых в политику и бизнес и т. п. Но не менее важной причиной является все более умеренный характер природоохранного движения, откат от радикализма, устаревшая идеология и философия, в основном основанная на антропоцентризме. Все то, что можно выразить емким словом застой.

Отсюда возврат радикализма – жизненно важная потребность современного природоохранного движения.

Почему умеренные природоохранники все больше превращаются в болото?

Для умеренных природоохранных организаций главным часто является собственная жизнеспособность, а не защита природы. Поэтому, стараясь не выглядеть слишком радикальными и экстремальными, пытаюсь всегда искать компромисс, умерен-

ные природоохранники превращаются в легко управляемых. Естественным результатом их деятельности становится все более компромиссная политика, все более робкая стратегическая позиция и все менее эффективная деятельность.

Известный американский философ, основатель социальной экологии Мюррей Букчин пишет: *“В конечном счете важнейшая проблема, связанная с “прагматической” политической стратегией бесконечной торговли, компромиссов и решений по принципу “что меньше зла приносит” заключается не в том, что эта стратегия не приведет нас туда, куда мы хотим. Все зло заключается в том, что она понуждает нас идти туда, куда мы не хотим”* (Defending..., 1991).

Действительно, компромисс может привести к смерти идеи и рассматриваться как конечное зло. На практике постоянные компромиссы со стороны умеренных экологов в погоне за доверием и влиянием ведут к уничтожению оставшейся дикой природы. Современные природоохранные организации умеренного толка не могут эффективно защищать природу по двум причинам:

1) Так как часто управляемы хорошо оплачиваемыми бюрократами, которые больше пекутся о своей карьере, чем об экологии. Причем такая тенденция наблюдается все чаще: умеренные природоохранные организации частенько возглавляют не романтики – защитники природы, а циничные техники, пришедшие туда получать хорошую зарплату. Появился новый тип современного природоохранника – “карьерный эколог”. Как точно заметил Д. Формэн, этих людей *“гипнотизирует зов голосов в Белом Доме, а не гусиная музыка (...) Существует растущая пропасть между активистами-добровольцами из широкой общественности и профессионалами. Сформировалась оплачиваемая элита, которая ставит себя выше добровольцев. Эти профессионалы говорят сами с собою и часто относятся к широкой природоохранной общественности одновременно настороженно и высокомерно. Это подав-*

ляет инакомыслие и даже общественное обсуждение стратегии и приоритетов” (Формэн, 2002).

2) Вторая проблема заключается в том, что умеренные природоохранные организации умеренного толка частично разделяют антропоцентрические, технократические, религиозные ценности современного общества, его культуру.

Кто такие и зачем нужны радикальные природоохранники

Радикальная природоохрана – природоохранное течение, основанное на взглядах биоцентризма, экоцентризма, глубинной экологии, социальной экологии, экофеминизма, освобождения животных и этики дикой природы. Радикальная природоохрана охватывает радикализм философии и радикализм тактики, средств и способов (экотаж, акции прямого действия и т. п.), которыми эта философия воплощается в жизнь.

Радикальная природоохрана часто противостоит природоохране умеренной или реформистской. Радикалы понимают этот контекст таким образом: умеренные деятели охраны природы полагают, что человечество может разрешить экологический кризис путем совершенствования своего антропоцентрического отношения к природе (реформирование законов, государственной политики, корпоративного поведения, личного жизненного уклада) таким образом, чтобы сделать их более лояльным к охране природы. Никакие фундаментальные перемены в отношении человеческих ценностей, социальных, политических или экономических структур не требуется для того, чтобы добиться гармонии человека с природой. Радикалы с этим не согласны: они считают, что необходимы глубокие и системные перемены в философии и тактике, если мы хотим достичь этих целей.

Как справедливо полагает Дейв Формэн, *“роль радикальной, авангардной группы состоит в том, чтобы огласить идеи, отвергаемые вначале большинством как абсурдные или смешные, но которые, в*

конце концов, становятся достоянием традиционных умеренных организаций и, со временем, принимаются большинством” (Defending..., 1991).

Действительно, радикалы принимают на себя роль экстремистов в качестве тактики, что позволяет центристским группам выглядеть менее радикальными и добиваться больших успехов в природоохране. Радикалы вызывают огонь на себя, открывая путь центристам. Они раздвигают крайние точки зрения. Наличие радикалов в природоохранном движении обеспечивает более широкий спектр точек зрения. Они создают продуктивное краевое течение, поскольку идеи, творческий потенциал и энергия имеют тенденцию возникать на краю и позже распространяться в центр.

Есть еще один веский довод в сторону создания радикального природоохранного течения. Его очень четко сформулировала Ирина Фуфаева, российский природоохранник из Нижнего Новгорода: *“Сейчас в нашем природоохранном законодательстве природные объекты рассматриваются исключительно как ресурс, который может быть более или менее ценным. Это “подстраивание” под ценность и менталитет чиновников. Тем временем сплошь и рядом декларируются и на практике реализуются полнейший прагматизм, когда ресурсом и средством достижения весьма приземленных и сиюминутных целей является не только природа, но и человек. Получается, на одном конце школы – весьма радикальный цинизм и прагматизм, а на другом – нет аналогичного радикализма, а есть лишь умеренный оборонительный конформизм (рубить при строительстве по возможности поменьше, от охоты отчислять денежки, от загрязнения – ущербы и пр.) Такая ситуация стратегически невыгодна для экологов. Должен быть “передовой отряд”, отстаивающий именно максималистские, бескорыстные, идеалистические ценности, несущий на флаге именно радикальные лозунги (права всему живому на жизнь – из их числа). И если декларация этих ценностей будет*

столь же на слуху, как Декларация прав человека (...), то, конечно, в силу противоборства различных интересов различных властных групп, она вряд ли будет реализована в полном объеме (...), но “точки компромисса” будут находиться уже ближе к “нашему” концу шкалы, а значит, ущерб природе и здоровью будет меньше” (Фуфаева, 2003).

Идеология и философия радикальных природоохранников

Радикалы всегда генерируют оживление, движение вперед внутри любого движения. Они вносят свежесть новаторских подходов, стратегий, требований и решений. Нужны новые идеи – поднимающиеся снизу, как бьющие родники свежей воды.

В любой подлинно радикальной экологической группе охрана дикой природы должна быть краеугольным камнем. Ибо не осталось больше достаточно дикой природы, чтобы идти на какие-либо компромиссы. Дикая природа – это равноправный с человеком субъект, Совершенно Иное, она священна, самоценна и имеет равные с человеческой цивилизацией права на существование.

Радикальные природоохранники призывают охранять дикую природу не из-за того, что она полезна человеку, а потому, что она имеет права на существование и это справедливо.

Тактика радикальных природоохранников

Экотаж, акции прямого действия

Тактические усилия умеренных природоохранных организаций – предвыборная политическая деятельность, лоббирование, экопросвещение, судебные баталии – замедляют процесс уничтожения дикой природы, но не останавливают его. Подлинно действенная стратегия и тактика защиты дикой природы должны включать большую дозу бескомпромиссности, ненасильственных прямых акций и сопротивления.

При помощи экотажа и акций прямого действия (блокад, пикетов и т. п.) можно оказывать эффективное сопротивление – по словам Л. Толстого – “организованному насилию государства”.

Экотаж – это скрытое повреждение оборудования и техники, призванное сделать экологически вредные действия экономически невыгодными. Экотаж – благородная и самоотверженная деятельность в защиту прав природы. Экотажники не причиняют страданий живому, в том числе инициаторам войны с природой, а только ломают орудия этой войны. Радикальный американский природоохранник, один из лидеров движения “Прежде Земля!” Хевью Волке писал: *“Слово о машинах: они не имеют чувств, крови и сердца. Они не могут наслаждаться ни благословленным сексом, ни осенним восходом солнца. Они не имеют никаких эмоций или врожденного добра или зла. Не стесняйтесь “убивать” их! Разрушение машин может нарушать права владельца, но если владелец планирует нарушить права потоков, камней, растений, животных, дикой природы в целом, то упреждающее нарушение является оправданным. Экосистема природы является более ценной, чем бульдозер”* (Wolke, 1991).

У движения “Прежде Земля!” есть даже такая песня:

Круши его, скручивай его, бей и ломай,
Пробивай его и топи любым способом!
В их шестернях уничтожения мы,
возможно, всего лишь песчинка.
Но делай это, делай это,
Делай это, если можешь!

(Стил, 2000).

Ненасильственные прямые акции – блокады, сидячие забастовки и пикеты – природоохранники взяли из арсенала борцов за независимость Индии и движения за права негров. Подобная тактика, как показывает американский и канадский опыт, помогает добиться ослабления, а то и прекращения натиска на участки дикой природы.

Когда можно и нужно нарушать закон

Представьте себе, что в ваш дом врываются бандиты и начинают насиловать вашу мать, жену, сестру, дочь. Что вы будете делать: читать им лекцию о праве и нравственности, звонить в милицию или схватите молоток и разобьете им лоб? Я думаю, вы выберете последнее. Примерно такая же ситуация происходит сейчас с нашей общей матерью-природой. Ее уничтожают, губят, насилуют со всех сторон. Поэтому настал час хватать в руки молоток.

Однако, защищая природу, радикальные природоохранники часто встают перед необходимостью нарушения закона. Закона о частной собственности, закона об организации общественных акций, земельного, водного, лесного кодексов и многих других. Тот же экотаж во многом проводится с нарушением разных юридических положений, пикет, если власти не дают на него разрешения, также становится незаконным.

Нарушение закона необязательно является неправильным. Будет высокомерным полагать, что повиновение письменному закону является более важным, чем спасение участков дикой природы. Мы можем нарушать закон по велению совести, ради справедливости. Как учил американский философ Генри Торо, если закон заставляет вас нарушать справедливость, нарушайте закон! По его мнению, закон природы нужно ставить выше любого юридического закона.

Лидер природоохранного движения “Прежде Земля!” Дейв Формэн считает: *“Но если быть последовательным, возражая против нарушения закона при любых обстоятельствах, тогда нужно осудить движение “Солидарность” в Польше, Андрея Сахарова в Советском Союзе, народ Румынии, который сверг Чаушеску и Нельсона Манделу в Южной Африке. Нужно также помнить, что все движения сопротивления, которые действовали против нацистов в Европе во время Второй мировой войны, действовали незаконно. Наоборот, нацистские злодеяния были настолько полностью законными, что пос-*

ле Второй мировой войны союзники должны были спешно писать новые законы для того, чтобы преследовать по суду нацистских военных преступников в Нюрнберге. Существует очевидное различие между этикой и указаниями правительства при власти” (Формэн, 2002)

Действительно, любое правительство, любой парламент при рыночной экономике представляет прежде всего интересы денежных воротил, кровно заинтересованных в дальнейшем разграблении природы. Поэтому они будут лоббировать и принимать законы, способствующие не реальному улучшению экологической ситуации, а приобретению все большей прибыли этих самых денежных воротил.

Конкретный пример – принятие в начале 2000-х годов Думой России антиэкологического закона о ввозе в Россию на переработку ядерных отходов. По опросам социологов, более 80 % населения России было против принятия этого закона. Однако депутаты не прислушались к мнению своих избирателей и приняли этот закон.

Австралийский экофилософ Питер Сингер, один из организаторов и лидеров международного Движения освобождения животных, приводит наиболее распространенные случаи, когда защитники природы могут нарушать закон: “*Существуют обстоятельства, когда даже при демократии морально оправданным становится неподчинение закону, и в Движении освобождения животных много хороших примеров таких обстоятельств. Если демократические процессы не функционируют успешно, если проведение опроса общественного мнения подтверждает, что огромное количество людей против многих видов экспериментов, а правительство все чаще не принимает никаких эффективных действий, чтобы остановить эти эксперименты, если общественность большей частью не знает, что происходит на фермах и в лабораториях, — тогда нелегальные действия могут быть единственно правильным путем помощи животным и ознакомления людей с реаль-*

ными фактами происходящего” (Сингер, 1998).

Проведение акций экогажа, направленных на порчу или разрушение частной собственности, сознательное нарушение закона во имя идеальных ценностей ставит вопрос о правомочности насилия в борьбе за охрану природы.

Дейв Формэн говорит по этому поводу: “*Здесь содержится конфликт ценностей. Те, кто поддерживает экологический саботаж, в принципе ставят биологическое разнообразие и жизнь выше, чем неодушевленную частную собственность (...), вопрос сводится к тому, что более ценно: частная собственность (и те доллары или рабочие места, которые эта собственность предоставляет) или природные экосистемы”* (Формэн, 2002).

Другими словами, радикальные природоохранники – эко- и биоцентристы, глубинные экологи – настолько приблизили дикую природу, все живые существа по своей ценности к человеку, что ради их защиты становится морально оправданным нарушение закона или уничтожение частной собственности (согласно антропоцентризму, наоборот, такие радикальные действия в защиту природы морально оправданными не являются). Вместе с тем необходимо всегда оценивать каждый случай, чтобы выявить возможность преимущества нарушения закона над ненарушением закона.

Некоторые природоохранники вообще считают, что пришло время исключить из понятия “насилие” разрушение артефактов, то есть созданных человеком вещей. Они настаивают на том, что насилие – это когда наносится вред живым существам или природным объектам, например, горе. Отсюда уничтожение или порча собственности не является насилием (Скарс, 2002). По их мнению ценность любой вещи всегда ниже ценности живого существа или экосистемы.

Конечно, насилие не лучший путь в природоохране. Однако, что делать, когда законы не действуют, Бог молчит, пресса безмолвствует, а правительство не желает слушать защитников природы?

Литература

Сингер П. (1998): Будущее освобождения животных. - Крик. 1: 46-47
Скарс Р. (2002): Эковоины. Радикальное движение в защиту природы. К.: КЭКЦ. 1-144.
Стил С. (2000): Литература и идеология легендарной экогруппы "Прежде Земля!". - Гуман. экол. журн. 2 (2): 55-61

Формэн Д. (2002): Исповедь эковоины. К.: КЭКЦ. 1-156.
Фуфаева И. (2003): Идея прав природы как метод радикализации зеленых. - Гуман. экол. журн. 5 (спец. вып.): 32-33
Defending the Earth. A. Learning Alliance Book. Boston, Massachusetts, 1991. 1-147.
Wolke H. (1991): Wilderness on the rocks. A Ned Ludd Book. Tucson, Arizona. 1-246.

Рис. Э.Д. Шукурова.

Религиозная мораль и экологическая этика

Г. Марушевский

Национальный экологический центр Украины

Одна из основных функций религии – морально-этическое нормирование повседневной жизни человека. Каждая религия выполняла эту функцию с момента своего возникновения. Выполняют ее разные религии и сейчас, поскольку большинство людей на Земле являются последователями какой-либо религии. И если сейчас мы говорим о необходимости формирования экологического сознания и о соответствующем экологическом поведении всех людей в масштабах всей планеты, т. е. о необходимости регулирования жизни людей на основе принципов экологической этики, то необходимо оценить, насколько эти принципы совместимы с принципами религиозной морали и насколько эти новые принципы будут восприниматься верующими людьми.

Больше всего приверженцев в мире имеет христианство (более четверти всего населения Земли): из них 3/5 – католики, 1/4 – протестанты, 1/6 – православные. Последователи ислама составляют 19 % человечества. Буддизм и синтоизм исповедуют свыше 11 % землян, столько же приблизительно последователей индуизма и 7,5 % – конфуцианства и даосизма¹. Упомянутые религии охватывают 3/4 человечества и являются самыми крупными не только по численности, но и по распространению. Рассуждая о проблеме формирования экологического сознания, следует помнить, что любые изменения моральных основ существования человечества тесно связаны с религиозной моралью. Поэтому попробуем рассмотреть возможности некоторых религий Востока и Запада воспринять новую экологическую моральную парадигму.

Основные черты индуизма сформировались в I тысячелетии до н. э. на основе

ведической религии и брахманизма. Это скорее политеистическая, нежели монотеистическая религия. Единое божество Брахман представлено тремя главными богами (индуистской “троицей” – Тримурти): Браймой (мужское воплощение Брахмана), Вишну (хранитель) и Шивой (разрушитель). Основные принципы индуизма: представление о дхарме (моральный закон и обязанность), карме (закон отплаты) и сансаре (перевоплощение, реинкарнация).

В отличие от западного представления о линейном времени, для индуистского мировоззрения характерными являются представления о циклическом времени (об этом можно судить даже по именам индуистской троицы). В соответствии с идеей сансары (буквально означает “кругооборот”, “переход через разные состояния”), душа человека странствует от низшей к высшим формам жизни, а иногда движется в противоположном направлении. Собственно, эта душа не всегда была человеческой. Она могла поселиться не только в человеческом теле, а и в теле растения или животного. В этом понимании между растениями, животными и людьми нет принципиальной разницы. Если человек не выполняет дхарму, это может привести к переселению души и рождению не только в низшей варне (касте), но и в теле животного или растения. Старательное же выполнение дхармы приводит к рождению в высшей варне. Так действует закон отплаты (карма). Верующий индус воспринимает свои поступки в отношении живых существ как ступеньки по пути к спасению. Идея кармы (каждое действие рождает противодействие) поддерживала убеждение в необходимости доброго отношения к животным и растениям, поскольку каждый жестокий поступок по отношению к ним, например, употребление мяса, будет приводить к серьезным послед-

¹ Павлов С.В., Мезенцев К.В., Любичева О.О. География религий. К.: АртЕк, 1998. С. 167.

ствиям для того, кто так поступает. Точное выполнение дхармы представителем высшей варны – брахманом – освобождало душу от дальнейших рождений и тем самым от страданий, связанных с пребыванием в других телах. Диапазон реинкарнационных возможностей огромен – до 83 тыс. возможных переселений каждой души¹. Таким образом, в индуизме все формы бытия связаны между собой, все создания являются священными и равноценными.

Принцип священности, неприкосновенности жизни глубоко укоренился в индуизме. Только Бог имеет верховную власть над всеми существами. Человек не имеет права властвовать на жизнь других людей и других живых существ. Священность всего созданного Богом означает, что нельзя наносить ущерб другим видам без соответствующей потребности. В соответствии с Ахтарведой, Земля создана не только для человека, но и для других существ. Индуистская вера в циклы рождения и реинкарнации, когда человек может родиться растением или животным, приводит не только к уважению к другим живым существам, но и к благоговению перед ними. Это обеспечивает крепкое основание для доктрины ахимсы. Во многих индуистских источниках делается акцент на том, что милость Бога можно заслужить, не убивая живых существ или не нанося им вреда.

Для экологической этики важными являются три основных принципа, присущих индуистской традиции: **уважение к жизни, взаимосвязь всех естественных явлений и принцип ахимсы**. Традиционное для Индии уважение этих принципов привело к тому, что вегетарианцев в Индии насчитывается 700 млн. человек (83 % населения)².

Особое место в индийской традиции

занимает корова, которая рассматривается как Праматерь, давшая человеку все необходимое для его жизни: молоко, масло, творог, навоз. Навоз в Индии используется не только как удобрение. С помощью биогазовых установок из него вырабатывается метан, который используется как источник энергии для отопления и приготовления пищи. Отношение к коровам отображает характерную особенность индийской экономики: для чего питаться мясом коровы, если она может обеспечить намного больше полезных продуктов на протяжении более продолжительного периода? В более широком контексте защита коров подразумевает защиту каждого живого существа.

С именем Мохандаса Карамчанда Ганди (1869–1948), которого люди называли Махатмой (большая душа), связано возрождение и использование принципа ахимсы в современных условиях. Махатма Ганди был выдающимся организатором народного ненасильственного движения, сначала – за гражданские права индусов в Южной Африке, а потом в 1920–1940-х гг. – за освобождение Индии от британского колониального господства. Философия ненасилия Ганди предусматривала привлечение широких слоев населения к тактике ненасильственной борьбы. Ганди назвал эту тактику “сатьяграха” – настойчивость в истине: “Правда (сатья) предполагает любовь, а твердость (аграха) порождает силу и, таким образом, служит ее синонимом. Я поэтому стал называть движение в Индии словом “сатьяграха”, что означает силу, рожденную правдой и любовью, или ненасилием”¹. Сатьяграха – это не пассивное противостояние. Сатьяграха предусматривает достаточную меру активности. Она не сводится только к непротивлению злу, хотя ахимса, или неприменение насилия, является ее существенной составной частью. Именно ненасильственным способом ведения борьбы поразила весь мир деятельность Ганди.

¹ Ethics of Environment and Development: Global Challenge, International Response / Ed. by J.R. Engel, J.G. Engel. Tucson: University of Arizona Press, 1990. P. 53.

² Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе. К.: Киевский эколого-культурный центр, 1998. С. 70.

¹ Антология ненасилия. Москва-Бостон: Голубка, 1992. С. 55.

Сатьяграха является одним из методов борьбы представителей экологического движения в Индии за сохранение природы. Известнейший пример – это движение Чипко (движение за обнимание деревьев). Событие, которое привело к началу этого движения, произошло в 1973 г. в поселке Гопешвар (округ Чамоли, Утта Прадеш) в Индии. Протестуя против планов лесозаготовительной компании срубить 300 оливковых деревьев, жители поселка сформировали живую цепь и крепко обняли деревья, предназначенные к вырубке. В итоге компании пришлось отказаться от своих планов. В другом случае активисты экологического движения смогли убедить жителей поселка в том, что наводнения связаны с вырубкой лесов. Жители поселка Рени неподалеку от Йосимата выступили против рубки 2,5 тысяч деревьев вдоль реки Алакнанды. В 1977 г. женщины села Адвани (округ Тери Гарвал) обвязали священными нитями деревья, которые должны были срубить (в соответствии с индийской традицией, обвязывание кого-нибудь нитями устанавливает отношения защитника и подопечного). Во время этой акции чиновник, который старался отговорить женщин от их действий, закричал: “Вы, глупые женщины! Знаете ли вы, что такое лес? Это каучук, древесина, валюта!” Одна из женщин ответила ему: “Да, мы знаем, что такое лес: земля, вода и чистый воздух”¹.

Самым последовательным экофильным учением Востока считается джайнизм. Джайнизм возник в Индии в VI в. до н.э. на 32 года раньше буддизма как неортодоксальная, реформационная религия, которая бросила вызов брахманистско-ведическому догматизму. Джайнизм, как и буддизм, называют “религией без бога” в том смысле, что Бог как творец мира (Брахма в индуизме или Саваоф в христианстве) не признается джайнистами. Центральная проблема джайнизма – это проблема индивидуаль-

ного бытия. Право на спасение души (дживы) определяется личными качествами и усилиями людей. Собственно, почетный титул Вардхаманы – Джина (победитель) – был связан с победой над цепочкой перерождений, над человеческими чувствами и имел аскетическое содержание.

Основные принципы джайнизма – принцип ахимсы (ненанесение вреда живым существам) и **принцип аскетизма**. Джайны верят, что насекомые, растения, огонь, вода, земля и ветер имеют живые души. Воздух, вода, земля и огонь, а также растения имеют лишь чувство прикосновения, тогда как птицы, животные и люди имеют все пять чувств. Джайнизм – наиболее рационалистическая религия по сравнению с любой другой религией, которая когда-нибудь возникала в Индии. Истоки джайнской экофилии – в гилозоизме, в общей одухотворенности природы, которая распространяется не только на растений и животных, но и на неорганическую природу. Экофильная линия в джайнизме является весьма ригористичной.

Путь освобождения души в джайнизме – это путь знания, поскольку необразованность порождает страсти. Путь спасения определяют “три жемчужины” – правильная вера, правильное познание и правильное поведение. Наиболее подробно в джайнизме разработано все, что касается правильного поведения, которое определяют “пять больших обетов” – панча-махаврата (следует отметить, что эти же 5 принципов признаются и буддистами – панча-шила)¹:

1. Неповреждение жизни (ахимса).

Это основной принцип правильного поведения. Поскольку, в соответствии с джайнским учением, животные и растения имеют душу, “вред жизни” – это “вред душе”, которая имеет высшую ценность. Поэтому ахимса диктует безграничную осторожность в обращении с другими живыми существами. Джайнизм запрещает употреблять мясо, запрещает охоту и рыболовство

¹ Экологическая антология: Экологические произведения западных авторов: Пер. с англ. Москва-Бостон: Голубка, 1992. С. 154.

¹ Иванов В.Г. История этики Древнего мира. СПб.: Лань, 1997. С. 54-55.

и даже земледелие, поскольку возделывание земли связано не только с уничтожением растений, но и с возможной гибелью мелких животных, которые живут в почве. Джайнские монахи носят марлевые повязки, чтобы случайно не проглотить какую-то букашку. С этой же целью фильтруется вода. Джайны всегда носят с собой специальную метлу, чтобы сметать мурашек и червячков, лишь бы не раздавить их.

2. Воздержание от лживости (сатья).

Нужно всегда говорить правду, поскольку вранье – это разновидность нанесения вреда жизни.

3. Воздержание от воровства (астея).

Этот принцип опять-таки выводится из ахимсы, поскольку благополучие – это внешняя форма жизни, нарушить его – нанести вред жизни.

Итак, три первых обета определяют характер межличностных отношений и отношение человека к природе. Два последних обета связаны с отношением подвижника к собственным привязанностям.

4. Воздержание от потворства своим слабостям (брахмачарья). Надо отказаться от брака и плотских утех. Но этого мало: надо отказаться от духовных слабостей, вообще от всего, что может вызвать положительные эмоции.

5. Воздержание от всех привязанностей (апариграха). Это уже доведенный до абсурда физический и духовный аскетизм, поскольку этот принцип требует отказаться от любой благосклонности к объектам, которые могут вызвать удовлетворение у человека (приятные звук, прикосновение, запах, вкус или цвет).

Верующие джайны должны придерживаться первых трех обетов. Монахи же – всех пяти. Вообще для монахов обязательными были 28 правил поведения¹. Поэтому не удивительно, что завершающей формой аскетизма и высочайшим подвигом монаха считалась добровольная голодная

смерть. По преданию, именно так закончил свою жизнь Вардхамана.

Ныне джайнизм имеет небольшое количество последователей (4,3 млн. человек¹). Тем не менее, до нашей эры эта религия была широко распространена в Индии. Джайнизм имел значительное влияние на другие религии и культуру Индии, а с течением времени превратился в существенный фактор не только культурной, но и общественной жизни Индии. Принцип ахимсы органически вошел в индуизм и буддизм и стал одним из главных принципов этих религий. Джайнская доктрина отказа от насильственных действий продолжает влиять на мышление индусов даже в наше время. Не случайно Махатма Ганди, ставший известным благодаря разработанной им тактике ненасильственной борьбы, считал своим духовным учителем джайнского философа Шримада Раджахандру.

Принцип ахимсы является одним из главных и в экологической этике. Принцип аскетизма также имеет значение для экологической этики, поскольку аскетический образ жизни можно рассматривать как одну из моделей образа жизни, направленного на низкий уровень потребления.

В древнекитайском даосизме центральным было представление о дао как о пути, естественном законе возникновения, развития и исчезновения всей Вселенной, на основе которого был выработан моральный принцип следования дао. Согласно этому принципу, поведение человека на уровне микрокосма должно согласовываться с дао (природой) человека, а на уровне макрокосма – с дао Вселенной. Высшей формой поведения “совершенномудрого” человека (шэньжень) является “недеяние” (у-вэй), которое требует невмешательства в ход естественных процессов: “Постигнув красоту неба и земли, мудрый постигает [естественные] законы тьмы вещей. Поэтому настоящий человек [предается] недеянию, великий мудрец ничего не создает, [лишь]

¹ Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии: краткий очерк. М.: Мысль, 1973. С. 102.

¹ Павлов С.В., Мезенцев К.В., Любичева О.О. География религий. К.: АртЕк, 1998. С. 428.

наблюдает за небом и землей”¹. Исследователь даосской философии Ю.Я. Бондаренко отмечает, что “по сути “недеяние” – это не отказ от действия, как такового, а от насилия, как над собственной природой, так и над природой в целом. Недеяние – это постоянная готовность искать свой брод в потоке бытия, а не кидаться очертя голову в пучину “деяний”². Таким образом, “недеяние” в даосской философии – это не бездеятельность, это скорее осознанная деятельность. Это осознание естественного хода природных событий и соответствующее управление своим поведением. Тот, кто постиг дао, не будет растрчивать понапрасну свою жизненную энергию (ци) и не будет пытаться изменить путь дао, который по определению является неизменным.

В.С. Степин считает, что для традиционных земледельческих культур принципы, подобные принципу “у-вэй”, сыграли важную роль регулятора общественной жизни: “Они ориентировали на приспособление к внешним природным условиям, от которых во многом зависят результаты земледельческого труда, требовали угадывать ритмы смены погоды, терпеливо выращивать растения, веками накапливать опыт наблюдения за природной средой и свойствами растений”³. Соблюдение принципов, подобных принципу “у-вэй”, наверняка, содействовало тому, что технические изобретения, такие как компас и порох, использовались в Древнем Китае для развлечений, фейерверков и изготовления игрушек. Европейцы же узнали об этих изобретениях значительно позже, но сразу использовали их с большой пользой в военном деле.

Ныне общепризнанным является мнение, что корни экологического кризиса свя-

заны с эллинистическо-иудейско-христианской традицией. Эта проблема детально исследована в работах Линн Уайт, Дж. Пассмора, Яна Мак-Харга, Робина Атфилда, Бэрда Калликотта¹.

Культура и мораль западного общества сложились на основе иудейско-христианской традиции. Основная книга западного общества – Библия. Не анализируя все положительные и отрицательные стороны иудаизма и христианства, следует отметить, что уже в первой главе Библии потенциально заложены все современные экологические проблемы как предельное выражение божеского благословения: “И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися на земле... И благословил их Бог, и сказал им Бог: “Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею” [Бытие, 1: 26, 28].

Это признает, в частности, русский религиозный философ Н.А. Бердяев, который связывает появление и миссию христианства с процессом освобождения человеческого духа от рабской зависимости от стихий природы. Вместе с тем, он подчеркивает, что, “для того, чтобы вернуть человеку свободу и дисциплинировать его, выделить человека из природы и возвысить, христианство механизировало природу. Как это ни парадоксально, но для меня ясно, что только христианство сделало возможным позитивное естествознание и позитивную технику... Нельзя строить железные дороги, нельзя проводить телеграфы и телефоны, страшась демонов природы. В человеческой жизни должно было померкнуть чувство одухотворенности и демоничности природы и непосредственной связи с природой, для того, чтоб он мог работать над природой, как над механизмом”².

¹ Мудрецы Китая. Ян Чжу. Лецзы. Чжуанцзы. СПб.: Петербург-XXI век, 1994. С. 268.

² Бондаренко Ю.А. Человек. Судьба. Вселенная. Глазами древних мудрецов. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 170.

³ Степин В.С. Перспективы цивилизации: от культа силы к диалогу и согласию // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991. М.: Республика, 1992. С. 187.

¹ Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: Пер. с англ. и франц. М.: Прогресс, 1990. 495 с.

² Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 91.

Что же касается греческой традиции, то западная духовность пронесла сквозь века не такие экологически позитивные принципы, как, например, “жить в согласии с природой”, а доктрину античного атомизма. В соответствии с атомистическим мировоззрением, природа представляет собой материальное, структурно разложимое и пассивное начало. С точки зрения гносеологии такой взгляд на природу правомерен, равно как и холистический (целостный) подход, отстаиваемый современной экологией. Вместе с тем, одностороннее психологическое восприятие атомизма, не дополненное целостным видением природы, восприятие атомизма на уровне мотивов поведения, сочетающегося с установкой на активное преобразование окружающей среды, приводит к деятельности, которая в целом носит разрушительный характер.

Целесообразно рассмотреть знаменитый Декалог Моисея, десять заповедей, которые лежат в основе христианства [Исход, 20:1-17]:

1. Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из страны Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов перед лицом Моим.

2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли, не поклоняйся им и не служи им.

3. Не призывай имени Господа, Бога твоего, напрасно.

4. Помни день субботний, чтобы святить его.

5. Почитай отца твоего и мать твою.

6. Не убивай.

7. Не прелюбодействуй.

8. Не кради.

9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

10. Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его.

Как видим, нет ни одной заповеди, которая бы регламентировала отношение человека к природе. Более того, можно гово-

рить о том, что вторая заповедь устанавливает определенно отрицательное отношение к природе, поскольку запрещает человеку кланяться и служить ей. Н.А. Бердяев отмечает, что христианство осуществило процесс освобождения человеческого духа путем его отделения от внутренней жизни природы: “Борьба христианства с природными стихиями стала существенной для христианства. Она создала христианский дуализм духа и природы”¹. Первые три заповеди определяют парадигму отношения христиан к любым новым этическим идеям. Так, протоиерей Александр Мень, в целом поддерживая идеи А. Швейцера, вместе с тем отмечает: “Этический императив для христианства – не плод смутной интуиции ценности жизни, а заповедь, данная человеку Творцом, с Которым он встречается как личность с Личностью”².

Бог в христианстве рассматривается как антропоморфное, хотя и трансцендентное, существо. Христианство – это патриархальная религия, поскольку рассматривает Бога как мужчину (и вдобавок белого) и освящает принцип патриархального господства. М. Вебер отмечает: “Представление о трансцендентном монотеистическом Боге, который правит миром то как царь, то как отец, который бывает ласковым и бывает суровым, который любит свой народ, но может и жестоко его наказывать, который разрешает улаживать себя молитвой и действиями в соответствии с его указаниями – это та конструкция, которая дает четкое рациональное толкование мира, доступное одновременно пониманию простых людей и даже детей”³.

Монотеизм христианства оправдывает иерархическую структуру общества, оказывает содействие внедрению в жизнь прин-

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. с. 92.

² Мень А. Парадоксы Альберта Швейцера. – Швейцера А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. Пер. с нем. М.: Прометей, 1993. С. 509-510.

³ Вебер М. Протестантська етика і дух капіталізму: Пер. з нім. К.: Основи, 1994. С. 14.

ципа господства. Князь, император, король или царь считались заместителями Бога на Земле, что оказывало содействие концентрации в их руках неограниченной власти. Основываясь на иерархических принципах построения, общество разделялось на сословия, существование которых, а также экономическое, политическое и социальное неравенство которых освящалось христианской церковью.

Последние пять принципов, в сущности, определяют христианскую мораль, регламентируя поведение человека в экстремальных ситуациях. Основной из этих принципов – “Не убий!” – запрещает убийство человека, хотя, конечно, его можно трактовать как запрет убивать любое живое существо. Тем не менее, скорее всего, он определяет запрет убивать человека, который верит в того же Бога, принадлежит к той же конфессии, верит в христианские догматы. История свидетельствует в пользу такой трактовки этого принципа, так как она зафиксировала многочисленные случаи освящения религиозных войн, борьбы с инакомыслием и ересью, стараний закрепить патриархальность и бесправное положение женщин (“охота на ведьм”).

Общим для западного и восточного общества является золотое правило нравственности. Это одна из древнейших норм регулирования человеческого поведения. Золотое правило можно найти в фольклоре разных этносов от седой древности до наших дней. Оно встречается уже в ранних письменных памятниках многих культур. В VII веке до н. э. золотое правило встречается в поэмах Гомера и Гесиода, а также у первого, по выражению Цицерона, греческого философа Фалеса. В V в. до н. э. это правило встречается в работах “отца истории” Геродота, а также в Древней Индии в поэме “Махабхарата” и в Древнем Китае в учении Конфуция. В III в. до н. э. золотое правило зафиксировано в древнееврейской библейской книге Товит. Провозглашается оно и в христианских Евангелиях. Золотое правило анализировалось и проповедовалось многими мыслителями и

религиозными деятелями на протяжении двух тысячелетий после Рождества Христова. Это правило стало источником гуманистических устремлений человечества, так как оно “признает равенство всех людей в их стремлении к счастью и достоинству, ... языком морали формулирует идею гуманизма, уважения и любви к человеку”¹. Наиболее распространенная формулировка золотого правила нравственности гласит: “Поступай по отношению к другим так, как бы ты хотел, чтобы они поступали по отношению к тебе”. И тем не менее, в золотом правиле зафиксирован антропоцентризм классической этики. Видно, что речь идет только о моральных отношениях между людьми. Природе явно нет места в этом правиле. Каждый волен выбрать свое собственное отношение к природе. Можно истреблять китов и бизонов, можно вырубать леса и распахивать степи, можно уничтожать ландшафты и экосистемы, хотя интуитивно ясно, что это безнравственно.

Интересно отметить, что главное правило нравственности названо золотым (произошло это в XVIII в.), что свидетельствует о тех ценностях, которые дали название этому правилу. И это не многообразие жизни, а богатство и власть, символами которых всегда было золото. “Корень зла, – пишет Ян Мак-Харг, – в преобладающих ныне ценностях. Покажите мне общество, ориентированное сугубо на человека... и я предскажу вам судьбу его городов и ландшафтов. Слишком далеко загадывать не придется, ибо и так все как на ладони: лавки сосисочников, мертвенное мерцание неона, жилища-однодневки, замусоренные города и испоганенные леса и луга. Человек, обитающий в этом антропоморфном и антропоцентричном мире, ищет не единства с природой, но обладания ею”².

¹ Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 122.

² Цит. по: Калликотт Б. Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика. – Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 314.

Подытоживая рассмотрение экологических аспектов религиозной морали, укажем, что значение культурного и духовного наследия для охраны окружающей среды и устойчивого развития не осознается и часто игнорируется международными учреждениями, правительствами, политиками и даже представителями экологического движения. Считается, что объединение религии и экологического движения будет угрожать объективности, научности, профессионализму движения и внедрению демократических ценностей. Тем не менее, во многих религиях эксплуатация природы рассматривается как аморальное действие. Религия может обеспечить по крайней мере три главные опоры для природоохранной работы:

1) религия защищает индивида, а не депersonализованное существо технократического общества;

2) религия способствует тому, чтобы человек признавал свою погрешность и возможность делать ошибки;

3) в отличие от технократизма, дающего индивидуальные возможности человеку создавать или разрушать мир, религия делает акцент на развитии моральных добродетелей человека.

Впрочем, не следует забывать о такой черте любой религии как догматизм, который становится препятствием для любых инноваций, а тем более для изменений в сфере моральных отношений. Кроме того, наряду с ориентацией любой религии на об-

щечеловеческие ценности и высокие морально-этические нормы, а также наряду с существованием специфических для каждой религии ценностей, взглядов, приоритетов, традиций, обрядов и т. д., существует, как отмечает П.Л. Каушанский, еще и третий компонент каждой религии, а именно – направленность религиозных учений против инакомыслия, крайняя нетерпимость к представителям других верований, претензия на исключительность собственного вероисповедания, которые приводят к религиозной ксенофобии¹. Эта составная часть каждой религии является препятствием для консолидации религий, а следовательно, и возможности единения людей различных вероисповеданий.

Экологическая этика создает возможности для единения человечества, поскольку глобальность экологических угроз требует общих и согласованных действий людей из разных стран с разными религиозными и политическими взглядами и разными культурными традициями. В моральном аспекте экологическую этику можно рассматривать как одну из религий, но лучше видеть ее одним из элементов каждого верования, что позволит верующим придерживаться принципов экологической этики, оставаясь в рамках своей религии.

¹ Каушанский П.Л. Религия и грозящая катастрофа. Проблема единения религий перед лицом глобальных угроз современности. СПб.: ВИТА, 1994. С. 68, 95.

Нужна ли религия природоохране?

К. Возьмитель

*Природный заповедник “Денежкин камень”,
Россия, 624477, Свердловская обл., с. Всеволодо-Благодатское*

Вопрос о роли религии в сохранении природы, на мой взгляд, правомочен так же, как вопрос о влиянии боковых зеркал заднего вида автомобиля на скорость движения. Понятно, что чем больше площадь зер-

кал и чем больше скорость, тем больше влияние зеркал на скорость движения автомобиля. То есть, сказать, что зеркала не влияют на скорость, мы не можем. Так же мы не можем сказать, что религии не влия-

ют на сохранение природы. Но, если мы желаем увеличить скорость автомобиля, то начнем трудиться над двигателем и формой автомобиля, и, в последнюю очередь, может быть, и над зеркалами. То есть, я хочу сказать, что зеркала придуманы и служат не для повышения скорости, так же и религии придуманы и служат не для сохранения природы. Зеркала автомобиля служат для безопасности, и может быть, религии тоже служат для безопасности. Безопасности человека. В интересах безопасности человека важно сохранять природу. И, если религии и влияют на сохранение природы, то очень и очень косвенно. Например, гора Денежкин Камень на территории заповедника считается у манси священной горой, и они туда, на гору, не ходят. Не ходят на гору и русские охотники. Манси – тоже охотники. И те, и другие не ходят на Денежкин потому, что “умный в гору не пойдет”. Просто потому, что трудно и опасно, да и ловить там некого. Сохранными в природе остаются места, труднодоступные или не пригодные для хозяйственного освоения, а уж потом эти места становятся священными. Олень для многих народов севера – священное животное. Но нигде на севере не сложилась система верований, запрещающая употреблять в пищу мясо. Вегетарианство, как элемент некоторых религий, родилось там, где много фруктов. Вообще любые “природоохранные” верования, запреты в любой религии, при более пристальном, не предвзятом и даже атеистическом рассмотрении, находят вполне материалистическое и реалистическое оправдание и объяснение. Религия нужна для того, чтобы сохранить душу, а не для того, чтобы сохранить природу. Мировые религии призывают заботиться о душе, и о “том

свете”, и не беспокоиться об “этом” свете. Здесь мне видится явно отрицательное влияние религий на сохранение природы. Если мы рассмотрим поведение человека как одного из видов животных, то становятся более понятным, оправданным и даже предсказуемым поведение и отдельного человека и больших групп людей в различных бытовых и исторических ситуациях. Если же, исходя из религиозных воззрений, считать человека венцом творения, то так и хочется спросить – что же ты творишь! В отношении природы, и в отношении ближних своих! Венец получается – в смысле – всему конец. Остается непонятным практическое применение рассмотрения данного вопроса в сохранении природы. Мы что, хотим выявить “правильные” религии, и обратить в “правильную” веру большинство человечества? У меня большие сомнения на этот счет. Человечество выходило из локальных кризисов всегда за счет природных ресурсов. Там, где не хватало ресурсов, локальные группы либо погибали, либо мигрировали, либо ассимилировались другими группами. Сегодня кризис глобальный, дополнительные ресурсы, если и “упадут” на нас, то разве что с неба, правда, порадоваться им в этом случае будет некому. Мигрировать нам некуда. Говоря о сохранении природы, мы, люди, подразумеваем сохранение – спасение человечества. Будучи религиозными, и веря в спасение и в бессмертность души, мы не тревожились бы так сильно о сохранении природы. Однако что-то тут не так. Конечно, когда придет время “спасаться”, то спасаться каждый будет как может. Быть может, кого-то вера спасет, кого-то религия, кого-то знания, кого-то кошелек – дело случая.

Христианство и экология: за и против

Д. Кинсли

Экологически вредное христианство. Господство над природой и антропоцентризм в христианстве и Библии

Критический анализ Библии и христианства, как имевших негативное влияние на появление и развитие современного экологического кризиса, обычно содержит три общих положения. Первое: Библия и христианство отрицают богов и духов природы. Второе: Библия и христианство – сильно антропоцентричны и учат, что люди созданы Богом для управления и господства над всеми другими видами живых существ и природой вообще. Третье: многие христианские писатели и богословы принижают природу, указывая ее подчиненное положение относительно Всевышнего, Который является духом.

Десакрализация природы

Те, кто предъявляют обвинение Библии и христианству в экологической эксплуатации, говорят, что Библия и христианство отклоняют языческое мировоззрение, в котором природа проникнута духами, живущими в деревьях, животных, реках, горах и планетах. По словам Линн Уайтт: “В старину распространенной религией был анимизм. Каждый ручей, каждое дерево, каждая гора имела духа покровителя, которого надо было ублажить, прежде чем использовать воду, срубить дерево или долбить гору”. Христианство, утверждает Уайтт, разрушив языческий анимизм, “сделало возможным безразличие к природе”. Христианство заменило всех старых богов, многие из которых были божествами природы.

Из-за этого природа была демистифицирована, что стало теоретическим основанием для появления позднее научного мировоззрения, которое воспринимало природу полностью несвященной и пассивной, созданной лишь для управления и удовлетворения нужд человека. Арнольд Тойнби пишет: “Человек отделен от природы, окружавшей его, которая была лишена святости. Благоговейное отношение и страх, с которым человек первоначально относился к окружающей среде, были уничтожены иудейским монотеизмом, а затем его продолжением в христианстве и исламе”. Линн Уайтт заявила: “Для христианина дерево – не более, чем физический факт. Понятие священной рощи чуждо христианству и этике Запада. Почти два тысячелетия христианские миссионеры уничтожали священные рощи как проявления идолопоклонства. Короче говоря, согласно этим представлениям, Библия и религии, основанные на ней, отрицают святость природы. Критики видят антипод Ветхого завета в культе Ваала, который обожествляет природу. Но пророки Ветхого завета клеймили этот культ, поэтому и говорится, что христианство предрасположено к десакрализации природы, что стало основанием для научной и технологической манипуляции над ней.

Господство над природой

Те, кто предъявляет обвинение Библии и христианству, подчеркивают тему человеческого господства над природой и сильной склонности к антропоцентризму, который пронизывает и Библию, и религии, на ней основанные. Согласно этому пониманию, библейский человек стоит над природой и призван ею управлять. Ученый-буддист Д.Т. Сузуки говорит:

“Проблема отделения человека от природы, как я думаю, произошла от библей-

Опубликовано: Kinsley D. Ecology and religion: ecological spirituality in a cross-cultural perspective, New-York, 1995. 180 p. Сокращ. перевод Киевского эколого-культурного центра.

ского понимания, по которому Творец дал человечеству силу доминировать над своей природой, что нашло свое отражение в культуре Запада. Когда были изобретены летательные аппараты, было сказано, что они победили воздух; когда люди поднялись на вершину Эвереста, делается заявление о победе над горами". Линн Уайт тоже говорит об этом: "Особенно в западной форме христианство – это антропоцентрическая религия, основанная на превосходстве человека над природой. Христианство, по контрасту с древним язычеством и религиями Азии ... не только породило дуализм человека и природы, но также настаивало, что это – Воля Божья. Чтобы доказать это, чаще всего цитируются следующие библейские стихи (Бытие 1, 26–29; Бытие 9, 1–3; и Псалом 8, 5–8).

Эти стихи, говорят экологические критики Библии, изображают мир как созданный, прежде всего, если не исключительно, для человека. Они строго придерживаются антропоцентрического понимания действительности, в которой Бог, прежде всего, заинтересован людьми. Эти стихи, говорят они, могут вести к человеческому высокомерию по отношению к миру природы. Как считает Иан МакХарг, ландшафтный архитектор, западная культура, основанная на религиозной библейской традиции, ущемляет природу в процессе прославления людей: "Иудаизм и христианство долго были заинтересованы справедливостью и состраданием к человеку, а природу они считали лишь фоном для его действий".

Библия, по мнению ее экологических критиков, является, прежде всего, повествованием, показывающим драму человеческого спасения. В этой драме главным является человеческая этика и мораль, как в некоторых исторических событиях, типа исхода из Египта, странствия к Земле Обетованной, построения храма и прихода Иисуса как Мессии. В этом повествовании отношения между людьми и природой не столь важны или интересны для библейских писателей. Оскорбительные действия

почти всегда понимаются в рамках человеческих отношений или отношений Бога и человека.

Библейское отношение к культу Ваала, исконной религии Ханаана, интерпретируется склонными к экологии критиками как критика религиозного представления, подчеркивающего связь с силами земли – короче говоря, критика религии природы. В Библии, говорят эти критики, источником человеческой духовности является Бог, а не силы природы. Гармония выражается в понятиях отношения с Богом, а не с землей или духами, населяющими землю. Земля или природа являются лишь косвенно священными, потому что были созданы Богом. Чтить землю саму по себе считается идолопоклонством в Библии и христианстве.

Презрение к природе и материи

Третьим аспектом экологической критики христианства является его стремление унизить природу и материю вообще. Эта клевета на природу связана со склонностью христианства возвеличивать верующего. Христианство, и, в частности, Библия думают о духовном совершенстве или спасении в понятиях отречения от всего земного и ухода от греховной природы человека, где конечной целью его земного существования является небо, а земля – это лишь временное пристанище. Духовный человек нацелен на небесное царство, которое существенно отличается, если не оппозиционно настроено, в отношении земного. В этом представлении, развитом некоторыми христианскими мыслителями, земная жизнь человека, прежде всего, понята как временное пребывание, в течение которого он связан и ограничен. Жизнь на земле считается пребыванием на чужбине. Мир, земля, другие формы жизни, и природа вообще в лучшем случае лишь способствуют этому.

Оппозиционно настроенными в отношении этого являются воззрения, что человеческий дух восходит к небу, отталкиваясь от своей биофизической природы, Бог присутствует в мире природы. Природа также

включена в отношения Бога и человека. Но, как считают критики христианства, христианская традиция почти полностью лишена экологического понимания. Неприятие природы и материального мира, которое развивалось в раннем христианском богословии, можно найти в Библии. В случае многих ранних христианских богословов основанием их мысли был скорее неоплатонизм с его идеями, чем Библия. Согласно философу Плотину (205–70 н. э.), действительность иерархична по своей природе. Бог, как чистый дух, стоит на вершине этой иерархии, в то время как духовные существа, типа растений, животных и неодушевленных объектов, находятся в самом низу. Иерархия строится на основании духовной природы существ; те существа, которые наиболее духовны, – ближе к вершине иерархии, а наименее духовные и больше материальные – дальше. Люди, как воплощение духа, обладают духовной природой, поэтому они стоят ниже Бога и ангелов, но выше всех других живых существ.

В этой иерархии сущностей самым важным является не различие между Творцом и его творениями (как в Библии), но между духовными и не духовными существами. Духовными существами помимо Бога, считаются ангелы и люди. Все другие создания ниже человека в иерархии – недуховные существа. Если творения ниже и обладают разумом и чувствами, но не духовны, то они – просто материальные существа. Люди уникальны. Они – духовные существа, хотя и заключены в материальных телах. Они разделяют духовную самобытность и с более высокими созданиями в иерархии, но также разделяют самобытность с более низкими созданиями.

Богословие Оригена (185–254 н. э.)

Самым ранним и вероятно лучшим примером христианского богослова – неоплатоника был Ориген. Согласно Оригену, Бог создает мир после и из-за духовного бунта в небе, в котором некоторые рациональные духи отходят от Бога. Бог создает мир, чтобы предохранить людей от падения полно-

стью в царство небытия. Падшие духи запутаются в материальном мире, который Бог создал ради них. Материальный мир, согласно Оригену, создан Богом как своего рода чистилище, где люди проходят через испытания и скорби, чтобы возвратиться к царству чистого духа, от которого они отпали. Ориген презирает материальный мир, особенно человеческое тело, к которому он относился радикально аскетически. “Мир плоти – это мир бесов. Материя... – это царство сатаны”. Создания, находящиеся в иерархии ниже людей, – звери, растения и остальная часть природы – не считаются духовными, но теми, чьей задачей является обеспечить фон для морального совершенства людей. Этот мир – “пагубная пустыня” для Оригена. Без человека другие создания не имеют никакой ценности. Они не обладают духовной природой, и созданы полностью для человеческих целей. Спасение тогда является процессом, где люди (и другие существа типа планет) восстанавливают свое первоначальное состояние. Спасение описывается Оригеном очень спиритуалистически. Когда весь человеческий род будет спасен, физический мир выполнит свою задачу и перестанет существовать. В воскресении для Оригена тела будут подобны эфиру, имея небесную чистоту и ясность, будут полностью духовными по природе. Спасение для Оригена – это освобождение от материи. Материальный мир чужд человеку. Его дом – в небе, поэтому материальный мир не имеет никакой ценности.

Чтобы согласовать свое богословие с Библией, Ориген обычно интерпретирует библейские тексты аллегорически. Например, он интерпретирует изгнание Адама и Евы из Эдемского сада как падение непослушных ангелов в материальный мир. Исход и странствие евреев к Земле Обетованной интерпретируются как постепенный приход человека к спасению. Египет объясняется как состояние рабства материального мира, в то время как исход объясняется как начало возвращения к небу.

В богословии Оригена мы видим ясное

и определенное унижение природы и материи. Человеческая жизнь на земле, как понимается, является неестественной для духовной природы людей и должна быть преодолена в поисках духовного, природа играет лишь вспомогательную роль в очищении и направлении людей к спасению. В значительной степени природа – это темница, которая ограничивает и связывает духовную природу людей. Некоторые из идей Оригена, типа перевоплощения и роли Иисуса, была позже осуждены Церковью как еретические. Однако, сама структура его богословия характерна для христианства.

Богословие Фомы Аквинского (1225–1274)

Обращаясь к Фоме Аквинскому, который жил почти тысячу лет спустя после Оригена, мы видим продолжение его мыслей у Фомы. Согласно Аквинату, сотворение мира предназначено, чтобы отразить праведность Бога. Создания – это проявления божественной праведности. В его взгляде создания, каждый вид имеет свое значение, но собственным образом отражает природу Бога. Необходимая характеристика создания – это его место в иерархии природы. Среди всех созданий, живущих в мире, человек наиболее духовен и рационален, и как считает Аквинат – наиболее возвышен. Более низкие и менее духовные создания, согласно Аквинату, отражают Всевышнего, служа более высоким созданиям. Они не принимают участие в божественной праведности так же, как люди, и из-за этого зависят от людей. Действительно, их природа имеет значение только в отношениях с людьми. По словам Аквината: “как мы можем наблюдать, ... несовершенные существа служат нуждам более благородных существ; растения питаются соками земли, животные питаются растениями, а они в свою очередь служат человеку. Мы заключаем тогда, что безжизненные существа существуют для живых существ, растения для животных, а последние – для человека ... вся материальная приро-

да существует для человека, поскольку он – разумное животное”.

Все создания являются благими настолько, насколько служат человеческим целям и нуждам. Природа считается лишь объектом человеческого потребления, призванным удовлетворять человеческие нужды и служить его духовному росту. Аквинат пишет: “Мы верим, что все материальные вещи были созданы для пользы человека, ибо все они подчинены ему. Теперь они служат человеку двумя способами. Во-первых, как хлеб насущный его телесной жизни, во-вторых, как помощь в познании Бога, проявляющемся в материальных вещах”.

В размышлениях Аквината на тему спасения меньшие существа и физический мир ясно подчинены судьбе человеческого рода. Человеческий род будет усовершенствован посредством спасения, и это совершенно подразумевает превосходство над материальным миром. Аквинат использовал аналогию, что материальный мир – жилище людей; жилища должны быть удобны для живущих в них, но материал не совсем подходящий для полного искупления и обновления человека. Возрождение человечества в спасении заключается в оставлении менее совершенного тварного мира и его созданий. Короче говоря, по мнению Аквината, животные не способны к возрождению и совершенству, поскольку люди, только люди участвуют в процессе спасения.

Святой Бонаventura (1221–1274) и Данте Алигьери (1265–1321)

Труды святого Бонаventura и Данте, двух значительных средневековых мыслителей, содержат идеи, близкие идеям Аквината. Подобно Фоме Бонаventura и Данте считали сотворение святым актом. Оно – результат проявления праведности Бога, поэтому мир как Его сотворение, хорош. Но он хорош только относительно, и занимает зависимое место в космической иерархии вещей. Когда Бонаventura и Данте говорят о духовном росте человека в своих творениях, тема духовного подъема низводит роль физического мира до вторичного ста-

туса. Хотя природа – это прекрасное Божье творение, у Бонавентуры и Данте нет акцента на установление связи с природой, общения с природой или уважения к ней. Действительно, в процессе духовного роста природа все более и более трансцендентна; у обоих авторов видно, что дом верующего человека находится в небе, вне мира материального. Хотя оба считали мир проявлением божественной славы, цель жизни человека – это полное освобождение от биофизического порядка. Из путешествия Данте по трем сферам Вселенной ясно, что дом человека не на земле, “среди птиц, змей, деревьев и ручьев. Его дом – высоко в небе, в области абсолютного и чистого духовного совершенства”.

Реформация: Лютер и Кальвин

В отличие от средневековой христианской мысли, реформаторы Мартин Лютер (1483–1546) и Жан Кальвин (1509–1564) отклоняли идею, что люди способны войти на небо посредством личных заслуг. В своей концепции спасения они подчеркнули скорее сошествие Бога к Земле. Однако их богословие не подразумевает позитивного отношения к природе. Напротив, как мы увидим, природа – все еще на заднем плане в их богословии. Сошествие Бога на землю в лице Иисуса, прежде всего, если не исключительно, связано со спасением людей и не имеет ничего общего с судьбой природы. Природа представляет ценность лишь как проявление славы Бога. Также она имеет ценность когда служит людям. Для Лютера природа создана Богом, прежде всего, чтобы служить жилищем для людей. Лютер сказал, например “смена дня и ночи создана с целью нашего телесного отдыха. А свет создан, чтобы мы могли лучше сделать свою работу”. Лютер имел склонность к негативной оценке природы: “Бог проявляется на людских созданиях ... и что есть тернии, чертополох, огонь, гусеницы, блохи и клопы? Все вместе и порознь – они посланцы, посланные сказать нам о грехе и гнев Бога”.

Для Лютера природа – не только прояв-

ление славы Бога, но и время от времени, является “враждебными энергиями..., побуждающими отчаявшихся дух искать и цепляться за руку Бога. ... Природа имеет печать отчаявшегося духа”. Это больше отталкивает, чем привлекает.

Для Кальвина также люди и их отношения с Богом – главная проблема его писаний. Природа – вспомогательна, лишь фон для драмы человеческого спасения. Кальвин видел Бога прежде всего как силу. Бог относится к природе как ее правитель. Бог управляет и руководит природой; как дети Божьи люди должны подражать этим отношениям в их отношениях с природой. Акцент у Кальвина не в общении с природой, не во включенности природы в духовные поиски. Акцент находится на преобразовании природы на славу Божью.

Человеческое господство над природой в Англии Нового времени

В шестнадцатом – восемнадцатом столетиях в Западной Европе закончился средневековый период, характеризующийся единым христианством под руководством Папы, появлением наций, исследованиями Африки, Азии и Америки европейцами, появлением индивидуализма и меркантилизма, открытием и развитием современного научного метода, распространением колониализма, рождением индустриальных технологий и появления мануфактур. Эти изменения охарактеризовали начало Нового времени. В течение этого периода христианство еще доминировало над культурными, историческими, профессиональными и политическими аспектами жизни в Западной Европе и Америке. В значительной степени Библия и христианство были призваны поддерживать и укрепить технический прогресс, научные открытия и колониализм. Некоторые из аспектов, которые мы описали как антиэкологические, были выделены, в то время как другие спокойно забыты. Идеи, которые были забыты – это аскетическая отчужденность от природы, и попытки взойти выше материального мира

к возвышенному, духовному миру. Хотя эти тенденции остались в христианстве, они уже не столь подчеркивались богословами. Тема антропоцентризма, господства человека над природой и превосходства людей по отношению ко всем другим созданиям служили оправданием многих проявлений современного периода. Краткий обзор духовных тенденций Англии Нового времени иллюстрирует это. В библейских комментариях этого периода природа интерпретируется почти исключительно в антропоцентрических понятиях. Пагубные аспекты природы, например, интерпретировались как результат человеческого грехопадения. Наказывая Адама и Еву, Бог сделал природу враждебной, хотя прежде природа была дружественна к людям. После грехопадения, как подчеркивает много комментаторов, земля потеряла свою красоту и богатство. Ядовитые растения, тернии и чертополохи, казалось, заменили растительность, которая была полностью подходящей людям. Земля стала менее плодородной, и ее обработка стала требовать больших усилий. Появились вредные насекомые и многие животные, которые были ручными и дружественными людям, стали дикими и опасными. Природа описывается как испорченная, падшая, непослушная и греховная, не сама по себе, а в результате человеческого морального падения. Она – отражение человеческого состояния. Это понято строго с антропоцентрической точки зрения. Как выразился один комментатор: “творения не были созданы для себя, но для использования и обслуживания человека. Поэтому их изменение к худшему – не их наказание, но часть нашего морального состояния”.

Животное, которое кажется недружелюбным к людям, является проявлением божественного плана как наказание за грехопадение или, возможно, призвано наставлять людей таким способом. Один комментатор так сказал об этом: “Все создано для человека для его потребностей”. А другой добавил: “единственная цель животных состоит в том, чтобы служить человеку. Для этого они были сотворены”.

Именно для человеческих нужд были созданы животные. Верблюды, которых проповедник увидел в Аравию, где нет никакой воды и диких зверей, которые могут нанести вред. Это был знак провидения Бога, что дикие животные менее плодовые, чем домашние, и что они спят днем, выходя на охоту обычно только ночью, когда люди спят. Кроме того, принималось во внимание, что дикие животные похожи друг на друга, а коровы, козы, собаки и другие домашние животные весьма разнообразны по цвету и форме, чтобы “люди могли различать их свойства”. Врач Джордж Чейн в 1705 году объяснил, что творец заставил экскременты лошади хорошо пахнуть, потому, что знал, что люди будут часто близко возле нее.

Уильям Берд написал, что слепни были созданы Богом, чтобы испытать терпение и смекалку людей. Джордж Оуэн сказал, что омар был создан, чтобы дать пищу людям. Генри Мор в 1653 написал, что рогатый скот и овца были созданы Богом для того, чтобы люди могли всегда есть мясо. Уильям Кирби нашел вошь полезной в божественном замысле вещей, потому что она учила людей необходимости поддерживать чистоту тела.

Овощи и полезные ископаемые были расценены таким же образом. Генри Мор думал, что их единственная цель состояла в том, чтобы увеличить человеческую жизнь. Без леса человеческие жилища были бы просто “большими ульями или гнездами”, а без металлов люди были бы лишены “славы и великолепия” войны и различных видов оружия; вместо этого были бы “только вопли и крики бедных людей, бьющих друг друга ... камнями, палками и кулаками”. Сорняки и яды имели свое значение, чтобы человек боролся с ними, таким образом совершенствуя свои знания.

Такие представления предполагали, что Бог создал мир для некоторой человеческой цели. Все создание считалось сотворенным для человечества. Этот антропоцентризм был связан с утверждением, что че-

ловечество призвано доминировать над природой. Одомашнивание животных было замечено как пример того, что Бог их создал для человека. Овцы, свиньи и коровы, как считалось, выигрывают от человеческой заботы больше, потому что защищены от уничтожения дикими животными; в то же время, резня животных для человеческого потребления могла казаться жестокой. Но Томас Робинсон в 1709 году сказал, что уничтожение их должно пониматься как благословение, а не жестокость, потому что, предотвращает смерть животных из-за болезни и старости. Человеческая власть над природой рассматривалась как фактически неограниченная; Джон Дей в 1621 году сказал, что человечество “может использовать ее для своего блага, выгоды или для удовольствия”. Растения и животные, как считалось, не имеют никаких прав вообще. Самуэль Готт полагал, что “мы можем приговорить их к любому виду смерти, если это нам необходимо”. В течение этого периода в Западной Европе целью человеческой жизни было одержать победу над природой и многие христианские богословы были бы счастливы дать объяснение этому. Наиболее популярное и профессиональное богословие не имело никакой симпатии к природе, которая, как замечено, была полностью бесправной. В этом периоде “человеческая цивилизация была фактически синонимична с завоеванием природы”.

Именно в этом контексте возникла современная западная наука, и ее цель была в гармонии с теологическим акцентом на человеческом господстве над природой как данном Богом праве. Весьма часто ученые выражали свои цели в теологических понятиях. Для Френсиса Бэкона (1561–1626), например, цель науки состояла в том, чтобы обеспечить людей познанием, необходимым для восстановления их господства над природой, которое они потеряли в результате грехопадения. Уильям Форсайт, в дискуссии о значении изучения поведения гусениц, сказал: “Очень важно знать как можно лучше жизнь насекомых, чтобы научиться с помощью этих знаний управлять

природой”. Ботаника и зоология были прагматичными и изучали растения и животные с целью увеличить человеческое господство.

Человеческое господство над другими видами стало центральной темой в этом периоде европейской цивилизации. Развитие человеческого общества, культуры и цивилизации рассматривалось как процесс защиты против диких зверей, одомашнивания некоторых видов, чтобы господствовать над ними. Человеческое завоевание и владение землей были результатом смекалки людей, сумевших подчинить себе другие виды живых существ. В течение этого периода значительное внимание уделялось проблеме человеческой уникальности. В обсуждении этой проблемы почти все признавали превосходство человеческой разновидности. Обсуждение подчеркивало радикальные различия между людьми и другими созданиями. Человеческое превосходство оправдывало пути, которыми люди доминировали над другими созданиями, находило причины этого, которые известны и нам; только люди разумны, способны к моральным действиям и имеют душу.

Особенно важной тенденцией в этом обсуждении человеческого превосходства была увеличивающаяся склонность видеть природу как мертвую материю и другие виды как машины. Только люди имели душу и дух. Животные, хотя и вели себя подобно людям, не обладали душой. Для Рене Декарта (1596–1650), например, “человеческое тело было также автоматом; в конце концов, оно совершало много бессознательных функций, подобно пищеварению. Но различие было в том, что в пределах человеческой машины имелся разум и душа, а животные были автоматами без разума и души. Только человек объединял и материю и интеллект”.

То, что библейские и христианские темы, подчеркнутые в этом обсуждении, продолжают влиять на современное отношение к природе, является очевидным. Стимулом развития науки и техники является познание и подчинение природы. Это осо-

бенно видно в медицине и технике. Хотя теологический или библейский язык и образы не обязательно используются при этом, они являются основой антропоцентризма, господства над природой и превосходства людей.

В течение нескольких последних столетий истинность этих представлений не всегда подвергалась сомнению. Некоторые мыслители возражали против того, что они считали человеческим высокомерием и гордостью, но вообще люди чувствовали себя полными правоты, доминируя над природой, хотя это и уничтожало ее. Лишь недавно отношения начали изменяться. Многие люди стали пробовать находить экологически позитивные аспекты библейской и христианской традиции.

Экологически позитивное христианство.

Проблемы с гипотезой управления

Мы рассмотрели объяснения, почему Библия и христианство ответственны за гипотезу управления, приведшую к экологическому кризису. Но некоторые аспекты этого можно также рассматривать позитивно, и поэтому и Библия, и христианство могут быть источником экологической духовности.

Десакрализация природы

Сторонники гипотезы управления доказывают, что десакрализация природы в Библии привела к недостатку уважения природы. В отличие от Библии, эти люди говорят, что языческий мир, представленный культурами древнего Ближнего Востока и Средиземноморья, считал природу управляемой и насыщенной духами, богами и богинями. Но и в языческом мире люди уничтожали природу. Сельское хозяйство по своей сути – это манипуляция землей. Строительство домов и каналов, мелиорация – это все было уже в языческом мире, чему не препятствовала вера в духов природы. Хотя некоторые рощи, горы, и потоки считались особенно священными, другие таковыми не были. Библия имеет

несколько стихов, в которых говорится, что мир природы надо уважать и почитать, в то время как нет стихов, которые бы рассматривали его как мертвую материю, которой можно легко управлять. (См. псалом 96,11–13.) В псалме 148, 1–13, мы видим проблеск иного представления о мире природы, которая воспринимается как живая и отвечающая Богу моральным способом.

На основе подобных стихов Ричард Камерон Виброу, комментируя взгляд Ветхого Завета на природу, написал: “Для Библии мир природы – живой. В большинстве... земля в целом, некоторые ее части как почва, растительность и животные изображены как чувствующие, отзывчивые, и реагирующие на добро и на человека. Они вступают в моральные и даже правовые отношения. Они могут быть послушными или непослушными Богу. Это все создает впечатление..., что квази-человеческая, моральная “жизнь” проникает во всю природу – землю и моря, горы и долины, звезды и планеты. Это показано, чтобы заключить, что природа далека от бездушности в библейской мысли”.

Мир природы не является священным или божественным в Библии, но он – и не мертвый, безжизненный, и не лежит вне божественной справедливости. Им можно злоупотреблять, его могут оскорблять и уничтожать люди, и он может реагировать на это с отвращением.

Господство над природой

Сторонники гипотезы управления также подчеркивают идею человеческого господства над природой в Библии. Снова это ведет к десакрализации природы. Господство над природой – тема, которая может быть легко найдена в языческой религии, и есть много подтверждений тому, что языческие цивилизации довольно активно эксплуатировали природу. Критики гипотезы управления доказывают, что нельзя говорить, что все это произошло от Библии. Также критики гипотезы управления указывают, что Библия возводит значительные ограничения на человеческое господство над природой. Нигде Библия не учит че-

ловеческой тирании над природой. В многих местах Библия ясно дает понять, что люди не властвуют над небесами и что они изгнаны оттуда; небо, которое включает небесные тела – вне человеческого господства. Ограничениям также подвергнуто человеческое общение с природой, некоторыми существами или объектами в законе Моисея. Имеются ограничения на вырубку фруктовых деревьев (Второзаконие), есть указание “отдыха” земли каждый седьмой год (Левит 25,1–7), людям запрещено есть мясо “нечистых” животных и так далее. Другой закон запрещает убийство матери и ее потомства (Второзаконие 22, 6–7). Отношения с животными, особенно домашними, должны быть гуманными (например, Второзаконие 25, 4). Ричард Камерон Виброу пишет об этом так: “Вообще, господство человека над животными в Библии ограничено фактом, что счастье животных, подобно счастью людей, – конец или цель создания. Бог заботится о благосостоянии животных, и они не призваны только чтобы обеспечивать человека”.

Презрение к природе и материи

Этой темы вообще нет в Библии. Хотя земля считается подвергнутой негативным воздействиям грехопадения человечества, но земля вообще положительно оценивается в Библии, как в случае Земли Обетованной, земли, где течет молоко и мед. Негативные представления о земле возникли в греческой языческой мысли. Хотя многие постбиблейские христианские мыслители признают дихотомию духа и материи, в Библии этого нет. Возможно, лучший способ продемонстрировать факт, что христианская традиция последовательно и единодушно отвергает негативное отношение к природе, следует привести несколько примеров мыслителей, которые хвалят природу как творение Божье, которое является хорошим.

Ириней (ок. 130–200)

Как и Ориген, который жил примерно в то же самое время (185–254), Ириней имел

позитивное понимание физического тела и материальных созданий. Для Иринея физический мир – это специально созданный дом человеческого рода, который благословлен Богом, чтобы искупить человечество. Для Иринея божественный план явлен для всех созданий. Это – завет Бога и мира, который должен быть искуплен наряду с человечеством. Создание в целом – это часть божественного плана спасения, и Бог не находится в стороне от материальных творений, как у Оригена. Подобно отцу, говорит Ириней, Бог заботится о своих творениях. В отличие от многих христианских богословов, Ириней также минимизировал тему земли как проклятой из-за греха Адама. Ириней учил, что большинство созданий после грехопадения продолжают оставаться послушными Воле Божьей. Природа тогда сохраняет свою праведность. Ириней также позитивно относился к человеческому телу, которое, как он говорил, показывает многими способами большую мудрость Бога.

В то время как Ириней стремился подчеркнуть главное место людей в творении и божественном плане, и воспринимал природу в этом ракурсе, он был позитивно настроен по отношению к материальному миру.

Августин (354–430)

Самым значительным христианским богословом до святого Фомы Аквинского был Августин. Его богословие доминировало в христианской мысли в течение столетий, и сейчас оно не потеряло своего значения. Иногда его считают мыслителем, который не ценит материальные создания и человеческое тело. Это неверно, потому что лишь в своих ранних трудах он был под влиянием неоплатонизма и его идей. В своих поздних произведениях он подтверждал красоту и праведность создания и физического тела. Августин писал, что окончательная цель всего творения – красота, и что цель творения состоит в том, чтобы прославить Бога во всей полноте. Создания, по Августину, отражают чудеса, праведность

и красоту Бога и поэтому они красивы. Полемизируя с еретиками, отрицающими это, Августин сказал: “Они не видят, сколь замечательны эти вещи на своих собственных местах, как превосходны в их природе, как красиво сочетаются с другими творениями, и сколько благодати они содержат в себе”. Для Августина каждое создание имеет собственную ценность и по сему прославляет Творца. И в то время как Августин иногда поражался полезности созданий для людей и указывал способы использования различных видов, он упорно утверждал, что каждое создание по его собственной природе, а не в понятиях его полезности людям, является красивым и прославляет Бога. В беседе об отношениях Бога к творениям Августин изобразил Бога как пастыря, который заботится о своих творениях. Он изобразил Бога, который думает о мире и заботится о нем, подобно внимательному родителю. В другом образе он представил Бога как творца перед произведением искусства: “Как творческий дух способствует созиданию, так и Святой Дух; он присутствует во всех вещах, в их способности творить и развиваться”. Для Августина Бог присутствует в Своих созданиях и внимательный наблюдатель замечает присутствие Бога повсюду.

Как и Ириней, Августин утверждает, что грехопадение воздействовало только на человека, а не на природу, и что сатана не властен над ней. Напротив, твари не грешат, но их возвышенная красота говорит об их Творце, о Его красоте. В словах и образах, которые были восприняты сотни лет спустя Франциском Ассизским, Августин сказал: “Как я могу выразить всю красоту творений, их пользу, которых праведность Всевышнего дала человеку для утешения его глазам и службе его целям...?”

Буду я говорить об очаровании неба или о земле, море, солнечном свете, луне и звездах; о тени деревьев; о цветах и их аромате; о множестве птиц, столь разных по оперению и голосу; о разнообразии животных, где самые маленькие по размеру являются часто наиболее замечательными; о работе

муравьев и пчел, удивляющих нас больше, чем огромные тела китов? Как сказать о море, которое непосредственно является столь большим зрелищем, когда играет всеми оттенками различных цветов...?

Спросите очарование земли, спросите очарование моря, спросите очарование широких воздушных пространств, спросите очарование неба, спросите порядок звезд, спросите солнце, производящее дневной свет с его лучами, спросите луну, заволакивающую темноту ночи, спросите живые существа, которые движутся в воде, которые ползают по земле, которые летают в воздухе; спросите дух, скрытый в них, тела; видимые вещи, которые должны управляться, невидимые вещи, которые управляют, спросите эти вещи, и они ответят вам: “Да, мы – красивы”. Но как же тогда красива та неизменная Красота, создавшая их? “Для Августина создание не может быть божественно само по себе, но оно свидетельствует о Всевышнем и является проявлением его красоты.

Франциск Ассизский (1182–1226)

Жизнь святого Франциска Ассизского – наиболее яркий пример любви к природе в средневековом христианстве. Любовь святого Франциска к природе и единство с ней известна и признана в христианстве, и многие легенды о Франциске изображают его проповедующим птицам, зверям и растениям. Связь Франциска с природой, его интерес и любовь к ней часто описывается в религиозных понятиях, в аспектах жизни Иисуса и ее полезности для людей. Что касается его проповеди природе, Франциск часто связывал это с духовной жизнью или с драмой спасения. Например, Франциск говорил, что жаворонок “очень хорошо верит, когда летит, потому что он хвалит Бога своей песней... отрываясь от земных вещей, что Бог приветствует. Он любит червей, потому что Иисус сказал: “я – червь, не человек”. Франциск любил все создания как своих братьев и сестер, и в этом смысле он отличался от тех христиан, которые были до него. Нечеловеческие создания, возмож-

но, иллюстрировали или символизировали аспекты духовной жизни и служили людям, но Франциск увидел в них существа, имеющие свою собственную ценность, существа, которых он любил и уважал. Он ценил животных и часто защищал их. На примере Франциска мы видим человека, достигшего связи с животными, который смог выразить это в рамках христианства. Фома из Челано пишет в биографии святого: “Когда он находил изобилие цветов, он проповедовал им и взывал их славить Бога, так если бы они были наделены разумом. Таким же образом он увещевал очень искренно поля и виноградники, камни и леса, источники воды и зеленые сады, землю и огонь, воздух и ветер любить Бога и служить ему охотно. Наконец, он называл все создания “брат” и “сестра”. Во многих историях о Франциске животные описаны как кротко и нежно отвечающие ему. Когда ему попался кролик, “он держал его нежно и с жалостью любящей матери. Тогда, предупредив его кротко, чтобы тот не позволял себя поймать, он отпускал его. Но каждый раз это животное немедленно возвращалось в его руки неким таинственным способом, потому что чувствовало любовь к себе. В конечном счете, Франциск перевел монастырь в другое место леса”.

Самое известное произведение Франциска – это его “Гимн Солнцу”, в котором он восхваляет Бога за красоту сотворенного мира:

Тебе – хвала. Тебе – благодаренье,
Тебя единого мы будем прославлять,
И не достойно ни одно творенье
Тебя по имени назвать!
Хвалите Вечного за все Его создання,
За брата своего, за Солнце, чье сиянье,
рождающее день – одна лишь тень,
О Солнце солнц, о мой Владыка, –
одна лишь тень от Твоего невидимого лика!
Да хвалит Господа сестра моя Луна, –
И звезды, полны таинственной отрады,
Твои небесные лампы,
и благодатная ночная тишина!
Да хвалит Господа и брат мой Ветр летучий,
Незнающий оков и грозовые тучи,

И каждое дыханье Черных бурь,
и утренняя, нежная глазурь!
Да хвалит Господа сестра моя Вода.
Она – тиха, она – смиренна,
И целомудренна, чиста и драгоценна!
Да хвалит Господа мой брат Огонь – всегда
Веселый, бодрый, ясный.
Товарищ мирного досуга и труда,
Непобедимый и прекрасный!
Да хвалит Господа и наша мать Земля.
В ее родную грудь, во влажные поля
Бразды глубокие железный плуг врезает,
А между тем она с любовью осыпает
Своих детей кошицами плодов,
Колосьев золотых и радужных цветов!
Да хвалит Господа и смерть моя родная,
Моя великая, могучая сестра!
Для тех, кто шел стезей добра,
Кто умер, радостно врагов своих прощая, –
Для тех уж смерти больше нет,
И смерть им – жизнь, и тьма могилы – свет!
Да хвалит Господа Вселенная в смиренье.
Тебе, о Солнце солнц, – хвала и песнопенье!

Особенно поражает в этом известном гимне Франциска то, что он хвалит так много неодушевленных созданий. То, что понимается обычно как неодушевленное – солнце, луна, ветер, вода и огонь – рассматривается Франциском как части божественного космического сознания. Для Франциска “неживая природа” является живой; и она поет гимн своему Творцу.

Альберт Швейцер (1875–1965)

Заключительный пример христианского уважения к миру природы должен удовлетворить предположение, что христианская традиция – это ресурс экологической духовности. Альберт Швейцер был одним из наиболее известных христианских миссионеров двадцатого столетия. Он был также ученым, музыкантом и врачом. Провел большую часть своей жизни в Африке, где построил больницу для бедных. Он имел глубокое уважение к жизни и ко всем ее формам. Часто подбирал червей и насекомых и переносил их в безопасное место. Он был воплощением человека, уважающего жизнь.

Швейцер писал: “Человек истинно этичен только тогда, когда он повинуется призыву помочь всякой жизни, и не вредит ей ни в чем. Он не спрашивает, заслуживает ли жизнь этого и является ли она ценностью. Жизнь для него священна. Он не рвет листов с дерева, не срывает цветов, и заботится, чтобы не раздавить никакого насекомого. Если летом он работает при искусственном освещении, он предпочитает держать окно закрытым и сидеть в духоте, чем способствовать гибели ночных бабочек.

Если он гуляет после дождя и видит земляного червя, который заблудился и может высохнуть на солнце, прежде чем доползет до своей норы, он подхватывает его и относит в лужу”.

В этих строках Швейцер повторяет индуистскую и буддистскую ахимсу – отказ от насилия ко всем живым существам, и из этого видно, что такое отношение к природе может иметь место в христианстве.

Письмо против язычества

Г. Артемкин, Т. Артемкина
газета “Зеленый луч”, г. Рязань

*Русский и православный – слова-синонимы;
русский без Православия дрянь, а не человек...*

Ф.М. Достоевский

От одного из лидеров экологического движения в редакцию поступила просьба напечатать его стихи и публицистику. Не в наших правилах отказывать авторам, но в данном случае мы оказались в тупике: произведения оказались откровенно языческого толка и печатать их, значит поощрять заблуждение автора. Учтивая разгоревшуюся в экологической среде полемику о том, какая религия лучше защищает природу, решили выступить и мы.

“Язычество – общее название первобытных нетеистических религий, основанных на многобожии” (Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2000). Чем-то ветхим веет от ушедшего в Лету слова “язычество”. Давным-давно развенчанное, тем не менее, подает оно из небытия знаки, всплывая из болота забвения смутными образами, будоражащими наше воображение мистическими обрядами давно минувших дней. Но не обрядами опасно язычество, а идеей равноправности, или даже главенства природы над человеком. Эти мотивы уже проникли и в экологические круги. Происходит это,

скорее всего, от отчаяния сохранить природу своими силами.

Между тем, приоткрытая тайна создания всего сущего: Космоса, Земли, растений, животных и, наконец, человека, указывает и на существование способов сохранения всего этого. Непостижимая стройность и глубина этих способов открывается в том случае, если по-детски, буквально, воспринять указанную нам в Книге Бытия Истину. Физики и математики, биологи и врачи снова и снова подтверждают своими вполне земными мерками неземную мерность кладезя Истины. Бог открыл этот кладезь всем человекам в равной степени, другое дело, что не все хотят черпать из него. Тем же, кто прильнул к Источнику, непременно дается. Мы входим в кабинет врача и видим на стене православную икону, нам становится спокойно, потому что мы знаем, что здесь к нам отнесутся по-христиански, все наши проблемы найдут понимание, а мы получим настоящую помощь. Икона в кабинете удачливого бизнесмена неперемное свидетельство того, что он

еще и совестливый человек. Книга Бытия раскрывает нам все аспекты человеческого существования. Есть там и о природе, и о мироздании вообще. Если позволить себе некоторое образное трактование изложенного в Книге Бытия постулата о мироздании, то мироздание – Дом (Эко) человечества, где Земля – фундамент, деревья – стены и крыша, растения – пища, животные – помощники, а человек – обитатель (хранитель) Дома, иными словами, хозяин и слуга одновременно. При такой расстановке, очевидно, что все перечисленное суть творения (твари), имеющие каждый свое назначение. Термин “экология”, определяющий экологическое движение, указывает и на наше, как участников этого движения конкретное назначение. Состоит оно в том, чтобы изучать, оберегать дом и соблюдать правила проживания в нем помогать в этом процессе братьям по разуму.

Спросят, какое отношение все это имеет к экологии или к язычеству. Самое прямое. Следование правилам поведения в Доме – не убий, не укради, не возжелай добра ближнего своего... и еще семи позволяют исполнять Закон. Закон охраняет Дом. Дом позволяет человеку быть. Вне Дома человек быть не может. Этот нравственный аспект отнесем к “хозяйству” экологии.

Любая ложь, отступление от истины – суть беззаконие. Беззаконие ведет к уничтожению. Ложные взгляды в учении о Доме ведут к его разрушению. Следовательно, эколог, опирающийся в своей деятельности на языческую основу – не защитник, а разрушитель природы. Этот безнравственный аспект отнесем к “хозяйству” язычества.

Понять, почему экологи легко поддаются на приманку язычества, легко – это объясняется (но не оправдывается) желанием призвать нарушителей экологического закона к порядку. Как щит выставляется тезис об обожествленности объектов природы – воды, леса, земли, камней. Между тем любовь к природе не имеет ничего общего с поклонением ей. Актом поклонения человек ставит себя ниже природы, тогда как это является грубой ошибкой, легко обна-

руживающейся при внимательном наблюдении свойств объектов (человеческий организм является самым сложным объектом тварного мира).

Нарушение закона несет в себе еще одну опасность – это вред, который причиняет себе сам нарушитель. По исследованиям профессора Вейника, любое отступление от десяти заповедей, данных Богом Моисею, вызывает включение определенных механизмов в теле нарушителя, и он заболевает какой-либо болезнью, параллельно происходит разрушение психики. Психически больной человек уже не способен защитить ни природу, ни окружающих от себя.

Славянское язычество. Можно ли его возродить? То язычество, которое исторически существовало у народов, населявших территорию нынешней России, возрождению не подлежит, так как не осталось ни одного научно достоверного источника (письменного или археологического) об этой сфере деятельности, то есть не существует корней, питающих его возрождение. Источники это знают, а вот несведущие могут поверить заявлениям современных “язычников”, что их верование исконно славянское, как они называют, верование их предков. Система взглядов, которой придерживаются современные язычники (неоязычники), отражает только их собственные измышления, подпертые цитатами из древних книг других языческих культур: индийской, кельтской, дальневосточной. В качестве иллюстрации приведем отрывок из работы Шпирельмана “Перун, Сварог и другие: русское язычество в поисках себя”, на этот источник ссылается и наш респондент. “Доброслав [некий Добровольский А.П. – прим. авторов], объявляя себя язычником, не отказывается и от оккультизма, – он пишет о всемирных сострадании и симпатии как якобы оккультном сверхполе, охватывающем Вселенную, о “нравственно-космологическом единстве бытия”, о биоэнергии, излучаемой в момент смерти, о телепатии, карме, астрале, “единой изначальной воле и мировом разуме”. Он также свободно заимствует языческие пред-

ставления и разных культур мира – Африки, Центральной Америки, Китая, Сибири”. Подобная мешанина присутствует практически у всех адептов неоязычества России.

Не одобренное романтизмом, неоязычество в чистом виде завлечь в свои ряды человека со здоровой психикой и установившейся шкалой моральных ценностей и запретов не может. Достаточно посмотреть на описание “культурной программы” Доброслава, и станет понятно, что после участия в таком поклонении не только жена родная на порог не пустит, а и чужие люди будут гнать отовсюду. Читаем у Шпирельмана: “Доброслав (Добровольский А.А.) устраивает праздник купалы, на котором он устраивает обряд расхристианивания и имянаречения. Основой мира для Доброслава является плотская любовь. В центре его учения лежит поклонение животворящему мужскому половому органу. Поэтому ритуальные действия проводятся в форме буйных эротических игрищ вокруг вырезанного из дерева вертикального столба, символизирующего это самое начало”.

Наше общество судорожно ищет “свой” путь России. Какой же путь ведет к капищу? Отступление от истины в малом, благой целью оправдывать любые средства. Для экологического движения путь к полянке с “мужским началом” проложили такие понятия, как “Права Природы”, “Хартия Земли” (написанные с большой буквы, они уже говорят о некоей таинственной подоплеке, недоступной большинству), не говоря уже о защите “священных” лесов, рек и озер, экологических тропинок вокруг мегалитических комплексов, просовывании голов в отверстия дольменов (“секта “Анастасия”) и многое другое. В чем же заключается опасность расхожести такой, например, фразы, как “Права природы”? Пойдем логическим путем. Очевидно, что субъект, не имеющий свободной воли, не может выбирать свой путь, в способе его существования нет альтернативы. Он подчиняется физическим законам и в строгости их выполняет. Участок леса, какой бы дев-

ственный и малонарушенный он не был, никогда не сможет решить для себя, куда ему податься. Он просто растет. У него нет права не расти, впрочем, как нет права и расти. Если есть достаточное количество солнца, воздуха и воды – лес будет расти. Словосочетание “право природы” придает этому девственному лесу какой-то оттенок одушевленности. Логически корректной фраза была бы в таком звучании: “право человека на хозяйственное использование природы”. В этой фразе подразумевается обязанность человека заботиться о природе, как о вверенной ему материальной ценности. Игра фразами – это попущение в малом. В экологическом движении оно переходит в языческий крен. Такая (как мы привыкли считать) серьезная политическая организация, как ООН, также замечена в крене. Именно в недрах ООН родилась известная доктрина под названием “Хартия Земли”, иначе можно озвучить как “свод прав Земли”. (Фраза “права человека”, кстати, тоже логически некорректна, но об этом мы поговорим в другой раз).

Охрана природных объектов на основании их “священности” – это уже чистой воды эко-язычество. Не деревья, источники, леса, горы и камни сами по себе становятся священными, а человек освящает их своей деятельностью.

Увидеть отход в сторону можно по упомянутому выше признаку использования прописных букв в словах, пишущихся со строчной буквы. Таковы, например, “Космический Разум”, “Экология Души”, “Экология Духа”, “Карма”, “Изначальная Воля”, “Род”.

Есть замечательная работа нашего современника, ученого-богослова Сергея Рыбакова “Церковь. Семья. Государство”, классифицирующая человеческие заблуждения по мере их следования за научно-техническим прогрессом. С. Рыбаков выделяет семь таких этапов:

1) язычество возникло по отпадении человека от Творца, до христианства существовало под названиями фетишизм, анимализм и т. д.;

2) еретические учения паразитировали на проповеданной Апостолами Евангельской Истине;

3) “научные” теории о возникновении и строении мира, порожденные так называемыми христианскими странами Западной Европы;

4) научный прогресс породил нигилизм – веру в ничто. Нигилизм, однако, вызвал серию войн, унесших две трети населения Европы, и человечеству пришлось смягчить требования к отдельным индивидам и “разрешить” исповедать кто что хочет;

5) произошла либерализация взглядов большинства, вера перешла в разряд личного выбора человека;

6) либерализм, являясь по сути “долотом”, то есть ни тем, ни сем, не мог долго удерживаться на сцене истории, что привело к твердой почве реализма, утверждавшего “Что вижу, в то и верю”;

7) И вот наступил седьмой этап развития заблуждений – витализм. Посмотрев критическим взглядом на происходящее в общественной жизни процессы и на нашу деятельность в газете, мы обнаружили множество подтверждений наступления эпохи витализма. Судите сами (цитируем Рыбакова): “На стадии реализма общество формирует новую веру в прогресс, в неограниченные возможности науки, в способность окончательного установления справедливости и порядка. Однако в то же время все с большей силой ощущается незаполненность духовной сферы и утрата жизнеспособности. Это проявляется в том, что люди начинают проявлять интерес к оккультным, мистическим учениям, ищут скрытых тайн в древнем мире, пытаются ощутить себя частью природы, надеясь в ней восстановить утраченную жизнеспособность. Природа начинает играть особую роль в мировоззрении человека. Постепенно она приобретает черты одухотворенности и одушевленности, она начинает казаться источником, из которого можно почерпнуть не только физическое здоровье или восстановить душевное равновесие. Она становится самой Жизнью. Наступает эпоха витализма”.

Читаем далее: “Виталистическое искусство самыми ценными качествами считает оригинальность, свойство “быть волнующим”, ценит экспериментализм. В оценке искусства преобладают такие критерии, как динамичность и индивидуальное видение. Превалируют жанры абстракционизма (весь мир восхищается черным квадратом, нарисованным на белом фоне, хотя объяснить, в чем здесь “искусство”, могут только художественные критики), сюрреализм (болезненные картины Сальвадора Дали), рока (здесь, кстати, болезненность не скрывается: “Я сошла с ума...”, “Я убью соседей...”, “Я – ворона” и др.)”.

В трудах Серафима Роуза витализм оценивается не только как признак “интеллектуального отклонения”, но и как показатель “духовной и психологической дезориентации”. А по Сергию Рыбакову: “... виталистическое состояние общества является отражением религиозной болезни”. – А раз так – “то обычные лекарства, лекарства здравого смысла, по-видимому, не способны оказать на него никакого воздействия, наоборот, только усиливают его. На этой ступени общество способно допустить существование фашистских и национал-социалистических режимов”. Вот вам прямой путь от поклонения природе к разрушению, и природы в том числе.

Люди обоготворяют природу, черпают из нее живительную силу, подзаряжаются. Соответственно, не гадят на полянах, не рубят лес, не копят. Тут-то и уловляется человек в сети. “Поврежденное сознание человека понимает природу человека частью общей природы, на которую делает основную ставку витализм. Борьба с гибелью личности заменяет борьбой с гибелью природы. В результате возникает сознание бессилия, потому что природа, космос – настолько глубоки, неуправляемы, бесконечны, что ограниченный человек в принципе не способен решать такие задачи как спасение природы без Божьей помощи, поэтому происходит, с одной стороны, нарастание все большего чувства уныния как результат понимания своего бессилия, а с

другой – все большее упование на силы природы, которые начинают одухотворяться и одушевляться. Эти силы начинают приобретать демонический характер, подчинять себе человека и в конечном итоге идентифицируются с бесами и демонами древнейших времен. Совершается возврат к древним религиозным практикам – идолопоклонству, жертвоприношению, магии и кол-

довству” (Рыбаков С. Церковь. Семья. Государство).

Сделаем вывод: охрана природы, несомненно, нужная деятельность. Давайте только помнить, что кесарю нужно отдавать кесарево, а природе – природово: не путать слова, не смущать людей, помнить историю Родины и во всем уповать на Бога, а Господь всем управит наилучшим образом.

Экология и религия

Обмен мнением экологов стран СНГ о сотрудничестве с религией

Друзья, хотелось бы обсудить тему, связанную с привлечением к природоохране различных религиозных конфессий. К сожалению, этот вопрос как-то постоянно уходит из поля зрения зеленых. Многие мои коллеги считают, что объединение религии и экологического движения мешает объективности, профессионализму движения и популяризации демократических и эколого-культурных ценностей.

Не следует также забывать о такой характерной черте многих религий как догматизм, что мешает различным инновациям, а тем более изменениям в сфере моральных отношений. К сожалению, со стороны священников также нет особых попыток пойти на контакт с экологами. Есть отдельные положительные примеры, но это, скорее, исключение из правила. В этой связи может быть стоит:

- 1) экологами разработать свою зеленую религию;
- 2) попробовать “озеленить” уже имеющиеся религии;
- 3) или, наоборот, начать их нещадно критиковать за игнорирование экологических ценностей;
- 4) выбрать наиболее экологичные рели-

гии – типа язычества, буддизма и попробовать пойти на контакт только с ними;

- 5) или оставить все как есть.

Вл. Борейко, Украина

* * *

1. Экологам разработать свою зеленую религию. Это как, брат? “Я тебя слепила из того, что было?” Не открыть знания о Боге, не понять пути Его, а выстругать из старой колоды Буратино и ему поклоняться?

2. Попробовать “озеленить” уже имеющиеся религии. Это как, брат? Провести новую катехизацию и т. д.? Все, что необходимо экологами, в ведущих религиях есть.

3. Или, наоборот, начать их нещадно критиковать за игнорирование экологических ценностей. Это как, брат? Они поклоняются не “экологическим ценностям”, а Богу! Творцу всего, в т. ч. и природы.

4. Выбрать наиболее экологичные религии типа – язычества, буддизма и попробовать пойти на контакт только с ними. Давай, брат! Этот пункт столь же циничен, как и все предыдущие.

5. Или оставить все, как есть. Если подходить к вере, как к какой-то болезни, которую можно использовать в неких целях (благородных или нет – другой вопрос), если не понимать, что вера есть следствие,

Дискуссия проведена в мае – июне 2003 г. на сервере “Дискуссия СОЭС” и ENWL, сокращенный вариант.

а не причина, то уж лучше дождаться, когда ангел постучит в твоё сердце и оно откроется Богу. А без этого ты оскорбишь и дело, которым занимаешься, и верующих.

В. Чельшев, Россия

* * *

Несколько коллег спросило, что я понимаю под предложением “разработать экологам свою зеленую религию”.

Дело вот в чем. Вместо того, чтобы позволить религиозной способности человека наполняться старыми предрассудками и страхами, почему бы не наполнить ее восхищением природным миром. Я бы назвал такую новую религию религией природоохраны или зеленым неоязычеством. Почитание дикой природы как священного пространства и святости любой дикой жизни может являться базовым моментом этой новой религии. В отличие от других религий зеленое неоязычество призывает ценить дикую природу не ради находящегося в ней божества, а ради нее самой. Поэтому можно полагать, что уничтожение дикой природы и дикой жизни – есть зло, а сохранение и защита – добро.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Это уже перебор или агония.

Все это было: и богостроительство, и Л.Н. Толстой, и “молось осинам, может пригодится”.

Это не путь или путь в старообрядческие поселения, общину Виссарияна и проч.

С. Книна, Россия

* * *

Безусловно, предлагаемую Володей Борейко идеологию можно только поддержать. Но вспомни, Володя, что ты сам же писал в дискуссии по поводу антропоцентризма и биоцентризма. Народ не готов! В том числе не готов и поддержать новую религию, тем более с названием “неоязычество”. А

продвигать это сейчас “в широкие массы” – значит, настроить против себя большинство действующих конфессий. Нам это надо? Может лучше поддерживать (или культивировать) экологичность этих конфессий? Практически в каждой из религий можно найти что-то экологичное. А если “неоязычество” ты предлагаешь развивать не для широких масс, а для внутреннего употребления, то прости, я не понимаю, зачем нашу идеологию облекать в такую странную форму.

А. Бакка, Россия

* * *

Владимир, что происходит, когда разрабатывается простенькая экстратегия или хотя бы политическое обращение? С одной стороны – полное игнорирование процесса, с другой – ругня. Что же будет при “разработке религии”? Можно предположить, что религия, не основанная на Откровении или на традициях предков, не привлечет сколько-нибудь большого количества людей. Скорее даже оттолкнет. В перспективе – раскол и вырождение движения в малочисленную секту.

Было бы эффективнее попросить верующих членов движения составить религиозное обоснование экологизма в рамках уже существующих религий. И издать все под одной обложкой экологического экуменизма.

Т. Беркелиев, Туркмения

* * *

Как русский язычник скажу, я считаю необходимым следовать зову своего сердца, души своей, своей биологической и человеческой природе равным образом. Так я пришел в зеленое движение в 1989 году, когда прочитал “Повестку дня XXI” в журнале “В мире науки”. Я услышал зов Земли, оскверняемой, уничтожаемой, презираемой многими людьми, которых она носит и кормит, любит и бережет несмотря на все это. Я перестал работать на создание ору-

жия, изменил образ жизни и вижу свое призвание, как и одно из призваний человечества, в сохранении многообразия и красоты земной жизни.

И многие язычники, русские, марийские и другие, уже давно работают на полную катушку в экологическом движении, они не изобретают новой религии, они просто несут древнюю культуру собственного народа, которая уже содержит в себе многие ответы. Потому что язычество рождалось, в том числе и как ответ на экологические катастрофы древности, вызванные алчностью, истребительной деятельностью древнего человека. Поэтому во многих языческих верованиях есть нормы неистощительного взаимоотношения с природой. Для язычника дикая природа сама по себе уже есть божество, ее ценность – это ценность божественная. Язычество по Далю – обожествление природы.

А что касается предрассудков и суеверия, то его в науке, в том числе и в экологии, вполне хватает. Возьмите хотя бы основополагающий миф о всемогуществе разума, и следующий из этого антропоцентризм и сциентизм.

Я считаю неправильным изобретать новую экологическую религию. Всякое изобретение, нововведение, оказывается очень неустойчивым, а люди все равно тянутся к своим корням, к исконной вере своих предков. Получится такая ситуация, что враги язычества, естественно, назовут это язычеством, но и язычники своим не признают. К тому же таких течений, как показывает огромный опыт, всегда возникает много, и они начинают, чуть ли не в первую очередь, спорить друг с другом.

Д. Георгис, Россия

* * *

А если серьезно, то вопрос о религиях лучше не затрагивать. Даже в дискуссии. Чревато боком.

Все религии основаны на вере в святость некоего вымершего авторитета, слово которого не принято подвергать сомне-

нию, даже если доказано, что они были многократно искажены переводами и трактовками по заказу разных властителей. Зато легче всего спровоцировать конфликт, обсуждая именно религиозные темы. Давно ли потухли костры инквизиции? Да и талибан еще жив. К тому же религии существуют не сами по себе, а под чутким руководством соответствующих конфессий. Наверное, среди священников есть немало искренних людей, верящих в то, что говорят и делают. Но, как в любой бюрократии, там полно и прохиндеев, и негодяев, и просто ставленников спецслужб. Как будем различать? Вот чего действительно не хватает братьям-природоохранникам, так это экологических знаний. Нашей религией должны стать прежде всего естественные науки, экология и эволюционная теория. Слепой вере и дурным традициям нужно противопоставить знание и опыт, а не прогибаться под общее несовершенство человеческого сознания.

А. Затока, Туркмения

* * *

Андрюш, конфликты о которых ты говоришь, возникают именно из-за нежелания обсуждать религиозные темы.

С другой стороны, зеленые идеи можно найти и в Коране, и в Библии, полагаю, что и в Торе, и даже в трактатах религии Бон. Я уж не говорю о язычестве, которое не имеет письменных руководств и общепризнанных авторитетов, а значит может трактоваться сколько угодно “зелено”.

Т. Беркелиев, Туркмения

* * *

Мне кажется, что кроме сотрудничества с представителями различных религиозных конфессий в плане природоохраны, мы можем сами использовать в своей зеленой идеологии некоторые религиозные подходы. Например, отношение к любой жизни как к священной или к дикой природе как священному пространству.

Дело в том, что в большинстве направлений иудаизма, христианства и ислама является ересью считать деревья, лягушек и саму Землю священными или проявлением божества. Язычество и пантеизм, другие формы поклонения природе по-прежнему считаются объектами насмешки. Однако ведь совершенно правильно рассматривать природный мир – творение (эволюционировавшее сейчас творение) – священной работой божества или священной самой по себе. Как не согласиться с тем утверждением, что именно десакрализация природы во многом стала причиной современного экологического кризиса. Недаром в 1980 г. тридцать два выдающихся ученых современности поставили свои подписи под документом, призывающим “усилия по охране природы наполнить видением священного”.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Как мусульманин, отмечу, что тут вопрос лишь в толковании и в отношении к объектам смыслового назначения, будь то деревья, лягушки, человек, Земля и пр., созданные Всевышним. Что касается монотеистических религий (иудаизма, христианства, ислама), то исходя из любви к Всевышнему, в них предписано оказывать достойное уважение ко всем творениям Всевышнего, в том числе и к объектам природы. Да, они не божества сами по себе, но творения Божьи. Поэтому, здесь разница лишь в степени уважения к объектам природы, от жертвоприношения до благоустройства. Если уважение в различных его формах проявления есть в той или иной религии, то такую религию в целом нельзя назвать как “экологически враждебную”.

Следует также иметь ввиду, что любая религия имеет несколько внутренних течений (направлений), которые более или менее различаются в подходе к тем или иным вопросам (например, к природе и ее объектам). Поэтому для сотрудничества следует выбирать те из течений, которые наиболее близки специалистам в области экологии.

Я, например, не вижу препятствий к поиску и налаживанию такого сотрудничества. Другой вопрос, как представители этих течений относятся к такому сотрудничеству, т. е. участию в разработке и реализации экологических компонентов различных религий. Но даже если среди них нет пока подходящих партнеров, то следует искать их в других местах. Таким образом, мне представляется сейчас важным составить документ “Стратегию реализации экологических компонентов различных религий”, что то наподобие известной Агенды 21.

А. Тентюков, Эстония

* * *

В Нукусе с 10 по 15 Апреля 2003 г. проходил международный семинар “Экология и религия”, в котором принимали участие Хельмут Лит – профессор Института системных исследований и биологии Университета г. Оснабрюк (Германия), теолог Ренхольд Мокрош (Германия), ученые Академии Наук Узбекистана, ректоры и преподаватели Госуниверситета и Нукусского Госпединститута, а также студенты и представители экологических организаций.

На семинаре выступил и я с докладом “Религии и права природы”. Здесь эта тема прозвучала впервые в столь представительной аудитории. Доклад представлял из себя в значительной мере обзор дискуссии в “*seu discuss*” по правам природы и вызвал большой интерес и активное обсуждение.

При этом было высказан ряд интересных соображений. Например, по поводу неподписания президентом Путиным Закона о запрете жестокого обращения с животными проф. Лит в качестве причины указал большой процент проживающих в России мусульман, у которых бытует обычай “халал” – умерщвление животных путем перерезания горла, чтобы кровь вытекла – иначе мясо будет считаться поганым.

В Германии тоже подобные проблемы с живущими там мусульманами, которые оправдывают такое жестокое обращение с животными ссылками на Коран. Так что

Коран – тоже не идеал для экологов, так же как и Библия, рассматривающая Землю лишь как место отбывания наказания людей за их грехи. А кто же из заключенных будет любить и беречь концлагерь? Тем более, что сей мир – место страданий – все равно будет уничтожен в “конце света”, который уже неоднократно предсказывали. А вот материалисты, так же как и язычники, считают, что этот мир – единственный, и не надеются на какой-то лучший загробный, а потому и должны сберечь его для своих детей.

В. Сергеев, Узбекистан

* * *

Священность жизни, сакральность любого живого существа и, как говорят ученые, биосферы в целом (включая почву, недра, геоплатформу, климатические явления), не вызывает у нас, язычников, сомнения. Но какой вывод Вы делаете дальше из этого? Что надо беречь природные объекты, защищать их, создавать и охранять заповедники (по своей роли “священные рощи” предков были аналогичными).

Мы в состоянии напрямую говорить с объектами Природы. Делая это, мы больше узнаем о их собственных мыслях, мотивах и возможностях.

Например, общаясь с некоторыми из них я поняла, что Природа ценит Силу. И поэтому дает так много человеку сверх собственной возможности.

Может быть, поэтому покровительственно-жалеющее и пугливо-оберегающее отношение, даже если человек проникнется “чувством сакрального”, может не слишком нравиться Природе. Реагируя на признаки силы, она продолжает невольно помогать своим уничтожителям, а не защитникам.

Что же делать? Глубже входить в контакт с Природой, и в этом искать ответ. А не только в книгах, написанных людьми, и логических умозаключениях.

В. Зобнина, Россия

* * *

Все это хорошо, конечно, но как отделить религию от церкви, чтобы потом “подружить” с экологией?

Не надо забывать, что церковь является, вероятно, самым старым НГО, и у нас в стране, и в мире. При этом имеет свой устав, свои цели и задачи, источники финансирования (церковная десятина, к примеру) и стремится к приумножению своего материального состояния. Я уж не говорю о разных религиозных конфессиях, течениях и сектах, которые постоянно конфликтуют между собой “за чистоту религии”, а на самом деле за прихожан, считай – источники финансирования. Надо ли экологии, вернее, экологам еще и это? Не хочу дальше развивать эту весьма сложную тему. Просто, когда переходишь от теологических и философских трактатов к конкретным делам – контактам “на месте”, к чему и “подводит” нас данная дискуссия, сразу, почему-то, так или иначе появляются (со стороны представителей религии, т. е. церкви) весьма “приземленные” намеки. Прошу понять меня правильно. Я никоим образом не хочу обидеть религиозные и иные чувства участников дискуссии, просто вспомнил свой небольшой опыт общения с православными и лютеранскими священниками по поводу восстановления форелевых ручейков на Карельском перешейке.

С. Анацкий, Россия

* * *

21 мая 2003 г. в конференц-зале комплекса мечети “Ляля-Гюльпан” в г. Уфа проведена конференция “Экология и возрождение духовности”. Инициатором и организатором конференции выступили инициативная группа “Созидание” и Союз экологов Республики Башкортостан.

Целью конференции было объединение усилий представителей духовных конфессий (мусульманская, православная, иудейская), общественных экологических объединений, органов государственной власти и местного самоуправления в решении про-

блем окружающей среды, оздоровления и улучшения экологической обстановки в населенных пунктах. На конференции выступили Шейх-уль-Ислам Верховный Муфтий, Председатель Центрального Духовного Управления Мусульман Святой Руси – России Талгат Таджуддин (“Экология и духовность”), Главный Раввин Башкортостана и г. Уфы Дан Кричевский (с докладом “Человек подобен Дереву”), священник православной церкви Иерей Роман (“Отношение православной церкви к вопросам экологии”). При заполненном зале мечети последователи трех основных конфессий республики и приглашенные с огромным вниманием заслушали мнение духовных лиц, призывающих к уважению и любви к природе-матери.

А. Веселов, Россия

* * *

Мне кажется, что работая в плане природоохраны с различными конфессиями, можно успешно привлекать фигуры уважаемых в данных конфессиях пророков и святых, известных своим экофильным отношением к природе. Здесь больше повезло буддизму и исламу – Будда и Мухаммед совершили не только немало этических поступков по отношению к природе, но и известны как авторы множества экологических притч. Их вообще можно назвать первыми природоохранниками и экофилософами. В католицизме такое же место занимает св. Франциск Ассизский, именованный Ватиканом как святой покровитель экологов. Лично я считаю, что во многом он был даже более радикальным реформатором, нежели Христос. В православии – интересен Серафим Саровский. Как бы ни обижали и ни принижали язычников, язычество – это набор очень интересных и необычайно экофильных локальных религий, и природоохранники могут внести посильный вклад в их возрождение.

И, наконец, ничего не вижу плохого в создании своей природоохранной религии. Аргумент, что можно создать КПСС, а не

религию – не является аргументом. Все религии создают люди.

Вл. Борейко, Украина

* * *

КПСС, точнее ее идеология, при некоторой внешней схожести на религию таковой не является. Религия в основе своей базируется не на теории, а на религиозном, мистическом чувстве. Его нельзя вызвать умственно, умственно можно создать только церковь, систему ритуалов и религиозную идеологию, т. е. организацию. Люди, которые стояли у источников религий, оказались способными передать свое особое обостренное восприятие каких-то граней мира другим людям. Но опять же это было достигнуто не посредством логических заключений, это было сделано теми, кого называют пророками, теми, кому безраздельно верят. В “зеленом” движении сейчас, или хотя бы в прошлом есть такие?

В. Левченко, Россия

* * *

Коллеги, думаю, что идея создания религии природоохраны является такой уж радикальной только на первый взгляд. Кто знает, может быть не так много осталось до того дня, когда на смену Христу и Аллаху придет Зеленый Бог. Процесс рождения и умирания религий – всего лишь результат духовной и религиозной эволюции. Как считает Холмс Ролстон III, люди уже создали более 100 тысяч религий. Многие из них умерли, придет час и исчезнут царствующие нынче христианство, буддизм и ислам. Их место займут другие.

Что же касается религии природоохраны, то она опирается не только на этические заповеди, о которых я писал раньше, но и на священный, мистический трепет, который охватывает некоторых людей на лоне дикой природы. Вот, например, что пишет известный современный классик заповедного дела Ф.Р. Штильмальк: “Человек, искренне любящий дикую природу, остается

скорее язычником, чем христианином. Утром я, как правило, предпочитаю пойти в ближний лес, а не стоять со свечкой в храме, дыша чужим потом и ладаном. Вид старого дерева, живописной скалы или бурного моря восхищает меня более, чем икона". Действительно, в дикой природе мы чувствуем что-то находящееся за пределами нас самих, что-то более высокое, чем мы сами, что и называют божественным.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Владимир, я готов согласиться со многим, о чем вы пишете, но на интуитивном уровне. Однако к словам следует относиться аккуратнее, иначе мы запутаемся. Или стараться обходиться без слов.

Все так, когда речь идет о трепете. Но это еще не религия. Этические заповеди – это тоже еще не религия, хотя и необходимый ее атрибут. Чтобы не вдаваться в дебри семиотики, лингвистики, философии и т. д. на тему того, что есть настоящая религия, а что нет, давайте все же договоримся, что мы говорим о создании этической системы. По крайней мере – для начала. Это сложная, но в принципе понятная задача. Тем более что история знает немало примеров таких систем, начиная с Конфуция (конфуцианство – не религия), а может, и с Бона, и кончая моральным кодексом строителя коммунизма.

В. Левченко, Россия

* * *

Помимо экологического образования и просвещения есть еще и экологическое воспитание. А последнее чаще всего опирается не на логическое мышление, а на эмоциональное восприятие.

Кстати, по материалам исследования "МИОП–2–86", последовательное логическое и научное восприятие необходимости охраны природы наблюдалось только у части студентов дружин по охране природы биологических вузов, да и у их преподава-

телей. В остальных дружинах этот фактор имел очень слабое значение.

В конце 80-х в Леноблггорсовете ВООП началось изучение вопроса использования элементов иррационального мышления для целей природоохранного воспитания молодежи. Проще говоря – изучение опыта религий в этой области.

Религии – это формы умозрительного описания мироустройства в зависимости от социального и интеллектуального развития общества. Основной массе людей проще использовать упрощенные (шаблонные) схемы восприятия мира, в которых обычно появляется высшая сила, к которой нужно относиться с уважением, поклоняться, быть в страхе и ужасе – в разных религиях по-разному.

С чисто прагматической точки зрения, для целей экологического воспитания подходит "относится с уважением" к Природе, что характерно именно для язычества. Наиболее близко к язычеству стоит "глубинная экология". Занимался исследованием этих вопросов в обществе охраны природы Антон Лустберг. Результатом его работы стало создание молодежной группы "Живая Земля". Впоследствии из этого направления возник один из центров кристаллизации Движения ролевых игр. А рекомендации А. Лустберга по использованию элементов язычества в процессе формирования экологических установок поведения подростков были в дальнейшем применены нами при проведении краткосрочных экспедиций на ООПТ с "трудными" подростками.

В. Гуцин, Россия

* * *

На мой взгляд, следует более радикально в природоохранном плане пытаться интерпретировать различные христианские утверждения, это же касается и других религий. Например:

- не только люди, но и природа подлежат спасению;
- охрана природы является делом божеским;

- дикая природа создана Богом;
- всякая жизнь – священна;
- защита дикой природы является искуплением грехопадения человека;
- защита дикой природы есть выражением нашей любви к Богу;
- человек является помощником Бога на Земле и поэтому обязан следить за божественным порядком на ней.

Теперь по поводу сотрудничества с конфессиями. Такой пример. Наш Киевский эколого-культурный центр является лидером среди НГО Украины в плане создания охраняемых природных территорий. За 6 лет нами заповедано около 170 природных объектов в 8 областях Украины. Есть среди них заповеданные святые криницы. Недавно к нам обратился священник из Яготинского района Киевской области с просьбой заповедать несколько священных криниц в его районе. Что мы и постараемся сделать этим летом.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Религиозные системы сложны, и каждый отдельный человек берет из них свое. Поэтому встречаются, к примеру, христиане, которые считают своим долгом активно охранять природу. А есть такие, которые вполне убеждены, что природа проклята, а конец света неизбежен, поэтому надо молиться и так далее... тогда как “природоохрана” – дело безнадежное.

Отсюда ясно, какова может быть работа с религиозными организациями, по крайней мере в прагматическом смысле. От отношения религиозных лидеров и специальной прессы, выпуска специальной литера-

туры для верующих зависит дальнейшее их участие в экологическом движении и уровень их сознательности. Однако это лишь простейшая часть работы. Потому что за этим простым прагматическим социальным пластом лежит вопрос о смысле обряда и его действительности.

Один из возможных выводов: общественные и религиозные организации должны идти навстречу друг другу. Религиозные организации могут говорить о своей экологичности, если подталкивают людей к практическим действиям и формируют у них правильные моральные установки в отношениях с природой. Практические деятели, на мой взгляд, обязаны учитывать внутренние ценности религий и их веру в действительность духовных обрядов и ритуалов. Не удастся правильно использовать религию и религиозность без уважения к ее картине в целом, пытаясь лишь прагматически выхватить отдельные установки.

С. Зобнина, Россия

* * *

Глубокоуважаемый Владимир Борейко!

Вы просто молодец, так раскрутили тему “Экология – Религия”! То, за что “накатили” на меня бочку “узколобые” экологи, Вам так блестяще удается делать. Молодец! Для себя я четко осознаю, что экология без Бога и без патриотизма – это псевдоэкология. А насчет того, какая из религий ближе к Богу – об этом надо говорить, обсуждать. Как хорошо подметил Михаил Задорнов “Бог один на всех, а провайдеры разные!”.

С. Лисовский, Россия

О новой этико-религиозной идеологии

А.А. Чибилев

Институт степи Уральского отделения РАН

Опираясь на новейшие достижения экологической и географической науки, на объективную оценку современной экологической ситуации в мире и в нашей стране, можно сделать выводы о том, что главным условием выживания человечества является выработка новой идеологии. Суть этой идеологии сводится к следующим положениям.

1. Поскольку человечество – биологический вид, то его существование в будущем тысячелетии возможно только при условии нормального функционирования биосферы и окружающих нас ландшафтов, заменить ее какой-либо другой (надуманной) техносферной или ноосферной невозможно.

2. Единственной формой геологически длительного бесконфликтного существования человечества и биосферы является гомеостаз (состояние внутреннего динамического равновесия) общества с дикой природой, сохранение которой – необходимое условие выживания человечества.

3. Человечество должно относиться к Природе как к Матери. Необходимо сделать

ее объектом поклонения и культа. В основе отношений человека к природе должны лежать либо глубокая научность, что, учитывая малограмотность половины населения Земли, нереально, либо религиозность, которая издревле практически во всех религиях и обеспечивала неприкосновенность значительных культовых ландшафтов.

Отталкиваясь от этого тезиса, можно сделать, на первый взгляд, неожиданный вывод о том, что в экологических органах, экологических комитетах и советах должны работать либо профессиональные экологи высшей квалификации, либо глубоко религиозные люди, поклоняющиеся Природе как Божьему творению. Этот вывод представляется очень важным

4. Одной из главных посылок новой экологической идеологии должно стать осознание того, что человечество согрешило перед Матерью-Природой и потомками. Без покаяния невозможно выйти из экологического кризиса. Только восстановив нормальное функционирование биосферы, а следовательно – первозданные ландшафты в виде заповедников, природных парков, заказников, памятников природы, люди современного поколения смогут обеспечить существование своих детей и внуков и будущего поколения!

Опубликовано: Чибилев А.А. Введение в геоэкологию. Екатеринбург: УО РАН, 1998. Стр. 105–107, сокращенный вариант.

О пользе выдела заказных рощ

Г. Вильдермет

На основании Указа Правительствующего Сената 10 ноября 1832 года, из лесов казенных крестьян выделяются заказные

рощи в неприкосновенный запас, по соразмерности числа десятин земли, во владении означенных крестьян состоящей. По выделе таковых рощ, поставляются столбы, со знаком Л.К., и они отдаются в заведывание Волостных Правлений, которые

Опубликовано: Лесной журнал. 1837, № 9, стр. 465–468, сокращенный вариант.

избирают для охраны их особенную стражу, и тогда рощи сии получают от селян название заповедных. В сем названии заключается для жителей селений нечто священное, ибо рощи, получившие такое название, согласно предназначению своему, становятся неприкосновенными.

В июне и сентябре 1836 года, во время разездов до Весьегонскому, Бежицкому и Старицкому уездам, осматривал я заказные рощи и имел случай удостовериться в истине сказанного; ни в одной не нашел я ни одного срубленного дерева со времени выдела их в заказные. Крестьяне до них не касаются, название заповедных есть для них добрый гений, охраняющий их от порубок и других истреблений, и Правительство вполне достигает своей цели. Сии заказные рощи, будучи сохранены в целости, при общем уменьшении лесов представляют надежное обеспечение для потомства в лесе, и один валежник, ныне находящийся в них и от времени еще накопиться могут

щий, достаточно удовлетворит надолго потребность поселян в лесе.

Подобного обеспечения в лесе на будущее время не предвидится со стороны частных владельцев. Леса их, не будучи охраняемы законными постановлениями, действующими постоянно, вообще зависят более от образа мыслей каждого владельца, от положения его, нерасчетливости, а иногда и любостязания. Не редко леса, которые попечительный, благоразумный хозяин тщательно сберегал, любясь ими почти с детства, почитав в них наследие предков и извлекая из них постоянный и вместе умеренный ежегодный доход, по смерти его переходят во владение наследника, живущего в отдаленной губернии, который, находясь в полном избытке сельского хозяйства, не встречает нужды в лесе произрастающем в отдаленной губернии, и хладнокровно дает управляющему имением приказ рубить лес и продавать, сколько может, целыми участками, или жечь для нив под хлебопашество.

“Душистые цветы — наши сестры”

Сизтл, вождь североамериканских индейцев

... Великий вождь из Вашингтона извещает, что желает купить нашу землю. Великий Вождь также посылает нам весть дружбы и доброй воли.

Он очень добр, ибо мы знаем, что наша дружба — слишком малая плата за его расположение. Однако мы обдумаем ваше предложение, ибо понимаем, что если не продадим землю, бледнолицый придет с ружьями и отберет ее силой.

Как вы сможете купить небо или тепло земли? Эта мысль нам не понятна. Если мы не распоряжаемся свежестью воздуха и всплесками воды, то как вы можете купить их у нас?

Для моего народа каждая пядь этой зем-

ли священна. Каждая сверкающая сосновая шишка, каждый песчаный берег, каждый клочок тумана в темном лесу, каждая поляна и каждая жужжащая мошка — все они святы для памяти и чувств моего народа. Сок, текущий в стволах деревьев, несет в себе память краснокожих.

Вступив на путь среди звезд, усопшие бледнолицие забывают страну своего рождения. Наши усопшие никогда не забывают этой прекрасной земли, ибо она — мать краснокожих. Мы — часть этой земли, и она часть нас самих. Душистые цветы — наши сестры, олень, конь, большой орел — наши братья. Горные вершины, сочные луга, теплое тело мустанга и человек — все они одна семья.

Когда Великий вождь из Вашингтона говорит, что хочет купить у нас землю, он

требует от нас слишком многого. Великий вождь извещает, что он оставит нам место, чтобы мы жили в удобстве. Он станет нам отцом, а мы станем его детьми. Но все не так просто, ибо для нас эта земля – священна.

Эта сверкающая вода, текущая в ручьях и реках, – не просто вода, а кровь наших предков. Если мы продадим вам землю, вы должны помнить, что она священна. Вы должны учить своих детей тому, что она священна, и любой призрачный отблеск в чистых водах озер повествует о делах жизни и памяти моего народа. Журчание воды – это голос отца моего народа. Реки – наши братья, они утоляют нашу жажду. Реки переносят наши каноэ и кормят наших детей. Если мы продадим вам землю, вы должны помнить и учить ваших детей, что реки – наши братья и ваши братья; и впредь вы должны относиться к рекам с той же добротой, с какой относитесь к своему брату.

Краснокожий всегда отступал перед идущим вперед бледнолицым, как горный туман отступает перед утренним солнцем. Но прах наших отцов свят. Их могилы – священные места, и поэтому эти холмы, деревья и участки земли стали для нас святыми. Мы знаем, что бледнолицый не принимает наших мыслей.

Вот что мы знаем: не земля принадлежит человеку, а человек принадлежит земле. Вот что мы знаем: все в мире взаимосвязано, как кровь, которая объединяет целый род. Все взаимосвязано. Чтобы ни случилось с землей, это случается с ее детьми. Не человек плетет паутину жизни, он лишь одна нить в ней. Если он делает что-то с паутиной, то делает это и с самим собой.

Даже бледнолицый, чей Бог идет рядом и говорит с ним, как друг, не может избежать всеобщей судьбы. В конце концов, быть может, мы еще станем братьями – посмотрим. Но мы знаем нечто такое, что бледнолицему предстоит когда-нибудь узнать: у нас с вами один Бог. Сейчас вы считаете, что владеете своим Богом точно так же, как хотите овладеть нашей землей, но это не так. Он – Бог всех людей, и равно сострадает и краснокожим, и бледнолицым. Для него эта земля – сокровище, и причинять вред этой земле – означает поднимать руку на ее Творца. Бледнолицые тоже уйдут, хотя, быть может, позже, чем остальные племена. Продолжайте пачкать свое ложе, и однажды ночью вы задохнетесь в собственных отбросах. Но в своей гибели вы будете ярко пылать, объятые пламенем мощи Бога, который привел вас к господству над этой землей и над краснокожими.

Я согласна – дикая природа свята

Л.А. Анисимова

Национальный парк “Хвалынский”, Россия

Я считаю, что главной задачей экопросвещения является так осуществить контакты между человеком и природой, чтобы человек понял – что такое природа.

Если же он поймет, что это такое, то наверняка к нему и придет любовь к природе. Я специально не стала печатать это письмо, потому что хочу живым почерком передать свои чувства. Мне очень близки все ваши и др. авторов идеи экологической этики. Конечно, я знакома с книгой Дании-

ла Андреева “Роза мира”, где больше всего меня привлекла глава, посвященная природе. Я также, как и он, чувствую природу живой, родной и единой со мной.

Я лучше всего чувствую себя в девственном лесу, когда я бываю там одна, наедине с природой. Наши Хвалынские горы очень красивы, кроме того, места наши святы, здесь были старообрядческие скиты и монастыри.

В книге “Современная идея дикой при-

роды” я прочитала о таком понятии как “Святость природы”. Вот как раз это я и пытаюсь объяснить каждый раз, когда провожу экскурсию к святому роднику или к “Пещере монаха”. Не зря говорят “идеи носятся в воздухе”. Я еще не читала подобной литературы, она мне здесь, в малень-

ком провинциальном городе, недоступна, как говорится, сама “дошла” до того, что природа свята сама по себе. И надо сказать, что в основном все наши экскурсанты очень хорошо меня понимают. Особенно же восприимчивы к этому дети и молодежь.

Дискуссия о ноосфере

Друзья, хочу поделиться с вами своими сомнениями насчет теории В. Вернадского и К° ноосфере. На мой взгляд, это довольно сомнительная вещь, больше смахивающая на красивую утопию. Что-то вроде построения коммунизма. Но утопия эта очень опасна. Мои аргументы. Во-первых, разум, сам по себе может додуматься как до хороших, так и до плохих вещей. Кто его будет сдерживать?

Во-вторых, создание ноосферы предполагает обеспечение благостных условий только для одного вида из миллионов существующих на Земле – для человека. Насколько это справедливо?

И в-третьих. Ноосфера на практике больше смахивает на техносферу – жесткое и циничное уничтожение всего живого, даже не ради всех людей – а только ради денежных воротил.

Хотелось бы знать ваше мнение.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Пресловутая “теория Вернадского” вкратце заключается в том, что биосфера НЕИЗБЕЖНО должна перейти в ноосферу. С момента появления мыслящего вида этот результат неотвратим. Здесь нет никакого призыва к сознательным и целенаправленным действиям, как в построении коммунизма.

Если бы в катархее существовала “тео-

рия построения биосферы”, то первая клетка имела бы достаточно оснований размышлять об утопичности и даже опасности этой теории. Биосфера создана независимо от желаний и устремлений единичных носителей биоса, точно также успешность или провал создания ноосферы скорее всего не зависит от желания участвовать отдельных носителей нооса (т. е. разума).

“Утопичность” такой теории может состоять в том, что онный вид уничтожит сам себя. Впрочем, если так, то ВСЕ теории окажутся утопичными.

Т. Беркелиев, Туркмения

* * *

Если бы все было так просто...

Беда Вернадского, на мой, возможно, ошибочный, взгляд, заключается в том, что основной постулат у него – как и у Мичурина, но в более завуалированной форме, т. е. человек, с помощью СВОЕГО разума ТЕХНИЧЕСКИ ТРАНСФОРМИРУЕТ Природу с целью приспособления ее под свои нужды (как правило, сиюминутные – т. е., ГМО и нанотехника, например, – это как раз хорошо по Вернадскому).

Ошибка: человек не создал ни одного гена, ни одного живого организма (это сфера НЕ ЕГО ТЕХНОЛОГИЙ), но считает себя в праве курочить то, что не создавал, во имя т. н. “тех. прогресса” и “цивилизации”, т. е. умишко-то слабоват, последствий всех не предвидит, но “прогресс не остановить...” В чем прогресс-то, в чем “ростки ноосферы”? М. Кюри обогащает радий

Проведена в мае 2003 г. на сервере “Дискуссия СоЭС” и ENWL, сокращенный вариант.

вручную, а через 30 лет Хиросима с Нагасаки, еще через 50 – Тримайл-Айленд с Чернобылем? В глобальном изменении (ухудшении) генофонда и изменении климата?

Е. Широков, Беларусь

* * *

Согласитесь, что если была ошибка, то это не ошибка Вернадского, а скорее ошибка науки как феномена человеческой культуры. Точнее, человечества в целом. Эта ошибка была сделана достаточно давно. Можно было бы условно датировать эту ошибку эпохой Возрождения, с ее приматом позитивных знаний над схоластикой, или даже XIII в.н. э., когда правильность была поставлена выше откровения и авторитета (св. Фома Аквинский и др.). Впрочем, к этому результату тоже привел закономерный процесс в истории Средних веков... Боюсь, что мы не сможем докопаться до корней.

Сразу же должен сказать, что понятие т. н. “прогресса” я считаю “утопичным и сомнительным”. Естественно, что в любом процессе по любому показателю можно выделить стадию роста и стадию угасания. Под “прогрессом” же обычно понимается непрерывный и неизбежный рост, улучшение и т. п., почему-то свойственные развитию вселенной, живой природе, обществу.

Вернадский же о концепции прогресса говорил примерно так: “...научное изучение точных исторических фактов показывает, что мы имеем здесь дело только с простой схемой, не отвечающей действительности, с одним из конструктивных проявлений философского сознания, очень характерных для последнего, но мало или даже совсем ничего не имеющих общего со строгим научным отношением к действительности”; “...идеи философской мысли, как понятие об эволюции и ее частном проведении – прогрессе, могли даже проникнуть из философии в научное мировоззрение...”

Т. Беркелиев, Туркмения

* * *

Это проще пареной репы. Форма прямая: “Человек не в силах ждать милости от Природы”. Форма завуалированная: “Мы переживаем перелом научной мысли, свершающийся лишь раз в тысячелетия...” ну и так далее.

Чтобы понять, чем порочна эта философия, см. например, Фокуока “Основы органического земледелия” или Моллисона “Введение в пермакультуру”.

Ошибка не в примате “позитивных знаний”, а в отсутствии этических установок современной науки (“можно все, что интересно”), и в ложном целеуказании (“ноосфера” не как результат “сотрудничества и любви ко всему сущему”, а как результат насильственной технической трансформации природы).

Е. Широков, Беларусь

* * *

Насколько я понял из самих текстов Вернадского, он был в плену очень распространенной в конце XIX – начале XX века иллюзии о неотвратимом прогрессе всего человечества, только присоединил к нему и всю литосферу, и сферу живого вещества (с оригинальными формулировками и проч.). Кроме того, само собой подразумевалось в то время, что разум ведет только к позитивным изменениям. Конечно – это его фундаментальные ошибки. Однако само по себе понятие об ответственности человечества за геологические изменения и всю оболочку вместе со всем живым – это тоже присутствует – можно использовать и сейчас.

И. Хаджамбердеев, Кыргызстан

* * *

Вряд ли Вернадский считал разумом умение сотрясать воздух, пачкать бумагу и портить окружающий мир. Мне кажется (может, ошибаюсь – мало читал Вернадского), что он считал разумом как раз умение вовремя удерживаться от разрушитель-

ных тенденций. В этом смысле род Номо пока не дотягивает до звания “sapiens”.

А сдерживать его и учить уму-разуму будет, как и прежде, вся остальная биосфера, начиная с вирусов. Как раз на примере атипичной пневмонии мы наблюдаем типичный вариант ответа биосферы на перенаселенность и индустриальную агрессию.

Если биосфера добьется успеха в воспитании человека разумного, то тогда и наступит эпоха ноосферы. А если нет – то ноосфера наступит без человека, на базе других, уже разумных существ (муравьев, пчел, дельфинов и осьминогов).

Вот такое мое видение ноосферной теории. Может, и не совсем по Вернадскому, зато очень кратко и экономично.

А. Затока, Туркмения

* * *

Не знаю... Вот еще раз перечитал Вернадского и Шардена. Нигде у них нет научных доказательств того, что биосфера переходит в ноосферу. Все на уровне предположений, причем у Шардена хорошо попахивает теологией. Однако вера – это еще не наука.

Далее. У того же Шардена читаем – “процессы эволюции станут подчиненными человеческому управлению, природа подчиняется ноосфере”. А кто позволил человеку взять на себя роль Бога?

Вл. Борейко, Украина

* * *

Весь смысл сделанного Вернадским, который рассматривал человечество как биогеохимический фактор планетарного масштаба, протестует против финалистически утопичной трактовки термина “ноосфера”. И логика терминов тоже.

Думается, всякого рода интерпретаторы и популяризаторы оказали этому понятию плохую услугу, лишив его конструктивного содержания и превратив в еще один повод для пустых философских умствований. Ноосфере необходимо вернуть географи-

ческий смысл, такой явный и такой неотъемлемый в случае атмосферы, гидросферы, литосферы и, конечно, биосферы в понимании Вернадского же (три названные выше оболочки как субстрат жизни плюс биота всех уровней организации). Наличие четкой пространственной системы координат, связанной с земным геоидом, делает многочисленные разделы географии и смежных наук, возникших внутри и на пересечении “сфер” научными в строгом смысле этого слова дисциплинами, т. е. допускающими научное объяснение фактов и научные же методы доказательства, диагностирования и прогнозирования. Как некое отдельное СОСТОЯНИЕ, призрак “экологического коммунизма” понятие ноосферы абсолютно ненаучно и неоперационально, и не порождает никакой позитивной программы действий.

Ноосфера существует реально со времени появления на планете Человека Разумного, какой бы форой для него ни было такое определение. Со времен первых коллективных охот, массовых истреблений животных, искусственно устраиваемых пожаров и – первых наскальных изображений. По смыслу слова. Ее можно улучшать, разрабатывая специальные наборы критериев, но прийти – нельзя. Мы уже “пришли”.

Мне достаточно близко определение ноосферы, принадлежащее В.С. Голубеву: “Ноосфера – часть биосферы, преобразованная деятельностью человека”. Можно лишь добавить, что поскольку таких областей, в сущности, не осталось, то это – биосфера, преобразованная деятельностью человека. Разумеется, это среда включает в себя и самих людей во всевозможных аспектах, как и все созданное ими – техногенные продукты, общественные институты, культуру и духовные достижения.

При такой постановке проблемы с головы на ноги термин “ноосфера” перестает быть голой идеологемой и становится стержневым для системного учения о закономерностях устройства, функционирования и эволюции антропобиогеосистемы Земли и ее территориальных долей или

ноохор (обратите внимание – термин сразу становится продуктивным и порождает терминологический ряд!) Мне думается, что успех любых программ, нацеленных на преодоление глобального кризиса среды обитания людей, напрямую связан с прогрессом в разработке этого учения, которое мы называем ноохорологией.

И так – не шаги в утопическое никуда, а улучшение того, что имеем. Ноосфера – сугубо географическое понятие. Оно порождает локальные и региональные программы развития, улучшающие среду обитания как целое, а не только ее природные компоненты.

В том же, что наше отношение к островкам относительно нетронутой человеком природы критически важно для создания таких программ, я полностью согласен с Владимиром Борейко.

А. Кожара, Россия

* * *

В понятие “разум” Вернадский вкладывал не просто голый интеллект, который способен и в дальнейшем привел к тем самым безответственным открытиям в двадцатом веке типа ГМО, нанотехнологии и проч. (хотя нельзя огульно обвинить ученых в целенаправленном злом умысле или в халатности). Вернадский пишет, как я понимаю, именно об “ответственном разуме”. Для него без глубоких этических установок, без ответственного отношения к предмету исследований, к научным открытиям деятельность разума невозможна. Это уже более поздние (хотя и не только) “умы” под разумом понимают лишь так называемый “чистый” интеллект, не обремененный никакими нравственными установками и нормами (узкий, инструменталистский подход). Поэтому мысль Вернадского о том, что человеческий разум (именно в широком его понимании) способен привести и даже неизбежно порождает прогресс человечества, на мой взгляд, верна. Такой разум действительно ведет только к позитивным изменениям.

Кстати, сегодня многие ученые говорят о том, что в науке должно применять и ум, и сердце, и интуицию, опираясь на общечеловеческие, нравственные нормы и принципы, на идеи Общего Блага.

Только при этом условии возможны выход из сложившегося положения и дальнейший неотвратимый прогресс человечества. Именно об этом труды Владимира Ивановича.

Е. Жукова, Россия

* * *

От всякой утопии также есть польза, она становится определенным ориентиром для выстраивания собственного развития. Но есть большая правда в том, что сейчас ноосферу многие рассматривают как воплощение абсолютного техногенного могущества Человека. Человеческий разум, будучи отчужден от разума Земли-матери, не имея с ней адекватной обратной связи, действительно очень опасен и для самого Человека и для Земли, и сдерживать его некому. Можно рассматривать ноосферу как метафору воссоединения разума Человека и разума Земли-Матери путем создания общей нервной системы, участниками которых будут все формы Жизни, тогда и вопрос о сдерживании сам собой решается. Именно отсутствие такой работоспособной совместной нервной системы Человека и Земли – одна из главных причин экологического кризиса. Нам еще далеко до ноосферы, потому что человечество разучилось воспринимать чувства нашей Земли-Матери, ее внимание и любовь к нам, и отвечать ей с благодарностью, мы продолжаем отчуждаться от Земли. Но мы делаем первые шаги к взаимопониманию после долгих веков отчуждения.

Вернадский считал неизбежным процессом преобразования биосферы под массивным влиянием человечества и переход ее в некое качество. Но я думаю, он понимал, что для самого человека это могут быть вовсе не благостные условия, что сам человек может стать чем-то иным. То

есть субъектами разумного поведения в ноосфере могут быть не только люди. Собственно, как я понимаю Вернадского, ноосфера – это попытка обозначить того коллективного нового субъекта разумного поведения Биосферы, который станет на место человека или вместе с ним.

Что до справедливости, то пока люди между собой не могут наладить справедливые отношения, они всегда будут проецировать несправедливость по отношению к Земле-Матери и другим формам Жизни, в том числе к инопланетным.

У нас нет ноосферы в понимании Вернадского, и еще долго не будет. Есть техногенно-информационное человечество, которое паразитирует на биосфере и пока не сподобилось выстроить адекватную общую нервную систему с Землей ради собственного самосохранения. Вместо того, чтобы связать себя общей нервной системой, оно относится к Земле как механизму, космическому кораблю, многоквартирному дому, которыми можно управлять. В этом принципиальная ошибка. Земля – неизмеримо более сложная и более разумная форма Жизни, чем отдельный человек, а уж тем более коллективное человечество (коллектив субъектов никогда не может выступать самостоятельным субъектом). Либо человечество синтезирует в одно целое свою систему самоуправления с нервной системой Земли, либо соответственное биотехногенное давление человечества вынесет его из числа биологических видов в косную материю или в автотрофные киборги.

Д. Георгис, Россия

* * *

В.И. Вернадский был геологом и рассматривал геологические факторы, меняющие условия на планете; об этом нельзя забывать, читая его труды. До появления жизни на планете для такого рассмотрения было достаточно обсуждать только процессы в геосферах (атмосфере, гидросфере, коре...). После того, как жизнь широко распространилась по планете, она тоже стала

геологическим фактором. Достаточно вспомнить огромное количество руд, минералов, пород, происхождение которых так или иначе связано с жизнью (например, обусловлено наличием кислорода в атмосфере или захораниванием органических остатков). Поэтому Вернадский ввел термин “биосфера”, т. е. сфера, где идут биологические процессы, влияющие на планетарную эволюцию. Впоследствии (в частности, после работ Сукачева, который обсуждал биоценозы – крупные экосистемы, рассматриваемые в рамках конкретных растительных сообществ – и биогеоценозы, которые включают в себя еще и неживое вещество, участвующее в круговороте), понятие “биосфера” приобрело несколько иной смысл, а именно – планетарная экосистема самого высокого уровня, включающая в себя все остальные экосистемы меньшего ранга и масштаба. Это понимание весьма близко к понятию “Гейя”, введенному в середине прошлого века Лавлоком, и более распространенному на западе. Однако Вернадский понимал, что если до человека влияние биосферы на планету было обусловлено только чисто биологическими процессами (как на организменном, так и на экосистемном уровнях), то после его появления определенную роль начинает играть такая человеческая деятельность, например, техническая, которая связана с мыслительной деятельностью. Именно поэтому он ввел представление о ноосфере, как сфере действия процессов, которые влияют на эволюцию планеты, но зависят от мышления, разума, тех или иных открытий, изобретений. Прошу обратить внимание на то, что разум здесь понимается не в психологическом, гуманитарном и тем более не в морально-этическом аспектах. Иными словами, не все, что делает такой разум, полезно (кому?), морально (в рамках какой этической системы?) и хорошо (для кого?). Вернадский, в отличие от перекавалифицировавшегося в этического философа И. Канта, оставался в первую очередь естественником...

Так что, как мы можем видеть, ноосфе-

ра давно уже существует, однако она вовсе “не занята” тем, чтобы обеспечивать благоприятные условия кому-либо, в том числе и человеку. Утопией же являются представления о том, что ноосфера является неким сверхразумом, который сам для нас любимых все устроит почти без всякого нашего участия. Однако, не следует забывать и о другой идее, я имею ввиду идею о том, что каждый из нас является своего рода нервной клеткой, создающей мысли в ноосфере. Значит, по-настоящему яркая мысль может изменить весь мир!

Современный человек использует для труда различные приспособления, живет в искусственной среде (одежда, жилища), а для сохранения культурного опыта пользуется внешними по отношению к мозгу средствами, например, различными библиотеками. Это позволяет говорить о том, что современный человек уже не является *Homo sapiens*, а давно превратился в *Homo machinalis*. Для этой формы характерен “симбиоз” с техническими средствами и чрезвычайно интенсивный горизонтальный информационный обмен (в отличие от генетического “вертикального” между поколениями). Фактически, эти средства – приспособления и машины, которые когда-то помогли человеку выжить, распространиться по планете и достигнуть высот знания и человеческой культуры, захватили власть, поскольку они эксплуатируют человеческий интеллект, а для своего существования и развития требуют использования все большего количества невозобновляемых ресурсов среды. Последнее, в частности, отражается в том, что наиболее успешные в современном мире государства, по сути – субпопуляции людей, принадлежавших к новым технократическим культурам, являются не вписывающимися в окружающую среду, а преобразуют ее, разрушая есте-

ственную природу и уничтожая популяции иных видов. Фактически, они способствуют переходу от биосферы к техносфере – технически контролируемой (если это удастся) планетарной жизни. Задача современного человека – вернуть себе власть над машинами, для чего необходима смена культурных парадигм и духовная эволюция в направлении *Homo nobilis* – человека благородного. Одновременные представления о прогрессе, как о непрерывном росте потребления с целью создания все более искусственной и, якобы, более благоприятной среды, должны быть заменены на представления о духовном, эмоциональном и интеллектуальном развитии по множеству направлений. Представления об успешности, происходящие от стайной морали высших приматов, тоже, очевидно, потребуют пересмотра.

В. Левченко, Россия

* * *

А может быть, логичнее сейчас говорить не о ноосфере, а о коэволюции, о чем, кстати, писал своих последних работах известный российский эколог академик Н.Н. Моисеев. Коэволюция – это согласованное, терпимое, мирное, равноправное со-развитие частей одного целого, например, разных компонентов экосистемы или человеческой цивилизации и дикой природы. Здесь акцент делается не на подавлении, улучшении, контроле, изменении человеком дикой природы, а на многообразии, плюрализме, многоплановости объектов любой природы. Как дикой, так и человеческой.

Вл. Борейко, Украина

Миф о ноосфере как путеводная звезда охраны природы

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

К сожалению, спор идет больше о словах, чем о понятиях. Дело в том, что разные мыслители вкладывали в термин “ноосфера” различный смысл. Первым его употребил в 1920-е гг. Э. Леруа, подразумеваемая сфера разума, затем широко использовал П. Тейяр де Шарден. Он считал, что человечество рано или поздно сольется в единое целое, исчезнут национальные и религиозные различия, и произойдет слияние человечества с природой и Богом. Такое финальное состояние природы и общества он и называл ноосферой. По сути, это другая трактовка религиозных представлений о грядущем Царстве Божьем. В.И. Вернадский первым пришел к выводу о том, что человечество стало основной геологообразующей силой планеты, и о его глобальной ответственности. По В.И. Вернадскому, ноосфера – это такое состояние биосферы и общества, когда человеческий разум определяет их дальнейшее развитие. Он считал переход биосферы в ноосферу естественным этапом самоорганизации природы (Моисеев, 2000). Из такого определения, кстати, отнюдь не следует неизбежность развития в направлении техносферы. Разум может вести человека в разных направлениях. Н.Н. Моисеев (2000) говорил о ноосфере уже не как о состоянии биосферы, а о времени, когда человеческий разум будет способен определить условия, необходимые для коэволюции природы и общества, а коллективная воля людей – для их реализации. Биосфера и общество станут развиваться как единый организм, а коллективный разум будет стремиться обеспечить гомеостаз этой системы. Достичь этого сможет только новый человек. Не тот ли это *Homo nobilis*, о котором говорит В.Ф. Левченко (2002)? В.А. Зубаков (2002) видит оптимальное будущее цивилизации в виде

симбиоза объединенного человечества с поддерживаемой им биосферой.

Другими словами, возможна трактовка понятия “ноосфера” как времени, когда человечество будет развиваться, подчиняясь законам природы. *Ноосфера – это симбиоз биосферы и человечества, поддерживаемый его коллективным разумом.* Пока же цивилизация идет по пути паразитизма, высасывая из природы все больше ресурсов и отравляя ее продуктами жизнедеятельности. То есть генеральная линия перехода к ноосфере – замена паразитического отношения к природе симбиозом с ней.

Такой вариант ноосферы, кстати, вполне стыкуется с концепцией В.И. Вернадского – именно человеческий разум будет определять дальнейший путь развития природы и общества. Другое дело, что этот путь должен вести не к дальнейшему преобразованию биосферы, а к обузданию непомерного аппетита одного из входящих в нее видов. Но на то он и разум, чтобы вовремя менять приоритеты.

Есть две альтернативы ноосфере-симбиозу: техносфера – полное преобразование и окультуривание природы – и возврат человека в биосферу на правах рядового компонента со всеми вытекающими последствиями. Добровольно он на это вряд ли пойдет, но природа-матушка может поставить на место неразумное дитя. Так не лучше ли самим взяться за разум?

Мне, честно говоря, не совсем нравится предложенный Н.Н. Моисеевым термин “коэволюция”, потому что такая коэволюция (т. е. совместное развитие) шла всегда: человек приспособлялся к природе, природа приспособлялась к человеку. Но сам принцип “мирного сосуществования” природы и человечества – это, собственно говоря, то, к чему стремится все природоох-

ранное движение мира. Против такой постановки вопроса вряд ли будет возражать и самая радикальная его часть.

В.Е. Борейко совсем недавно эпатировал почтенную публику утверждением, что охране природы необходимы мифы (см., например, Борейко, 2001). Ну так а чем не годится миф о ноосфере? Это очередная прекрасная утопия о счастливом будущем человечества. Достижимо оно или нет и в каком виде – можно долго спорить, но, как и всякий идеал, ноосфера может быть путеводной звездой в развитии общества. Человечество никогда не устанет верить в сказки, так пусть они будут экологически грамотными.

Вместо того, чтобы отвергать идею ноосферы “с порога”, можно взять ее на вооружение, просто дав свою трактовку этому понятию. Сместить акценты гораздо проще, чем опровергнуть идею, давно укоренившуюся в умах людей. Да и для того чтобы это сделать, нужно подняться до уровня интеллекта В.И. Вернадского. А вот развивать его идеи – почему бы и нет? Более того, можно противопоставить такой вариант

ноосферы техносфере, которая губит и природу, и человека.

Именно по такому пути пошли взаимоотношения природоохранного движения и религиозных организаций. Большинство природоохранников не отвергают мировые религии, несмотря на их антропоцентризм, а пытаются найти общий язык, предлагая новые трактовки старых догматов. В этом их охотно поддерживают многие богословы, откликаясь на “социальный заказ”.

Давайте и в данном случае сделаем разумный шаг по пути к светлому будущему и не будем плодить противников там, где можно найти союзников.

Литература

- Борейко В.Е. (2001): Современная идея дикой природы. - Гуман. экол. журн. 3 (спецвып.): 4-37.
 Зубаков В.А. Экогеософская мировоззренческая парадигма. - Гуман. экол. журн. 4 (1): 12-38.
 Левченко В.Ф. (2002): Прометей благородный или кто спасет планету? - Гуман. экол. журн. 4 (1): 3-12.
 Моисеев Н.Н. (2000): Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры. 1-224.

Дискуссия об эко- и биоцентризме и антропоцентризме

Поддерживаю предложение Макса Оленичева и Бориса Слунтса по поводу того, что СоЭСу нужно определиться: какую идеологию он исповедует – антропоцентризм или экобиоцентризм. То есть нужно разобраться в коренном вопросе – для чего мы охраняем природу. Ради себя и будущих поколений или же ради самой природы. На мой взгляд, призыв охранять природу ради себя и будущих поколений является саморазрушающим, так как в этом случае вне защиты оказываются виды, бесполезные или вредные для человека.

Вл. Борейко, Украина

Проведена в июле 2002 г. на сервере “Дискуссия” СоЭС, сокращенный вариант.

* * *

Возражаю против предложения о том, что СоЭС нужно “определиться” по поводу того, какую идеологию он исповедует – антропоцентризм или экобиоцентризм.

1) Каким образом СоЭС может “определиться”? Голосованием с последующим исключением меньшинства, или запретом ему выступать с “несоэсовских” позиций? А у тех, кто останется, взгляды будут одинаковыми (раз уж определились) или будут определены еще и допустимые границы различий в философских взглядах? Помоему, тогда мы будем не СоЭС, а сильно идеологизированная организация – не каждая политическая партия до такого доходит!

2) Природе все равно, почему ее спасают. Организуя раскол по идеологическо-

му принципу, мы ослабим практическую деятельность движения.

3) Сказанное не значит, что я против философского осмысления нашей деятельности, тем более, что запретить человеку думать – не менее бессмысленно, чем заставлять людей думать одинаково. Ради чего мы охраняем Природу – ради нее самой или ради себя (Человечества) – этот вопрос рано или поздно задают себе почти все убежденные природоохранники. Ответ на него – дело личное, а принятие практических решений при наличии философских разногласий – вполне реальная вещь, когда люди порядочные попадают. Неужто не замечали?!

4) Лично я верю тем, кто говорит, что охраняет Природу ради нее самой. Также я верю тем, кто говорит, что охраняет Природу ради Человечества. Я согласен в главном (в том, что они охраняют Природу) и с теми и с другими, потому что считаю: в сознании людей должно исчезнуть противопоставление между “охраной природы” и “заботой о человеке”: человеческое общество будет устойчиво развиваться только как часть породившей его Природы.

Н. Соболев, Россия

* * *

Мне очень важно, чтобы термин “антропоцентризм” был восстановлен в правах и получил свой изначальный смысл. Это не сегодняшняя моя точка зрения. Так я говорил всегда (когда говорил, конечно). Антропоцентризм означает разумное, любовное и ответственное управление миром, а отнюдь не поглощение этого мира камнегрызом – гомо сапиенсом.

В. Челышев, Россия

* * *

Е. Кругликовой. Согласен с Вами, что нужно активнее в природоохране использовать мотивацию любви. Однако ее одной будет недостаточно, т. к. некоторые люди любить просто не умеют. Да и полюбить

многоножку или паука довольно трудно. Поэтому более действенной мотивацией может быть этическая, когда виды охраняются по причине их права на жизнь.

А. Ожаровскому. Право на жизнь имеют все виды – и вредные и полезные для человека – в том числе крысы, тараканы, возбудители СПИДа и оспы. Однако вопрос не в том, какая мотивация кому из нас больше нравится... Вопрос в том, как подобрать ключик к наибольшему количеству людей, и тут очень важно использовать как можно более значимое число мотиваций. Однако даже при таком подходе должны быть мотивации, наиболее популяризируемые природоохранниками. Так, охотники кормят зимой кабанов не потому, что хотят им помочь, а для того, чтобы их потом убить. В этой связи я согласен с Забелиным, который заявил, что подобная мотивация не что иное как свинство. Однако мы не должны отказываться и от нее в работе с населением, вместе с тем всегда показывая ее этические изъяны.

Н. Соболеву. Мы не ленинская партия, и нам нечего бояться расколов, дискуссий, споров и т. д. Надо бояться, чтобы не сгнить заживо, как некогда наш любимый ВООП или УТОП. Природе действительно все равно, почему ее спасают. Однако, если мы будем и дальше спасать ее с позиций антропоцентризма, то в скором времени спасать будет нечего. Защитники природы должны разработать новые, более эффективные доводы для охраны природы, новое понимание места людей на Земле, новую оценку природы. Мы должны признать, что истинная причина, почему мы одобряем защиту природы, это природа ради нее самой. Мы должны открыто сформулировать это объяснение для общественности. Только после соответствующих перемен в идеях, знаниях, убеждениях могут произойти перемены в жизни, быту, правовой и социальной организации общества. Антропоцентризм же не требует такой глубокой перемены, как экобиоцентризм, так как не предполагает повышения значимости нематериальных и внутренней ценностей при-

роды, а также перемещения человека из царя природы просто в паутину жизни.

В. Челышеву. Виталий, все-таки у нас с Вами путаница в понятиях. Согласно “Российскому энциклопедическому словарю” антропоцентризм трактуется как “воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания”. Согласно экобиоцентризму – в словаре такого термина пока нет – “любой вид или экосистема есть центр и высшая цель мироздания”. Согласно антропоцентризму, актуальным является лозунг “все во имя человека, все для блага человека”. Согласно экобиоцентризму, актуальным является лозунг “не все во имя человека, не все для блага человека”.

Нестыковка наших позиций происходит, насколько я понимаю, из-за того, что Вы ставите человека в центр природоохранных дел – и это правильно. Но вопрос весь в том, для чего он занимается охраной природы. Если для своего блага – он антропоцентрист. Если для блага осетров или волков – то он экобиоцентрист.

Не согласен я также с Вашим заявлением, что “в центре процессов, происходящих на Земле, стоит человек”. Разве виноват человек в том, что ночь сменяет день, а зима лето? А вулканы или сложные процессы видообразования происходят разве по вине человека? Да, от человека зависит, к сожалению, очень много на Земле, но не все. Человек никогда не сможет заменить собой природу, никогда на Земле не наступит ноосфера. Он всего лишь один из видов, и не известно еще, во что эволюционирует.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Уважаемый Владимир Борейко пишет: “Мы не ленинская партия, и нам нечего бояться расколов, дискуссий и т. д.”. Не полностью согласен: расколы вредны не только ленинской партии, но и СоЭС. Против того, что “Организуя раскол по идеологическому принципу, мы ослабим практическую деятельность движения”, возражений не было – видимо, это принято? А о том,

чтобы не было дискуссий, я как раз и не писал. У меня в письме сказано, что “запретить человеку думать – не менее бессмысленно, чем заставлять людей думать одинаково”. Володя, читай внимательнее, пожалуйста.

Кроме того, Владимир Борейко пишет: “Однако, если мы будем и дальше спасать ее (Природу) с позиций антропоцентризма, то в скором времени спасать будет нечего”. Не вижу сколько-нибудь серьезного обоснования этого утверждения. Почему надо считать, что так будет, если, например, я буду заниматься охраной природы, исходя из своих убеждений, которые ты, Володя, возможно, относишь к “антропоцентризму”? С другой стороны, мои убеждения не соответствуют процитированному тобою определению “антропоцентризма” из “Российского энциклопедического словаря” (“воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания”). Согласно моим представлениям об антропоцентризме, как раз многие высказывания В. Борейко антропоцентричны (что и В. Челышев отмечает) – я, однако, не думаю, что от этого его борьба за спасение Дунайского устья становится менее эффективной. Не знаю, насколько тут продуктивна дискуссия в абстрактных понятиях. “Спасать будет нечего”, если наши природоохранные дела будут не эффективны, что обычно происходит от неумения или незнания конкретных вещей, а не от неверных идеологических установок.

Согласен с тем, что “Защитники природы должны разработать новые, более эффективные доводы для охраны природы” – вот именно с этой частью фразы. Я как раз этим и занимаюсь и считаю, что для расширения рядов защитников природы “в сознании людей должно исчезнуть противопоставление между “охраной природы” и “заботой о человеке”: человеческое общество будет устойчиво развиваться только как часть породившей его Природы”. Это тоже не встретило возражений – по-видимому, тоже принято?

Н. Соболев, Россия

* * *

Антропоцентризм, как идеология, опасен в первую очередь тем, что ставит во главу угла интересы и права человека и только человека. Хорошо, когда интересы человека и защиты природы совпадают. Однако, чаще бывает так, что интересы и права человека как части природы противоречат интересам и правам просто природы. В этом случае, что бы ни говорил Соболев, согласно антропоцентризму, всегда должны побеждать интересы и права человека, что ведет к попиранию всеобщей справедливости и к дальнейшему уничтожению живой природы и ее видов. Антропоцентризм позволяет человеку пользоваться природой по своему усмотрению, не заботиться о нравственных вопросах, которые могут возникать в отношениях между людьми и природой. Антропоцентризм не приветствует добровольное ограничение человека по экспансии собственного вида ради прав и интересов других видов и экосистем. В связи с этим антропоцентризм можно рассматривать как опасную в экологическом и моральном отношении идеологию, защищающую господство человека над природой и уничтожение последней. То, что сейчас происходит в России – гтбель государственной природоохранной службы, нулевой рост числа заповедников и нацпарков – пример торжества антропоцентризма, причем в его самой ужасной, циничной стадии.

Вл. Борейко, Украина

* * *

В. Бенедиктов “Образец смиренья” (1870 г.)

(Встречающиеся далее по тексту слова “гордец”, “лжешь” и т. п. прошу присутствующих не принимать на свой счет – **В.А.**)

Боже! Как безумна гордость человека!
 “Для меня все в мире от начала века, –
 Он сказал когда-то с дерзостью незнанья, –
 Царь я всей природы, властелин создання,
 Средь светил небесных, средь пучин эфира
 Я стою с Землею в средоточье мира.

Вкруг меня вертится от зимы до лета
 Солнце – МОЙ источник теплоты и света.
 Там Луна – фонарь МОЙ, звездочки-лампадки
 Светят, чтоб все было у меня в порядке”.
 “Лжешь, гордец безумный! Лжешь, глупец
 надменный:
 Сам с своей Землею в уголку вселенной,
 Глядя только в щелку узкого оконца,
 Кубарем кружишься около ты Солнца;
 С Солнцем вдаль несешься – и не знаешь,
 где ты,
 Призраки лишь только видишь – не предметы.
 Лунный шар – твой спутник, а тех звезд
 лампы –
 Океаны света, страшные громады,
 При которых весь твой мир в его убранстве –
 Жалкая пылинка в мировом пространстве”.
 Он сказал: “Я разум: мыслю – размышляю,
 Лишь инстинкт животным я предоставляю;
 В рабстве их держу я, создан быть вельможей;
 Я с душой бессмертной – вечный образ Божий.
 Для меня Всевышний весь так мир устроил,
 Чтоб себя я только тешил и покоил.
 Вождь я грозных армий, властелин творенья!”
 Вот он – полюбуйтеесь – образец смиренья!
 Сам себя он громко, величая, славит,
 Бьет себе подобных и природу давит;
 Ничего не смысля, он за Бога смело
 Судит и решает божеской дело!

В. Агафонов, Россия

* * *

Так ли уж необходимо приходиться к одному виду идеологии: био-, эко- или антропоцентризму? Основой устойчивости экосистем является разнообразие видов. Основой устойчивости организации, возможно, является разнообразие взглядов ее членов, чтобы организация не превратилась в секту. Вполне возможно, чтобы в одной организации мирно сосуществовали и биоцентристы, и эоцентристы, и антропоцентристы, и вегетарианцы, и мясоеды. Это позволит быть зрячими, т. е. видеть слона целиком, и принимать взвешенные решения в каждом конкретном случае по защите природы. Хотя, возможно, секта в своих действиях может быть более сильной.

Е. Кругликова, Россия

* * *

Увы, надежды на хозяина не раз подводили и нас. Вспомните, какие надежды были во времена приватизации – появится хозяин, и все само собой устроится. И рассуждали схожим образом: при малейшей смене ситуации “освобожденные” воры все равно разворуют (а к потенциальным ворах теории рынка типа Г. Попова отнесли всех). И вот указом сверху буквально заставили всяких особо шустрых взять государственное имущество, чтобы затем пустить его по ветру – на презентации, на Канары, на евроремонты. А что осталось, используется “ворами по указу” в СВОИХ интересах. В погоне за сверхприбылью новые капиталисты, особенно монополисты, занимаются экономическим шантажом (отключают электроэнергию за неуплату, и гибнут больные в реанимации и недоношенные дети в инкубаторах). А хуже всего, что хозяев получили не только вещи, но и люди, то есть стали рабами. Пусть наемными и только в рабочее время – все равно рабами

Кстати, Павел I раздавал населенные земли исключительно из заботы о крестьянах. Логика была такова – государственные

крестьяне (свободные) – ничьи, хозяина у них нет, для чиновников они чужие, заботиться о них некому.

Так вот, неужели животные, лес, речка, воздух, солнце могут кому-то принадлежать?! Находиться в чьей-то собственности? Иметь хозяина? Противно.

Человечество и сейчас чрезвычайно дикая часть биоты, и своей войны с природой не прекращает, несмотря на появление в его рядах “зеленых” перебежчиков в лагерь “противника”. И самое лучшее, что можно придумать – выгородить демилитаризованные зоны, которые бы, кроме всего прочего, служили бы прибежищем и для разумных представителей самого человечества (папуасов, амазонских индейцев, малых народов Севера и т. п.). Эти разумные представители – часть самой природы и могут жить по ее законам. Запреты не должны их касаться. Если хищникам дозволяется охотиться, то и первобытным племенам тоже! Только с применением традиционных орудий и для личного потребления, не на потребу рынка.

В. Агафонов, Россия

Что есть охота

В. Чернышев

“Охота любительская (спортивная) – 1) охота на диких животных с целью получения удовольствия от их страдания и гибели; 2) полный синоним удовольствия, порой доводимого до разгула. С точки зрения экологической этики, а также многих религий – буддизма, индуизма, ислама, иудаизма, даосизма расценивается как аморальный поступок”.

Такое определение принадлежит авторам “Словаря терминов” В.Е. Борейко и

Н.В. Морохину. Он приложен к книге В.Е. Борейко “Прорыв в экологическую этику”.

Все другие словари, общепотребительные, “вневедомственные” и потому беспристрастные, получение наслаждения от страдания других существ единодушно толкуют как садизм. Стало быть вот так, одним махом пера, с детской непосредственностью и категоричностью господина Борейко и Морохин отнесли охотников всех времен и народов к садистам. Известно, что излишняя категоричность, находящаяся не в ладах с диалектическим взглядом на вещи, всегда страдает ограниченностью и ущерб-

Опубликовано: Охота и охотничье хозяйство. 2003, № 3, с. 1-3, сокращенный вариант.

ностью. Однако подобная запальчивая категоричность, чаще всего проявляющаяся в безрассудных бытовых перепалках, едва ли уместна в научной терминологии.

Охотникам не привыкать очищаться от изливаемой на них хулы. В городских (преимущественно) околомобильных кругах, не дающих себе труда разобраться в существе вопроса и увидеть что-то большее, чем убийство “невинных животных”, нет-нет да проявляются всплески антиохотничьего самоуничижительного ханжеского сарказма – как будто эта публика не ест цыплят табака, не облачается в кожу, ранее принадлежавшую животным, и не носит меховых воротников и шапок. Далекие от природы, неосведомленные в том, что отвергают, они предадут охоту анафеме по невежеству, и им следует скорее посочувствовать в их неведении, чем всерьез принимать их нападки. Ведь характеры, взгляды и увлечения людей складываются, к несчастью, по-разному, и человеку, лишенному охотничьей страсти, так же бесполезно говорить об охоте, как внуху об любви к женщине, человеку, лишенному обоняния о прелести аромата цветов, а лишенному музыкального слуха – о чарующей мелодии.

Но Владимир Евгеньевич Борейко к ним никак не относится. Директор Киевского эколого-культурного центра, он известен читателям журнала “Охота и охотничье хозяйство” как автор серии очерков под рубрикой “История боли и героизма” о видных деятелях природоохранного дела, ученых-биологах, ставших жертвами сталинского произвола. Еще больше он известен как автор не одного десятка книг по вопросам экологии и охраны природы. Трудолюбие и продуктивность В.Е. Борейко не могут не вызвать уважения. Узнав о выходе в свет весьма ограниченным тиражом его книги о народных традициях и поверьях, я приложил усилия, чтобы заполучить ее, и не разочаровался: это добротный труд, полезный для каждого, кто интересуется природой.

Тем неожиданнее было услышать из уст

уважаемого ученого-биолога столь ошеломляющую уничтожительную характеристику охоты, которая может быть воспринята каждым не потерявшим достоинство охотником как личное оскорбление.

Прежде всего, само понятие охоты неоднозначно. Охоту промысловую авторы словаря обходят молчанием (а следовательно, допускают ее правомочность), хотя различие ее с любительской очень условно, потому что без душевно-пристрастного, “любительского” отношения к этому роду занятий любой промысловик едва ли выдержал бы тяжелый, сопряженный с опасностями, с лишением элементарных житейских условий труд и постарался бы найти другую работу. Кроме того, немало охотников-любителей заключают на сезон договора на лицензионный отстрел зверей и становятся, таким образом, промысловиками по добыче пушнины и мяса.

В словаре нет толкования браконьерства – по-видимому, его авторы не делают различия между этим понятием и любительской охотой; не оговаривается, что есть охота в научных целях, что любительская охота нередко выполняет роль регулятора численности животных, избыток которых может повредить окружающей среде, что она может являться защитой от хищников, опасных для людей и домашней скотины...

Нет! Любая охота “аморальна” и все охотники – “негодяи”, получавшие лишь наслаждение от страдания убиваемых животных!

А как быть с множеством славных имен страстных охотников, в том числе известных биологов и натуралистов, чей вклад в развитие науки был в немалой степени обусловлен их увлечением охотой? Можно было бы для примера привести их длинный перечень, не забыв в нем знаменитого Брема, но лучше ограничиться теми, кто указан в “словаре терминов” и признан его авторами (кстати, может ли человеческая персона быть “термином”?).

Общеизвестно, каким страстным охотником до преклонных лет был писатель Олег Васильевич Волков, автор неприми-

римо-острых статей и очерков в защиту не только Байкала, кедровников и заповедных земель, но и в защиту охоты*; неугомонным охотником, несмотря на почтенные годы, является доктор наук и литератор Феликс Робертович Штильмарк, чей вклад в отечественное природоохранное дело отмечен авторами словаря. Охотником был и Генри Торро, написавший замечательную книгу “Уолден, или жизнь в лесу”... Из одного уважения только к этим именам следовало бы с большим тактом и терпимостью аттестовать охоту.

Но что же все-таки представляет собою это странное увлечение – охота? Что она дает?

Позволю себе обратиться к собственному шестидесятилетнему охотничьему опыту, поскольку лучше, чем кого-либо, я все же знаю себя. К тому же вопрос этот с годами возникал у меня не однажды.

Сразу же скажу, что за все время охоты мне не приходилось встречаться с бессмысленной жестокостью охотников, тем более с проявлением их садизма, тогда как я мог бы привести множество примеров самого дикого, возмутительного изуверства по отношению к животным (и неживой природе) со стороны неохотников. Еще С.Т. Аксаков отмечал, что из мальчишек, жестоко обращавшихся с животными, охотников не получается – они вырастают из тех, кто никогда не “лукнет” в собаку камнем.

Я еще не ходил в школу, когда получил в подарок монтекристо, настоящее ружьецо с толстым граненым стволом, стрелявшее небольшими пулями. Моя первая добыча была неожиданна и случайна. Лет в одиннадцать я осваивал под руководством деда стрельбу по мишени из малокалиберной винтовки, сменившей монтекристо. На вершину старого тополя в парке, примыкавшем к дому, села горлинка. Она сидела очень высоко и не встревожилась, когда я с “мелкашкой” в руках подошел к подножью дерева. Почти навскидку, наскоро прице-

пившись, я выстрелил, никак не предполагая, что из такого неудобного положения могу попасть. Но птица замертво упала к ногам. Я поднял красивую, бесцельно загубленную голубку, вспомнил когда-то слышанный досужный разговор о том, что при смерти голубки погибает и голубь, и мне стало так жалко горлинку, что я расплакался.

Дед был верующим человеком. Христианство не отвергает охоты. Православные охотники считали своим покровителем Святого мученика Трифона, изображенного верхом на коне с соколом в руке. Встревожившись, вероятно, относительно моего охотничьего будущего, дед стал меня утешать:

– Это неправда, что голубь из разбитой пары тоже погибает... Господь создал бессловесных тварей на потребу человека. Но именно “на потребу”, чтобы с пользой... Хорошенько рассмотри птицу, зарисуй ее – это и будет пользой от выстрела.

Успокоившись, я старательно нарисовал горлинку цветными карандашами – рисунок этот и сейчас хранится среди старых бумаг...

Необдуманный выстрел стал уроком на всю жизнь. За время долгой охоты я бесцельно не убил ни одной птицы.

Охотник всегда остается в душе охотником, не только при ружье в руках. Как бы ни был велик город, как бы ни был он запакован в асфальт и камень, природа и в нем напоминает о себе. Но если обычный горожанин увидит в желтых цветочках на обочине тротуара просто признаки весны, то охотник при виде мать-и-мачехи вспомнит расцветшее в голом лесу волчье лыко и калужницу в дорожной колее, представит, как тянет над вершинами ольшин вальдшнеп...

Пережитые на охоте впечатления будут сопутствовать ему всегда. И потому охота – повторюсь в своем утверждении – это не отдых, не развлечение и не спорт – это образ жизни, образ существования.

Единственное, чего я не мог понять за долгие годы своей охоты, – как в одном че-

* Олег Волков в конце своей жизни выступил против любительской охоты – *ред.*

ловеке уживается любовь и щемящее страдание к животным с радостью удачного выстрела. Это и сейчас для меня загадка. Вероятно, в этом и состоит тайна охотничьей души, ее отличие от неохотничьей, которая не испытывает ни того, ни другого. Правда, – я знаю это и по себе, и по многим друзьям и знакомым – с годами охотничий азарт несколько притухает, однако благодарного отношения к охоте это не меняет.

Русская охота отличается своей духовной основой: любовью к природе, поэтическим ее восприятием, чувством родства со своей землей, патриотичностью. Напоминаю слова своего земляка, симбирского помещика П.М. Мачеварианова, сказанные им в 1876 году в “Записках псового охотника...”: “Привязанность охотника к родине безгранична. С какой любовью он смотрит на свои поля, луга, рощи...” Грузина по происхождению, с русской природой его сблизил охота.

Опошлить можно все, самые светлые идеалы. В чувственных отношениях мужчины и женщины можно найти немало примеров пошлости, но это не дает оснований сомневаться в существовании настоящей возвышенной любви, единственно способной приносить счастье.

Оглядывая жизнь с высоты прожитых лет, я могу уверенно утверждать, что более всего ее украсила моя охота. Она наградила меня радостью постоянно живущей в сердце любви к природе, одарила восхитительным ощущением свободы и родства со своей землей, когда чувствовал себя на ней, по выражению Ивана Сергеевича Соколова-Микитова, как “свой в своем”. Охота познакомила и сдружила меня с замечательными собратями по страсти, людьми высокого благородства души. Она оградила от косного домоседства и подвигла на многое, многие ближние и дальние путешествия, без которых не возможно познать и полюбить свою родину.

Знаю по своему охотничьему опыту, что такие взгляды разделяет неисчислимое множество русских охотников.

Как увязать это с ожесточенной характеристикой любительской охоты киевских экологов?

Да, как большинство явлений жизни, охота может быть разной. Поэтому нельзя так огульно отрицать страстное увлечение людей, которое приносит им радость, ощущение свободы и счастья.

По меньшей мере, это не гуманно. И не этично.

Не убий

Л. Толстой

“Не убий”. Но как можно не убивать, когда убийство может быть необходимо для спасения не только своей жизни, но и жизни других, близких, да и вообще людей? Мало этого, как же можно не убивать не только злобных людей, но и мирных животных, если смерть их необходима для поддержания жизни людей? Но мало и этого, разве есть возможность не убивать змей,

крыс, мышей, всяких гадов, насекомых? Мы шага не можем ступить, не уничтожая жизни существ? И потому безубойное питание есть ни на чем не основанная фантазия.

Так говорят очень часто, но, удивительное дело, ничто лучше этих доводов не показывает справедливость и нравственную обязательность заповеди: не убий, как именно это рассуждение. Совершенно справедливо, что может быть трудно воздержаться от убийства гадов и совсем невоз-

Опубликовано: Толстой Л. Не убий. - Крик. 2001, № 4, с. 3

можно удержаться от уничтожения жизни насекомых. Все это справедливо, но дело в том, что цель всякой нравственной деятельности состоит никак не в достижении полного совершенства, а в совершенствовании, т. е. во все большем и большем приближении к совершенству. Полное совершенство есть свойство только Бога, свойство же человека есть только приближение к совершенству. И потому рассуждение о том, что если мы никогда не можем быть свободными от убийства, то и заповедь не убий не может быть нравственным руководством, – такое рассуждение есть или обман, или

грубое заблуждение. Как во всякой нравственной деятельности, так и в следовании заповеди: не убий, дело не в достижении полного совершенства, а только в том, чтобы как можно больше приблизиться к нему: как можно меньше убивать всяких живых существ, очевидно, прежде всего людей, потом более близких, потом менее близких человеку существ, вызывающих в нас живое чувство сострадания, а потом и насекомых, и даже растения.

Чем дальше уйдет человек по этой лестнице сочувствия к другим существам, тем лучше другим существам и человеку.

Злая забава (с предисловием Льва Толстого)

В.Г. Чертков

Предисловие

Несколько лет тому назад мне довелось слышать следующий разговор между молодыми, начинающими охотниками и бывшими охотниками, оставившими охоту, вследствие сознания безнравственности этой забавы:

Молодой охотник (с уверенностью): Да что же дурного в охоте?

Бывший охотник: Дурно, без нужды, для забавы убивать животных.

Ни возражать против этого, ни соглашаться с этим невозможно. Так это просто ясно и несомненно. Но, несмотря на это, молодой охотник не бросил тогда же охоты, а охотится и до сих пор. Но уверенность в безобидности занятия охотой нарушена; совесть пробуждена по отношению к делу, считавшемуся досель, несомненно, правым.

И долго молодой человек уже не проохотится. Вот это-то действие несомненно произведет эта прекрасная статья на всех тех, которые прочтут ее. Дай Бог, что бы их было как можно больше, особенно из молодежи.

Лев Толстой

15 октября 1890

Злая забава (Мысли об охоте)

Спросите любого охотника: в чем главная прелесть охоты, – редкий скажет, что ему доставляет наслаждение преследовать и убивать животных. Большинство охотников скажет, что прелесть охоты не в убийстве, а в том, что связано с ней.

Напрасно думают, скажет охотник, что сам акт убиения дичи или зверя доставляет главное удовольствие охоты. Если бы так было, то гораздо проще было бы резать телят и кур на скотном дворе. Не в преследовании и убиении животных привлекатель-

Опубликовано: Чертков В.Г. Злая забава. Мысли об охоте. 1890. С предисловием Льва Толстого. 24 стр. Сокращ. вариант. Владимир Чертков – старый друг и издатель Льва Толстого.

ность охоты, а во всех тех разнообразных ощущениях и впечатлениях, которые испытывает охотник с выхода из дома и до возвращения. Охота доставляет человеку, постоянно занятому той или другой однообразной деятельностью, возможность вырваться из своей обычной колеи и, забывая всякие условные стеснения, жить урывками с природой. И общение его с природой на охоте не ограничивается пассивным созерцанием ее: на охоте человек, подчиняясь закону, свойственному всему живому – борьбе за существование, сливается с природой и живет заодно с ней.

“Охотник упражняет в себе не только силу и выносливость тела, ловкость и гибкость движений, меткость глаза, твердость руки, но и некоторые душевные качества: энергию, предприимчивость, настойчивость. Таким образом, кроме сближения с природой, охотник развивает в себе еще такие физические и душевные силы, которые, при условиях городской и вообще кабинетной жизни, бездействуют и потому ослабевают. С этой стороны охота имеет воспитательное значение для молодых людей: она приучает их полагаться на свои силы, обходиться без посторонней помощи; а это особенно полезно для тех, кто с самого детства привык во всем, что требует приложения физической силы, пользоваться чужим трудом. Кроме того, страсть к охоте бывает часто благодетельна тем, что спасает молодого человека от других увлечений, губительных в нравственном и физическом отношении, как, например, вино, карты, женщины. Недаром охота считается мужественным и благородным развлечением и пользуется почетом у всех народов с самых древних времен”.

Так говорят охотники, желающие оправдать и осмыслить свою любимую потеху. И с первого взгляда доводы эти кажутся основательными. Но справедливы ли они в действительности?

В продолжение многих лет я был страстным охотником. К занятию этому я относился с величайшей серьезностью, не только охотясь всякими различными способа-

ми, но и теоретически изучая охоту по книгам. Ни к чему на свете не относился я с таким увлечением, как к охоте: никакого наслаждения я не знал выше того волнения, которое испытываешь на охоте. И тем не менее, в душу мою вкралось сомнение в законности этого наслаждения. Не желая бросать охоту, я всячески старался заглушить в себе это сомнение. И сначала мне это удавалось. Но сомнение с годами росло, подтачивая удовольствие охоты. И вот крошечный, едва слышный укор совести постепенно разросся и, наконец, стал не на шутку меня беспокоить. Я волей-неволей был принужден взглянуть правде в глаза, и лишь только я это сделал, то тотчас же, несомненно, всем своим существом понял зло охоты. Теперь я не могу не признавать охоту делом не только нечеловечным, но прямо зверским и потому свойственным разве только дикарям и вообще людям, живущим еще бессознательной жизнью, но никак не соответствующим тому уровню духовного просвещения, на котором мы считаем себя стоящими.

Я перестал охотиться, но еще долгое время, при всяком воспоминании об охоте, мне страстно хотелось возвратиться к ней. Теперь, слава Богу, страсть эта совсем улеглась во мне, и я могу, спокойно оглянувшись назад, подвести итог всему передуманному и пережитому по этому поводу.

Говорят, важна не сама охота, а условия, сопутствующие ей.

Но если бы это было так, то одно общение охотника с природой могло бы удовлетворять его. Однако, ведь этого нет. Ни прогулки, ни катанья, ни какие бы то ни было занятия в саду, в поле, среди природы не могут заменить охотнику особенного наслаждения, доступного, как, с сознанием своего превосходства говорят охотники, только тому, в ком есть охотничье чувство.

В чем же состоит это особенное охотничье чувство и вызываемое им наслаждение?

Как не отнекивайся охотник, главное наслаждение его на охоте состоит именно

в преследовании и убивании животных. В этом самом, и только в этом, весь смысл охоты и наслаждение ею, и хваленое охотничье чувство. Именно это, а не что иное, придает охоте ее привлекательность.

Говорят еще, что привлекательность охоты происходит оттого, что, предаваясь ей и отдаваясь свойственному всему живому закону борьбы за существование, человек соединяется с природой.

Действительно справедливо, что если человек охотится для поддержания своего существования, что бывает только в редких случаях, то он подчиняется закону борьбы за существование. Но, во-первых, этого никогда не бывает не только для богатых, но и безбедных охотников; а во-вторых, борьба за существование для человека имеет особенный смысл, едва ли могущий выразиться в форме охоты.

Правда, что в природе все постоянно борется за существование. Но и у животных борьба за существование не ограничивается пожиранием слабого сильным, не меньшие усилия и искусства многие животные прилагают к борьбе с природными стихиями, устраивая себе жилища, защищающие их от непогоды, и тому подобными заботами. Для человека же главная форма борьбы за существование состоит в устройстве жилищ, изготовление одежды, и, главное, в добывании себе пропитания, – в обработке питательных растений. По мере все большего и большего удаления от первоначального дикого состояния, формы борьбы за существование постепенно видоизменяются. Самая первобытная форма этой борьбы – звероловство – действительно совпадает с приемами борьбы у животных; но по мере совершенствования условий жизни, это грубая борьба с животными делается излишней, и в настоящее время человечеству уже становится вовсе не нужным убийство животных даже для своего пропитания, как то подтверждается всеми людьми, количество которых постоянно увеличивается, сознательно питающимися одной растительной и молочной пищей.

И потому охота теперь не есть естествен-

ная форма борьбы за существование, а добровольное возвращение к первобытному звероподобному состоянию, с той только разницей, что для первобытного человека охота служила естественным делом, соответствующим и всему остальному его образу жизни. Для современного же культурного человека такое занятие поощряет, упражняет и развивает в нем такие животные инстинкты, которые давно уже переросло человеческое сознание.

Стоит только живо вспомнить или представить себе поведение всякого охотника во время охоты для того, чтобы убедиться в том, что он, давая полную волю худшим свойствам своей природы, прибегает к таким поступкам, о которых при всяких других обстоятельствах ему было бы совестно даже и подумать.

Существует разряд поступков, некоторые приемы действия, вполне основательно признаваемые недостойными порядочного человека. Обман, коварство, подделка под чужую личность, засада, выжидание своей жертвы из-за угла, нападение на нее сзади, преследование одного многими, слабейшего сильным, добывание лежачего, эксплуатация в свою пользу безвыходного положения живого существа, его голода, влюбленности, родительской любви, насильственное отнятие детей у родителей и родителей у детей, приманка своей жертвы к верной гибели под видом благодеяния – все это поступки мерзкие и подлые сами по себе, независимо от того, по отношению к кому они совершаются. А между тем, по какой-то поразительной несостоятельности, все эти отвратительные и преступные деяния и еще многие другие, по достоинству подобны им, беззастенчиво на виду у всех совершаются на охоте с безответными тварями теми самыми людьми, которые не подали бы руки своему знакомому, если бы знали, что он сделал что-либо подобное с человеком. Как будто людям так невыносимо тягостно вести себя среди себе подобных, что они отправляются в леса и поля, разыскивая таких животных, над которыми они могли бы беспрепятственно выместить

свое стеснение и отдать полную волю самым низким и зверским своим наклонностям.

Распороть кинжалом брюхо, раздробить об пень мозг, рвать на части и т. п., все это – самые обыкновенные и даже нужные поступки на охоте. Но ведь всякому человеку естественно жалеть животных и больно видеть их страдания. Почему же тем же самым людям, как скоро они на охоте, не только не жалко, но и не совестно обманывать, преследовать, гнать, травить и всячески мучить и истязать животных? Всякий человек совершает на охоте такие поступки, за которые избрал или избил бы уличного мальчишку, если бы застал его на совершении их над животными, не признаваемыми дичью.

Пусть всякий охотник вдумается в свое поведение по отношению тех существ, по которым он охотится; пусть он на минуту перенесется в их положение, и он принужден будет признать, что это так.

Сострадание предоставляет одно из самых драгоценных свойств человеческой души. Жалея страдающее существо, человек забывает себя и переносится в его положение. Этим он освобождается от ограниченности своей отдельной личности и получает возможность чувствовать единство своей жизни с жизнью других существ, представляющейся ему без страдания непонятной и чуждой, совершенно отдельной, не имеющей с его жизнью ничего общего. Упражняя и развивая эту способность, человек приближается к слиянию с той внеличной жизнью, которая поднимает на высшую ступень его сознание и дает ему наибольшее доступное ему благо. Таким образом, сострадание, содействуя для других существ облегчению их страданий, вместе с тем приносит еще больше пользы тому, в ком оно зарождается.

Жалость – одно и то же чувство, будь оно вызвано страданиями человека или мухи. Как в том, так и в другом случае человек, отдаваясь жалости, выступает из своей личности и увеличивает объем и содержание своей жизни. И поэтому человек

должен особенно дорожить всяким проявлением в себе жалости, к какому бы существу она ни была вызвана, при первом малейшем проблеске жалости, хотя бы вызванном самым, по-видимому, ничтожным поводом, следует дать ход этому чувству, не заглушая его. Человек, понимающий значение жалости, не станет опасаться того, что проявление ее могут показаться людям смешными. Что ему за дело до того, что, вынеся на двор и выпустив из мышеловки пойманную мышь, вместо того, чтобы ее убить, он вызвал насмешки или неодобрение окружающих его людей, когда он знает, что этим он не только спас от смерти существо, не менее его дорожащее жизнью, но, дав свободный ход чувству сострадания, приблизился на шаг к той высшей жизни всеобъемлющей любви, которая не вмещаясь ни в каких условных границах, освобождает его от смерти и сливается с источником жизни.

Всякий охотник поступает как раз наоборот: он не раз и не два, а постоянно заглушает в себе это драгоценное чувство жалости в самом его зародыше. Едва ли найдется между охотниками такой, который ни разу не испытал бы хотя бы намек на чувство жалости к какой-либо из своих жертв. Но всякий охотник всегда спешит заглушить это чувство, считая его стыдным. И вот, топчется первый, едва еще успевший пробиться росток сострадания, жалости, из которого вырастает высшее и радостнейшее чувство любви. В этом-то постепенном, душевном самоубийстве и заключается главный вред охоты.

Да, с какой стороны ни смотреть на нее, охота – дело бессмысленное, жестокое и губительное для нравственного чувства человека. А потому и неудивительно, что, помимо злых отношений к самим животным, охотники еще и в общении между собой большей частью проявляют самые неприглядные стороны своего характера. Самодовольство, самолюбие, тщеславие, ухарство, хвастовство, вранье, зависть, злорадность – все эти и подобные качества постоянно проявляются у охотников, смотря

по их воспитанию, в более и менее грубой и откровенной форме. С этим, я уверен, согласится всякий охотник, сколько-нибудь беспристрастно приглядевшийся и к своему собственному настроению на охоте, и к отношениям его товарищей между собой.

Известная картина Перова “Охотники” прекрасно изображает одну сторону этих отношений. Во время завтрака в поле, человек почтенных лет, очевидно рассказывающая какое-нибудь свое охотничье похождение, заврался. Молодой его товарищ, по-видимому, так еще наивен, что не решается усомниться в правдивости почтенного рассказчика. Зато третий слушатель чешет себе затылок с таким явным выражением недоверия, которое исключает возможность малейшего уважения к седому вруну.

Все это так постоянно и бывает.

Вспоминаю другую небольшую картину. Затравили лисицу у самой норы, до которой несчастной оставалось только два скачка. Остервенелые собаки, ухватившись одна за ее горло, другая за зад, рвут ее в разные стороны. Она, разинувши пасть, задыхается от страдания и ужаса. Подскакавшие охотники зверски наслаждаются. Один уже соскочил с лошади и подбегает к лисице, крепко сжимая аrapник, которым будет ее добивать. Другой, старик, на всем скаку осаживая лошадь, с животной кровожадной радостью впился глазами в страдающее животное. С разных сторон, к этому же месту мчатся другие охотники.

Автор картины без всякой, по-видимому, задней мысли, просто изобразил один

из самых обыкновенных эпизодов охоты в наездку. Но зрителю, не охотнику, глядя на эту омерзительную сцену, решительно невольно представляется вопрос: кто из действующих лиц наиболее скотоподобен, раззадоренные ли и освирепевшие псы, или озверевшие их хозяева.

Нет надобности, я думаю, доказывать скверное воспитательное значение охоты и вредное влияние, которое производит та благовидная обстановка, тот ложный ореол благородства и даже геройства, в который в наше время облечены самые бесчеловечные роды деятельности и в том числе охота. Когда ребенок или юноша видит, какое серьезное значение взрослые придают такой пустой потехе, как охота, видит, с каким вниманием и торжественностью обставляются все мелочи, относящиеся до этой забавы, и, главное, видит, с каким нескрываемым наслаждением уважаемые им люди занимаются причинением страданий беззащитным существам, то трудно ожидать, чтобы у такого ребенка или юноши правильно складывались понятия о добре и зле, о том, что важно, что ничтожно, что действительно достойно уважения и подражания, и что, наоборот, заслуживает осуждения и презрения. Поистине жутко становится за подрастающее поколение, когда подумаешь о той атмосфере узаконенного зла и одобряемых пороков, которой ему приходится дышать в то самое время, когда для его правильного душевного роста нужнее всего чистый воздух добра и правды.

Почему охота неправильна

Том Риган

Не всю охоту следует считать неправильной. Если бешеные лисицы покусали детей и есть предположение, что эти нападения могут повториться, то угроза со стороны этих животных перевесит аргументы защитников прав животных. Но, не считая тех случаев, когда мы защищаем себя, вся остальная деятельность в отношении животных, будь это ради коммерции или “спорта”, рассматривается теорией прав животных как очень негативная. Согласно этой теории стандартные оправдания “спортсменов” или охотников – тренировка, получение удовольствия от общения с природой, от общения с друзьями, от меткого выстрела – совершенно “хромые”. Все эти удовольствия можно получить и не прибегая к убийству (гуляя по лесу с камерой и друзьями), и удовольствия, которые могут получить охотники, оказываются “сильнее” прав животных лишь тогда, когда они рассматриваются как всего лишь средства для достижения целей, что с точки зрения теории прав животных, недопустимо.

Оправдание традицией – например, в английской охоте на лис – имеет не больше силы, чем любое другое оправдание неправильного обращения с животными – или людьми. Как раз традиционные взгляды и рассматривают животных как средства. Эти призывы к традиции, другими словами, сами являются симптомами недостаточной оценки ценности животных и поэтому не могут играть законной роли в оправдании практики, которая вредит им. Такие призывы не действительны в Англии, когда на них указывают “спортсмены” лисьей охоты, в Японии и России при коммерческой охоте на китов, или в Канаде для оправда-

ния убийства котиков. Позволять подобной практике осуществляться без явных ограничений неправильно по причинам, которые мы изложим ниже.

Конечно те, кто охотится, иногда имеют другие оправдания. Они говорят, что делают это не ради удовольствия, а ради самих животных, которые в случае бесконтрольного размножения нанесут вред своей среде и самим себе. Многие из них просто умрут с голоду, так как они не выдержат конкуренции со стороны других животных в этой среде обитания. Поэтому отлов или убийство определенного числа этих животных – человечно и нацелено на спасение их от голода. Как теория прав, или любая другая теория, небезразличная к благу животных может ответить на это?

Во-первых, утверждение о том, что смерть от рук охотников всегда вызывает меньше страданий, чем от голода, совершенно не верно. Не все охотники являются снайперами, и не все ловушки устраиваются с учетом человечности к животным, к примеру, недобро известный капкан. Так какая смерть будет “лучшей”; медленная агония – результат плохого выстрела или погибание от голода? Если мы не найдем контрдоводов, то сторонники охоты и капканов будут оставаться в силе.

Второе. Призыв к “человеческой заботе” драматически не стыкуется с дикой жизнью. Эта философия или кредо максимума оправданной добычи применяется к охоте или отлову следующим образом. Те, кто охотится или отлавливает животных, имеют право за определенный сезон убить или поймать определенное количество представителей разных видов, квота же определяется прогнозами насчет допустимого количества убитых зверей в следующем сезоне. Таким образом, максимум оправданной добычи установлен. Если эта философия применяется последовательно,

Опубликовано: Regan T. The case for animal rights. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1983, p. 353-359. Сокращ. перевод Киевского эколого-культурного центра

то охотникам и трапперам будет позволено это делать в будущих сезонах точно так, как это позволялось в прошлых – а именно, убивать определенную квоту животных. Если на отлов и охоту будут наложены ограничения (в определенный сезон), то в будущем общее число животных, которых можно будет “списать” увеличится, т. е., будущее поколение охотников получит возможность убить большее количество животных, что является положительным моментом. Такое значение максимума оправданной добычи разоблачает риторику относительно “человечности” к животным. Поистине извращенным должен быть идеал человечности, что бы допустить деятельность, явной целью которой является убийство большего количества животных! С такими “человечными друзьями” дикие животные, конечно же, не нуждаются во врагах.

То же самое можно сказать и в отношении общей суммы страданий, которое животные будут претерпевать, если кредо максимума оправданной добычи будет успешным. Если оно будет успешным, то общее число животных, которые умрут мучительной смертью от неудачного выстрела или капкана плюс те, что умрут естественной смертью, будет большим, чем при принятии других вариантов. Поэтому, лицемерным будет при оправдании спортивной охоты и отлова указывать на человеческую сторону этой деятельности. Действия, допускаемые философией максимума оправданной добычи, все же говорят громче, чем возвышенные речи в их защиту. Успехами этой философии должна быть гарантия того, что больше, а не меньше животных будет убито и больше животных умрет ужасной смертью, либо от рук людей, либо природным способом.

Но эта непоследовательность между тем, что эта философия объявляет и тем, что имеется в виду на самом деле, не является единственным отрицательным моментом. Этот подход к принятию решений, касающихся управления дикой жизнью, явно не допускает признания или уважения прав зверей. Ни один подход к дикой жизни не

может быть морально допустимым, если он способствует принятию решений на основе суммированного вреда и пользы. В особенности эти решения нельзя принимать, призывая к принципу максимального вреда. Этот принцип устанавливает перед нами то, что кажется похвальной целью – а именно, уменьшение общего объема вреда и страдания. Но этот принцип не может определить, как эта похвальная цель может быть достигнута; он не может оценить средства, используемые для достижения этой цели. Если права индивидуалов нарушаются, то с этим просто не следует считаться морально, так как, принимая во внимание принцип минимального вреда, нарушение этих прав будет способствовать достижению цели минимализации общего вреда. Теория прав категорически отрицает уместность этого подхода к принятию решений. Политика, которая направлена на уменьшение общего объема вреда за счет нарушения прав индивидуалов, независимо от того, они люди или животные, является неправильной. Даже если бы философия максимума обоснованной добычи и приводила к уменьшению общего количества смертей и страданий, все равно нам не следовало бы принимать эту философию. Точно так же, как она систематически игнорирует права животных, она их систематически нарушает.

Теория прав категорически осуждает спортивную охоту и отлов животных. Хотя не всегда люди, которые принимают в этом участие, жестоки и злы, то, что они делают – неправильно. Оно неправильно потому, что при этом с животными обращаются так, как будто они легко возобновляемый ресурс, ценность которого может быть оценена людскими оздоровительными, вкусовыми, эстетическими, социальными и другими интересами. Животные действительно восстанавливают свою популяцию. Обычно им не требуется людская помощь для воспроизводства, как это не требуется, к примеру, деревьям; но животные не являются природными ресурсами здесь для нас. У них есть ценность, не зависящая от людских

интересов, и их ценность не может быть низведена для полезности людей. Охота и отлов животных будет неправильной действительностью, так как при этом с животными не обращаются с должным уважением, как это подразумевается строгой справедливостью.

Но даже помимо призыва к “человеческой заботе” о дикой жизни, защитники охоты и отлова имеют на вооружении заявление о том, что они не поступают вразрез с природным ходом вещей. Животные с жестокостью, которая заставляет трепетать даже самые твердые сердца, убивает других животных, как представителей других видов, так и своих сородичей. Защитники охоты утверждают, что если теория прав выступает против жестокости со стороны людей, то она должна это делать и в отношении животных.

Теория прав отвергает это заявление. Животные не являются моральными посредниками, и поэтому у них нет обязанностей посредников, включая уважение к правам других животных. Волки, поедающие карibu, не делают ничего морально неправильного, хотя вред, наносимый ими, достаточно реален. Поэтому, по теории прав, главной задачей управления дикой жизнью должно быть не обеспечение максимума обоснованной добычи; должно защищать животных от попыток нарушения их прав от охотников и трапперов, промышленников, уничтожающих их природную среду ради экономических интересов и т. д. В общем, следить нужно не за “уловом” животных, а за злоупотреблениями человека. Целью управления дикой жизнью должна быть защита прав животных, обеспечение им возможности жить своей жизнью и обезопасить от людского вмешательства, которое часто прикрывается именем “спорт”. Мы должны это делать не ради наших добрых сердец, не из-за того, что мы против жестокости, но из-за уважения к их правам. Если нам скажут, что уважение прав животных в том виде, в каком этот

требует теория прав, не гарантирует уменьшение общего объема страданий животных, мы ответим, что это не должно быть главной целью управления дикой жизнью, если мы решили всерьез воспринимать права животных. Общий объем страданий животных не является заботой морального управления дикой жизнью. Управляющие дикой жизнью не бухгалтеры и не ответственные за счастье в природе, они должны быть принципиально озабочены тем, чтобы животные жили без вмешательства со стороны, чтобы эти “другие народы” могли сами распоряжаться своей судьбой.

Когда мы переходим от спорта к коммерческим экспериментам, моральная сцена остается той же самой, лишь количество убитых животных увеличивается. Теория прав осуждает промысел животных. Даже если те, кто существует за счет такого промысла, останутся без работы, это не должно быть причиной его существования. Как и в любом бизнесе, каждый, кто начинает им заниматься, должен понимать, что его бизнес может провалиться. Мы не обязаны покупать их продукты, и у них нет права требовать, чтобы мы заботились о процветании их бизнеса. Указание таких “бизнесменов” на то, что уровень их жизни зависит от числа убитых животных, такое же неубедительное, как и аргументы домашнего животноводства, также занимающегося убийством животных. Более того, так как эти “бизнесмены” имеют подобно всем нам такие же права делать все, чтобы поддерживать свой уровень, то они превышают это право, когда они нарушают права других. И коммерческая эксплуатация делает это – с какой-то ожесточенностью. Животные в природе воспринимаются как возобновляющиеся ресурсы, так, как будто их ценность имеет отношение лишь к экономическим интересам тех, кто жиреет на их тушах. Теория прав категорически осуждает коммерческий отлов и охоту. Справедливость осуществиться лишь тогда, когда мы прекратим эту коммерцию.

Элита снова взялась за ружье

А. Костюков

По пятницам в VIP-зал аэропорта “Шереметьево” наплывает диковинно одетый народец. В мир кашемировых пальто, бутиковых костюмов и тонкого парфюма вторгаются простецкие робы, по виду – из брезента, грубые негнущиеся штаны, резиновые бахилы до колен, запахи дыма и болотной тины. Вслед за робами и бахилами прибывают кофры, чехлы, саквояжи и коробки, чудной народец группируется в стайки по 4–5 особей и начинает возбужденно галдеть, пока не появится стюардесса и не начнет их выводить стайка за стайкой к подрулившему борту.

Это охотники. Обычное у них дело: взять на уикенд чартер и выскочить куда-нибудь в Зимбабве. А если за буйволом, то лучше в Замбию. Из недалних мест хороша Гренландия. Гренландский овцебык – самый модный в этом сезоне трофей. Да много еще чего можно подстрелить на нашей планете – были бы только страсть, ружье и американские деньги.

Судя по пятничной публике, собирающейся в VIP-залах, в России начался охотничий ренессанс. Оживает, возрождается главная господская забава, вытесненная было из великосветского обихода легкомысленными зарубежными увлечениями вроде тенниса и гольфа или простонародными удовольствиями типа бани. Охота – вот настоящее занятие для релаксирующей русской знати. Веселящий запах пороха, пота и свежей крови – лучший бальзам на ее неспокойную душу.

Так было искони, и грешно ломать отеческий обычай. Даже вожди пролетарской революции, начиная с Ульянова-Ленина и Бронштейна-Троцкого – и те любили побродить с дробовиками по камышам. Про сталинских наркомов и говорить нечего –

эти стреляли куда ни попадя. Знатные охотники были Никита Сергеевич и Леонид Ильич, про их умение легенды сложены. А с началом демократии все как-то разладилось. Горбачев – совсем не стрелок, а Борис Николаевич хоть и был обучен, и великолепных иностранных ружей ему надарили не меньше десятка, а в знатные охотники не вышел. Одна из его охот (дело было в казахстанском урочище Боровое) едва не стоила егерю жизни, а Нурсултану Назарбаеву – инфаркта.

На время реформ во власть набились “завлабы”, которые не то, что винчестера – финки в руках не держали. Однажды Бориса Немцова привезли в “Завидово” и заставили стрельнуть по кабану. Немцов стрельнул и даже попал, но вместо восторга испытал тошноту и больше к оружию не прикасался. В это смутное время аристократическая традиция поддерживалась стараниями редких энтузиастов, первыми среди которых были Виктор Черномырдин и его земляк и заместитель Александр Заверюха. Благодаря этим ветеранам остался еще порох в пороховницах.

Владимир Путин к охоте равнодушен. У него даже ружья нет, только табельный ПМ. Это, конечно, не способствует массовости охотничьего спорта, но, с другой стороны, теперь у нас стабилизация, бесстрастное, вялое время, и остальные чувства, играющие в крови настойчивее, чем когда-либо, распирают аорту, требуют выхода. А что же лучше, чем нарезную “Беретту” на плечо, да в Африку на леопарда?

И вот мало-помалу снова стали втягиваться в азартную мужскую игру высшие российские сословия. Среди прорезиненной и подпоясанной патронташем публики встретишь то важного чиновника, то олигарха. Бывает, что в одной стайке. Приглядишься, а это Ястржембский Сергей, помощник нашего президента. А вон другой

Сергей – Приходько, заместитель шефа кремлевской администрации. Знатные охотники. Ястржембский – один из лучших в стране “африканцев”, бравший и льва, и слона, и тигра, и носорога, и много чего по мелочи. Евгений Наздратенко заведует рыболовством, но ходить предпочитает тоже на слонов. Где-то в другой стайке должен быть министр печати Михаил Лесин, а может и вице-премьер Алексей Гордеев, большой охотник до кабанов и пернатой дичи. Премьер-министр Михаил Касьянов тоже стрелок – дай бог каждому, но он ввиду важности чина стеснен в передвижении и чаще всего отводит душу в недалеком охотхозяйстве за Малоярославцем или в кубанских плавнях.

Бизнес представлен в охотничьей элите не менее густо. В “Альфа-групп” к стрельбе пристрастилась вся “головка”: и Петр Авен, и Михаил Фридман, и Герман Хан. Хозяин “СУАЛа” Виктор Вексельберг тоже подвержен в сильной степени. Фанат из фанатов – глава Новолипецкого металлургического комбината Владимир Лисин, по совместительству руководящий стрелковым союзом России. Сергей Лисовский, бывший воротила шоу-бизнеса, увлекшийся теперь куроводством, известен тем, что выстроил в своей подмосковной усадьбе так называемый трофейный дом – спецхранилище для охотничьих трофеев. Из медиабизнеса в этом созвездии стрельцов свой человек – главный редактор “МК” Павел Гусев. Меткий главред заодно с газетой возглавляет, кстати, столичный охотничий клуб “Сафари”.

Клубная жизнь охотников – это отдельная сага. Что там клубится, известно только тем, кто туда допущен. Любители свежей дичи, тем более крупной, отделены в отдельный мирок, это каста, проникнуть в которую не легче, чем в масонскую ложу. Как и в дореформенные времена, членство в той или иной охотничьей компании является индикатором социального статуса

стрелка – более надежным, чем положение в светской табели о рангах. Очевидно, допущенность в этот кружок добавляет его члену дополнительные очки. А это, скорее всего, мотивируется особенностью охоты как развлечения.

Моральный облик охотника довольно-таки сомнителен. Не случайно на западе политическому деятелю легче сознаться в “голубизне”, чем в склонности к убийству безоружных животных. Тамошний электорат мыслит прямо по Вознесенскому: кому, мол, нынче хочется зайчатины, того завтра потянет на человечину. Охота, пишут там в газетах, – это “развлечение для садистов”. У нас с этим проще, однако, афишировать страсть к стрельбе по живым мишеням российская знать тоже не любит. Видимо, и наш охотник в глубине души осознает греховность своей страсти и старается отгородить этот островок своей жизни от посторонних. То же чувство влечет его к себе подобным, и нет союзов крепче, нежели союз, основанный на сознании общего греха.

Из этого следует, что и во всех прочих отношениях охотничье братство превосходит компании, складывающиеся, к примеру, на основе любви к теннису или к бане. И если у нашей элиты принято решать крупные государственные вопросы на корте или в парной, то договоренности, заключаемые на охоте, у костра, источающего аромат поджариваемой свежатины, под острым кайфом от только что совершенного душегубства, должны отличаться особой крепостью. Повернется ли у министра отказать банкиру, с которым они целую ночь, холодея от страха, стерегли леопарда? А посмеет ли банкир не отблагодарить министра, который лично вытаскивал для него из болота подстреленную крякву? Выходит, что с возрождением высокой охоты в отечестве реанимируется нечто большее, чем господская блажь. Возрождается целый государственный институт, по петровской терминологии – Охотничий приказ.

Нужели убивать так приятно?

Бернгард Гржимек

Я никогда не мог понять, какое удовольствие доставляет некоторым людям застрелить животное? И почему бы таким жаждущим убийства субъектам не подвизаться где-нибудь на бойне – ведь человечество питается в основном говядиной и свиной колбасой, так что там это приносило бы хоть пользу.

При этом я не оспариваю того факта, что именно благодаря европейским охотникам удалось сохранить отдельные виды животных от полного истребления. Так, в ФРГ давно бы уже не существовало благородных оленей или косуль, если бы охотники не хотели сохранить для себя такое развлечение, как время от времени в них пострелять. Они содержат косуль в собственных поместьях, организуют для них зимнюю подкормку и взирают на них с гордостью и любовью, точно так же, как крестьянин на своих коров... Сама стрельба при этом отходит все дальше на задний план, она становится как бы неизбежным этапом охотничьего хозяйства – как для скотоводства забой скота. Кроме того, должен заметить, что, например, немецкие охотники все больше склоняются к разведению дичи и охране природы. Они уже прекратили отстрел каждого хищного животного только за то, что оно тоже охотится, а потому является как бы конкурентом. Теперь, наоборот, стараются охранять хищных птиц, даже завозить из других стран филинов и воронов. Все больше охотников выступает за то, чтобы в Европе тот или иной район объявить заповедным и полностью прекратить в нем всякую охоту.

Однако далеко не все охотники столь стговорчивы. Так, три года тому назад один африканский принц свел на нет всю нашу работу с бегемотами: внезапно, без всякой на то надобности, он застрелил самого

крупного и красивого самца. А мой родственник из Вены, недавно вернувшийся после сафари в Восточной Африке, гордо демонстрировал мне цветное фото, на котором запечатлел застреленную им самку бегемота. Я спросил его, почему бы ему не заняться стрельбой по молочным коровам прямо здесь, на лугах Австрии, чтобы не ездить так далеко. Ведь по бегемотам стрелять ничуть не сложнее и не опасней, чем по домашним коровам. С берега к ним можно подойти на достаточно близкое расстояние, и если они даже скроются под водой, то известно, что через какие-нибудь пять минут вынуждены будут снова вынырнуть, чтобы набрать в легкие воздуха. Кроме того, семейство бегемотов “владеет”, как правило, очень небольшим отрезком реки и не может ударить вверх или вниз по течению, потому что там находятся владения других семейств бегемотов, через которые их просто не пропустят.

Другие, с позволения сказать, “охотники” пробавлялись тем, что устраивали массовые стрельбища по слонам, причем убивали столько, что целыми вагонами отгружали слоновую кость, выручая неплохие денюжки. Какой же пошлягиной веет от “произведений” подобных типов, когда эти стервятники “воспевают” в них диких животных, а себя стараются показать в роли настоящих героев, редких храбрецов. При этом порой можно прочесть о чудовищных фактах, которые описывает, например, в своей книге некий Гордон Камминг:

“31 августа я встретил самого высокого и красивого слона, которого мне когда-либо приходилось видеть. Я остановился, выстрелил ему в плечо, и этот единственный выстрел дал мне полную власть над сильным и огромным животным. Пуля попала ему прямо под лопатку и парализовала на месте. Я решил некоторое время полюбоваться этим статным животным, прежде чем прикончить его. Я чувствовал себя в

Отрывки из книги: Гржимек Б. Для диких животных места нет. М.: Мысль, 1978. С. 51-62.

эти мгновения господином этих безграничных лесов, позволяющих человеку вести ни с чем не сравнимую по благородству и привлекательности охоту. Полюбовавшись некоторое время этим прекрасным экземпляром, я решил провести некоторые опыты, в частности выявить наиболее уязвимые места у таких животных. Итак, я приблизился к раненому слону и с близкого расстояния всадил ему несколько пуль в различные части его огромного черепа. При каждом новом выстреле он, словно кланяясь, низко опускал свою голову, а затем хоботом очень осторожно и нежно притрагивался к очередной ране. Я был страшно удивлен и искренне растроган тем, что это благородное животное с таким самообладанием переносит свои мучения и столь покорно идет навстречу неминуемой гибели. Поэтому я решил покончить с этим делом как можно скорей. Я открыл огонь по нему, целясь в наиболее уязвимое, на мой взгляд, место: я всадил ему из моей двустволки шесть зарядов под ключицу, которые неминуемо должны были оказаться смертельными, но они поначалу не произвели должного эффекта. Тогда я еще три раза выстрелил по тому же самому месту из своего тяжелого голландского ружья. Я заметил, что из глаз слона покатались крупные слезы; он их медленно открыл, посмотрел на меня и закрыл снова. По всему его огромному телу прокатилась волна судорог, гигант задрожал, повалился набок и... скончался”.

Я придерживаюсь мнения, что, возможно, профессию мясника на бойне упразднить невозможно, однако нельзя и допускать, чтобы подобного рода люди брали на себя смелость облагораживать и воспевать свою деятельность!

“Из года в год в Африку начинают наезжать все большие орды охотников на крупных животных, – пишет автор книги об Африке Александр Лейк. – Отдельные из них действительно мастера спортивной охоты. Другие же просто обуреваемы необузданной страстью стрелять, стрелять во что попало. Они палят во все, что только попадает им на мушку: в павианов, анти-

лоп, зебр, жирафов, львов, страусов – во все. За ними тянется длинный кровавый след по всей степи от бесчисленного множества раненых и изувеченных животных...”

“Я знаю отдельных профессиональных охотников, – пишет Александр Лейк, – которые наотрез отказываются провожать таких вот приезжих “воскресных охотников” (т. е. приехавших на один-два дня поохотиться на крупную дичь). Зато они охотно работают с ловцами животных для зоопарков и людьми, занимающимися “охотой” с кино- и фотокамерой. Люди подобного толка отлично знают животных и в своем увлечении фотоохотой зачастую подвергают себя такой опасности, от которой пресловутый “храбрый” убийца животных сразу превратился бы в комок нервов с трясущими коленками... Вот и я предпочитаю работать с фотоохотниками, а не с этими воскресными визитерами, хотя бы из-за одной их лихости и бесстрашия. С тех пор как мне пришлось, например, поработать вместе с кинооператором Бобшликом, я сам стал совершенно другим человеком. И тем не менее у меня за время работы с ним не было ни одного сколько-нибудь серьезного несчастного случая. Мне даже начинает казаться, что господь особенно милостив к фотоохотникам...”

Поскольку я сам сейчас достаточно часто бываю в Африке и вижу все своими глазами, мне было бы стыдно причислять себя к “исследователям Африки” и каким бы то ни было образом ставить свое имя рядом с именами заслуженно знаменитых первооткрывателей и путешественников прошлого столетия. Вот они действительно в отличие от нас, современников, совершали настоящий подвиг, когда с риском для жизни в течение нескольких лет преодолевали огромные расстояния, которые мы теперь покрываем за пару недель.

Точно так же обстоит дело и с пресловутыми “охотниками на крупных животных”. Современное оружие практически не оставляет животным никаких шансов на спасение, если только охотник не полный

идиот или просто пьян. Но еще важнее то, что в прежние времена любое ранение, нанесенное человеку нападшим на него животным, да и всякое, пусть незначительное, дорожное происшествие, само по себе совершенно безобидное, могло привести к опасным для жизни последствиям из-за внесенной инфекции и заражения крови. Ведь проходили дни и недели, пока носильщикам удавалось донести пострадавшего до места, где ему могли оказать настоящую врачебную помощь.

Сегодня в таких случаях люди сами тут же на месте происшествия вводят себе антибиотик или садятся в машину, на которой за несколько часов добираются до больницы, оснащенной всеми современными медицинскими средствами. Именно наличие автомобилей, самолетов и вертолетов спасло жизнь уже не одному человеку, попавшему в беду прямо посреди буша.

Зная это, многие люди взяли моду прилетать на пару оставшихся от отпуска дней в Восточную Африку, чтобы поскорее пристрелить слона или льва. Это дает возможность похвастаться перед своими друзьями фотографиями, на которых такой “храбрый мужчина” запечатлен рядом со своей жертвой – мертвым слоном. А к тому же можно заодно повесить у себя дома на стенку, например, красивые рога антилопы в качестве “трофея”. Для такой охоты не требуется ни охотничьего билета (как это необходимо у себя дома, на родине), ни какого-либо особого охотничьего искусства, ни отваги, а нужны только деньги. Одни только деньги. Даже времени на это не надо.

В бывшей британской колонии Кении, например, за тысячу марок можно было купить себе “большую охотничью лицензию”, став обладателем которой человек получал право застрелить трех буйволов, шестерых бушбоков, одного бонго, шестерых дукеров, шестерых антилоп дикдиков, одну антилопу канну, одну газель Гранта, двух геренуков, одного бегемота, трех гну, одного бубала Хантера, четырех антилоп импала, двух малых куду и одного большого, одного льва, девять газелей Томсона,

четырёх зебр, из них одну особенно красивую зебру Греви, и на этом список далеко еще не кончается. Что же касается шакалов, гиеновых собак, бородавочников, павианов и крокодилов, то, имея подобное удостоверение, их можно было убивать без всякого ограничения... За удовольствие же умертвить слона нужно было доплачивать еще 1500 марок, зато за носорога – только 300. А вот в соседней колонии Танганьике за слона брали всего 600 марок, а за носорога – 200. Дешевка!

Притом для такой охоты вовсе не нужно, обливаясь потом, рыскать в поисках добычи по бушу. Делается это все значительно проще. В Найроби, столице Кении, идешь в контору, заказываешь у подрядчика сафари – и ты всем обеспечен: и ежедневной горячей ванной в палаточном городке прямо посреди степи, и охлажденными напитками, и вкусной кухней, и... дикими животными, которых вам подгонят на необходимое расстояние под выстрел, чтобы вы их могли с полным комфортом и не подвергая себя опасности застрелить.

Отзывы гостей – самые похвальные. Вот один из них: “Ужин подают на стол, накрытый белоснежной скатертью. Африканцы в длинных белых одеяниях молча нас обслуживают. Бокал шампанского приятно взбадривает, а над нами изумительное звездное небо, на котором светится Южный Крест...”

Правда, купить разрешение на охоту и заказать сафари – еще недостаточно. Чтобы отправиться в путь, необходимо ангажировать находящегося на государственной службе “профессионального охотника”. Он отвечает перед правительством за то, чтобы у богатого, приносящего доход государству гостя ни один волос не упал с головы... В противном случае такой профессионал потеряет допуск к подобной работе.

Многим профессионалам осточертела возня с приезжими хвастунами, и они постарались найти себе другое занятие в жизни. Из их рассказов и книг мы узнали, как на самом деле происходят такие, с позволения сказать, “охотничьи подвиги” заско-

чивших на пару дней в Африку богатых дельцов.

“Цельтесь прямо в листочек: видите листочек, прямо позади ключицы. Не задирайте ствол ружья слишком высоко!” (“Все ему приходится разжевывать и класть прямо в рот. Расстояние не превышает двадцати метров. Детская игра этот выстрел.”) “Теперь стреляйте! Стреляйте же!” (“Боже праведный, вот мазила!”) Пыль поднимается столбом перед самой мордой носорога, он мгновенно разворачивается – весь буш поворачивается кругом вместе с ним – сейчас он исчезнет в кустарнике; тогда я поднимаю ружье и опустошаю оба ствола. “Изумительно! Я уверен, что вы в него попали. Он от нас никуда не уйдет!” – бросаю я гостю ободряющий взгляд.

Но все это ложь, сплошной обман. Только и видели бы мы этого носорога, не пальни я дважды в него, пока он разворачивался. Но что поделаться! У наших гостей времени всегда в обрез – четырнадцать дней, в лучшем случае три недели, а успеть они хотят за это время столько, что в обычных условиях на это потребовалось бы полгода. Сегодня ведь все превратилось в рекламу, бизнес и пропаганду, даже высокое искусство настоящей охоты”.

Недавно один мой знакомый вернулся из своей первой поездки по Африке в качестве “охотника на крупных животных”. Снаряжался он в Найроби и затем охотился в Восточной Африке, где застрелил слона, двух носорогов, трех кафрских буйволов и “довольно большое число антилоп”. Этот фабрикант, в общем-то весьма порядочный и приличный охотник, даже любитель животных, хвалил весьма удачное регулирование охотничьего дела, введенное еще английской колониальной администрацией. Так, туристам разрешается (по весьма дорогостоящим лицензиям) отстреливать ровно столько животных, сколько и без того следовало изъять, чтобы численность их не превышала допустимой нормы.

Относительно удачное ведение охотничьего дела в этих бывших британских колониях – ныне самостоятельных государ-

ствах Восточной Африки – общеизвестно. Может, это даже следует признать наилучшей формой подобной деятельности во всей Африке. Ведь и теперь тщеславие и желание чем-то выделиться, так часто возникающие у богатых людей, используют с целью выманить у них побольше денег. Им предоставляют возможность почувствовать себя “храбрыми охотниками в диком, дремучем буше”, где их подстраховывают опытными профессиональными охотниками, чтобы с ними ничего не могло случиться, и следят за чтобы они вели себя подобающим охотнику образом.

Так умное охотничье управление извлекает свою выгоду из тщеславия отдельных снобов, их желания покрасоваться перед своими соотечественниками, получая таким образом возможность охранять основные запасы своей дикой фауны, содержа на эти доходы служащих национальных парков. Ведь и коммунистические восточные государства, в большинстве случаев очень хорошо организованным охотничьим хозяйством, извлекают аналогичную выгоду из охотничьего честолюбия состоятельных западноевропейских туристов, приезжающих к ним поохотиться. Такой приток иностранной валюты в страну весьма выгоден и разумен. Если бы я был ответственным за диких животных Кении, я, возможно, действовал бы точно таким же образом, если бы не беспокоился о дикой фауне всей остальной Африки и вообще всего мира...

Ореол охотника на крупных животных, приобретаемый нынче за немалые деньги, прославляет его носителя за пределами Африки (или во всяком случае прославлял тогда, когда мы совершали свою первую поездку по Конго), потому что несведущие люди (а таких всегда большинство) предполагают, что на этом континенте все обстоит примерно так же, как во времена Стэнли или Ливингстона. Прочтя о похождениях таких “знаменитых охотников”, мелкие чиновники и служащие каких-нибудь африканских факторий в странах, где охотничьи законы не слишком строго соблюдаются, тоже желают испробовать себя на этом по-

прище. В ближайшее воскресенье они отправляются стрелять по антилопам.

При современном бурном росте населения Африки, безусловно, нельзя избежать того, что диким животным придется уступить двуногим существам многие из зани-

маемых ранее территорий. Но нельзя допустить, чтобы вымирание последних прекрасных животных шло на потребу и для развлечения каких-то “парвеню” и снобов, низводилось до увеселительных “воскресных прогулок” заезжих охотников.

Этическое правило верности против людительской охоты

Пол Тейлор

Это правило касается только человеческого поведения по отношению к отдельным животным, находящимся в дикой природе, которые могут быть обмануты или преданы моральными субъектами. Обязательства, налагаемые Правилom Верности, хотя и в ограниченных пределах, так часто нарушаются столькими людьми, что правило это требует отдельного изучения как один из основополагающих принципов этики уважения к природе.

Под это правило подпадают обязательства не нарушать доверия, оказываемого нам диким животным (что ясно из его поведения), не обманывать, не вводить в заблуждение никакое животное, которое может таким образом быть обмануто или введено в заблуждение, оказывать поддержку ожиданиям животного, сформировавшимся на основании предшествующих действий личности по отношению к нему, и быть верным тем намерениям, которые стали понятны животному и на которые оно положило или которым доверилось. Хотя мы не можем иметь взаимных договоренностей с дикими животными, мы можем поступать так, чтобы вызвать их доверие к нам. Основное моральное требование Правила Верности – чтобы мы не обманули этого доверия.

Самыми явными, самыми распространенными примерами нарушения этого пра-

вила являются охота, рыбная ловля, капканы. Ведь именно нарушение доверия является ключевым условием удачной охоты, особенно с ловушками и капканами, а также и рыбной ловли. Самое существенное здесь – обман с намерением нанести вред. Поэтому, несмотря на имеющиеся веские причины заниматься этими видами деятельности, они должны быть осуждены этикой уважения к природе. Эти веские моральные причины должны сами быть обоснованы по принципу беспристрастности, поскольку действия остаются злом в том смысле, что являются нарушением действующего нравственного правила. Как и все подобные нарушения, оно может быть оправдано только высшим, более важным долгом, приоритет которого над долгом верности должен быть установлен морально обоснованным приоритетным принципом.

Охотник на медведя или оленя идет по лесу как можно более неслышно и осторожно. Охотник на утку сидит в глухом шалаше, использует обманные звуки манка. В каждом из этих случаев цель – подобраться к зверю или птице на расстояние выстрела. Поведение охотника в значительной степени направлено на то, чтобы обмануть дикое существо. При приближении животного охотник замирает, затем поднимает ружье, чтобы тщательно прицелиться. Здесь ситуация ясная: во-первых, дикое животное ведет себя так, как будто оно в полной безопасности; во-вторых, охотник своими хитрыми уловками намеренно вводит его в

зablуждение, чтобы оно не ожидало опасности; и в-третьих, охотник делает все это с непосредственной целью – убить животное. Все его поведение есть сплошное предательство и обман. Животным манипулируют таким образом, чтобы оно оставалось доверчивым и ничего не подозревало. Преднамеренно держат его в неведении относительно опасности, подстерегающей его в окружающей среде, что, с точки зрения его блага, имеет для него огромную важность. Весь характер поведения охотника имеет целью воспользоваться доверием животного. Иногда его доверием пользуются в ситуациях, когда оно чувствует какую-то опасность, но инстинктивно идет на помощь раненому собрату. Охотник пользуется его знанием, чтобы предать животное. Так, когда еще охота на морских птиц была легально дозволена, охотник намеренно ранил одну птицу и оставлял ее на видном месте, чтобы подманить еще сотни птиц, слетавшихся со всех сторон и окружавших раненую подругу. Таким несложным способом охотник “пожинал урожай” в виде множества убитых птиц. По сей день такое жульничество применяется для того, чтобы обмануть птиц. Охотники на воронов воспроизводят записи вороньего крика отчаяния в поле. Звуки записи привлекают воронов, которые становятся легкой мишенью для охотника. Эта сторона охоты, следует повторить, не является какой-то аберрацией, отклонением от нормы. Самое главное удовольствие и развлечение для охотника-спортсмена – это суметь добиться доверия и неведения ничего не подозревающего животного. Чем умнее и хитрее обман – тем выше искусство охотника.

Рассмотрим теперь охоту с капканами. Они устанавливаются там, где обычно проходят “целевые” животные, и прячутся на тропе так, чтобы застать животное врасплох. Многие ловушки устроены так, чтобы заманить в них животное. Сами термины – приманка, ловушка – используемые в этом контексте, подразумевают обман доверия. Установить приманку, чтобы увлечь животное в ловушку, – значит намеренно и целе-

направленно обмануть доверие животного (не-верность). Для того чтобы дать представление о масштабах уничтожения диких животных легальной охотой с ловушками в США, приведем небольшую справку. (Ловушки обычно представляют собою стальные капканы, зажимающие одну ногу животного. Некоторые животные от боли и ужаса сами откусывают себе ногу, чтобы спастись). Следующие данные были опубликованы Департаментом охоты и рыбной ловли одного из штатов США (Аризона, 1980–1981 гг.) о количестве пушных зверей, пойманных в ловушки за один сезон: 14871 койот, 26150 серых лисиц, 2897 американских лисиц, 9696 рыжих рысей, 3289 кольцехвостых кускусов, 1127 барсуков, 839 енотов, 4063 скунса, 83 бобра. Хотя ловушки иногда ставят для пропитания или защиты урожая и домашнего скота, но в последние годы это делалось почти исключительно для получения быстрой наживы посредством продажи шкурок на пушных ярмарках.

Нарушение Правила Верности является центральным в действиях охотников; точно то же самое можно сказать и о рыбаках. Использование ими приманок, ловушек, мушек, и даже простого подергивания и пошевеливания лески – все эти несложные приемы направлены к единственной цели: привлечь внимание рыбы и поймать ее на крючок. Искусным рыбаком считается тот, кто (не говоря о “рыбацком счастье”) умеет наиболее ловко обмануть рыбу, преуспев, таким образом, в злоупотреблении ее доверием, в предательстве. Не следует упускать из виду, что *рыбы – дикие животные* в той же мере, как млекопитающие на суше или птицы в воздухе. Рыбы – дикие животные, поскольку существуют в природных экосистемах, поскольку они представляют определенный вид и являются членами животного царства (вместе с млекопитающими, птицами, рептилиями, земноводными, ракообразными, насекомыми и другими классами организмов). К рыбалке обычно относятся не так, как к охоте, – главным образом потому, что эко-

системы, к которым принадлежат рыбы, скрыты от нас под поверхностью воды. Но если вы когда-нибудь ныряли с аквалангом или с трубкой и маской, то видели, что представляет собою подводный мир. Все виды обитателей подводного мира – и животные, и растения, – живут вместе, составляя природные экосистемы точно так же, как и живые существа на поверхности Земли. Каждый вид имеет свою экологическую “нишу” и свое особое место обитания. Цепи питания, отношения хищник – добыча, особенности миграции, все прочие аспекты сложного функционирования экосистем здесь налицо в той же мере, что и в наземных экосистемах. Если бы мы, люди, наземные существа, могли, глядя на поверхность озера, или реки, или океана, иметь перед собою отчетливый и ясный образ этого подводного мира, этические аспекты рыбалки выглядели бы для нас в более правдивом свете.

Здесь не рассматривается вопрос о том, *имеют ли* животные, на которых охотятся, которых ловят, *право* не быть обманутыми. Животное обманывают, чтобы обманывающий его извлек из своего обмана выгоду, и это само по себе говорит о том, что обманщик считает животное либо не имеющим собственной, присущей ему изначальной ценности, либо полагает таковую ценность ниже своей собственной. Как бы он ни считал, это в любом случае несовместимо с этикой уважения к природе. Конечно, и охотники, и рыбаки зачастую говорят, что относятся к животным с большим уважением. (Вспомним тех, кто, поймав большую рыбу на крючок с борта своей яхты, часами борется, чтобы удержать ее на лине, не дать ей уйти, а вытащив ее, наконец, восхищаются “боевым духом” рыбы и клянутся в большом уважении к ней). Нам, однако, должно быть ясно, что во всех подобных заявлениях об уважении к животным речь идет об *оценке*, а не о *признании*. Животными любуются, их расхваливают, дают им высшую оценку за их достоинство или совершенство, – то есть те свойства, которые и делают охоту или рыбалку

таким волнующим, а иногда трудным, занятием. Оценка, однако, – это вопрос степени, до которой нечто ценно для нас благодаря своим достоинствам. Уважение ли это? Изначально присущая внутренняя ценность и соответствующее ей уважение признания должны быть как раз противоположны идее различных уровней достоинства, в зависимости от которых меняются и наши оценки животных, которые мы называем уважением к ним.

Если человек попадает в обстоятельства, когда единственным средством добывания пищи или одежды, необходимых для его выживания, служит охота или рыбалка, то эти действия могут быть морально допустимы. Оправдывающие их этические принципы коренятся в системе человеческой этики, основанной на уважении к личности плюс приоритетный принцип, согласно которому обязанность обеспечить выживание личности важнее обязанностей не навредить, не вмешиваться и не предавать, которые мы имеем по отношению к дикой природе, а не к человеку. Но если человек занимается охотой и рыбалкой для отдыха или развлечения, то его действия не могут быть оправданы на тех же основаниях.

Бывают, однако, случаи обмана животных и их доверия, которые могут быть оправданы *внутри системы* этики охраны природы. Это те случаи, когда обман и измена должны быть совершены (против воли совершающего их) как необходимый этап более обширных действий, направленных во благо животного, каковые действия являются осуществлением долга справедливого возмещения ущерба. Если обман доверия совершается как временная мера, абсолютно необходимая для облегчения страданий или во избежание серьезного зла, угрожающего животному, такая мера может потребоваться как акт справедливого возмещения ущерба. Отложив на некоторое время рассмотрение идеи справедливого возмещения ущерба в рамках этики охраны природы, приведем для лучшего понимания несколько примеров.

Предположим, медведь гризли забрел

на территорию, близкую к человеческому жилью. Во избежание неприятностей, угрожающих не только людям, но и медведю (люди ведь могут потребовать, чтобы медведь был убит), ему можно обманным путем сделать безопасный укол снотворного и, пока он спит, вывезти его обратно в дикую природу. Или, например, можно заманить в ловушку большое или покалеченное животное, чтобы доставить его в ветеринарную клинику, вылечить, и вернуть обратно на волю, когда оно полностью выздоровеет. Еще один пример, – когда мы отлавливаем несколько птиц вида, находящегося под угрозой полного исчезновения, для целей размножения в неволе. Когда птенцы подрастут, их выпускают на волю, делая таким образом все возможное для того, чтобы не дать данному виду исчезнуть с лица Земли.

Такое человеческое вторжение в естественное, свободное состояние млекопитающих или птиц нарушает и Правило Невмешательства, и Правило Верности. Но обращение с животными в данных случаях вполне соответствует отношению уважения к ним. Из них не извлекают пользу, а дают им возможность продолжать благополучное существование как свободных живых существ.

Что Правило верности абсолютно запрещает, – так это использовать ситуации, когда в животном намеренно вызывают доверие или скрывают от него опасность, в *интересах* человека и во вред этому животному. Повторим, что не требуется никакого соглашения между человеком и животным. Животное поступает тем или иным образом, не подозревая, что ситуация опасная или угрожающая, а человек это знает. Более того, человек делает все возможное, чтобы скрыть угрозу или опасность с его стороны по отношению к животному. И когда человек извлекает пользу путем такого обмана, животное просто оказывается средством достижения человеческих целей.

Совершенно очевидно, что здесь полностью отвергается уважение к природе. Охотники и рыбаки зачастую заявляют, что

они демонстрируют подлинное уважение к природе, поскольку выступают (и платят) за охрану природных территорий, возвращающих диких животных и служащих местом обитания для экологических сообществ. И это чистая правда, что многие “убежища дикой природы” – как государственные, так и частные, – не подверглись освоению благодаря именно их усилиям. Дикое животное и растения, конечно, выиграли от этого. Что, однако, теряется из поля зрения в этом споре, – так это разница между оказанием пользы другим ради выгоды для себя и оказанием пользы другим как конечной цели этого действия. Охотники и рыболовы готовы защищать только те территории, которые будут для них постоянным источником охотничьей добычи – зверя, и птицы, и рыбы. Ведь спортсмены часто настаивают на убийстве тех хищных животных, которые охотятся на “их дичь”. На Аляске, к примеру, охотники убедили правительство штата “управиться” с волками – их расстреливали с вертолетов, – для того, чтобы обеспечить высокое поголовье американского лося, любимой добычи тамошних охотников. Заявление, что охотники и рыболовы являются истинными поборниками охраны природы, выдерживает критику только в том случае, если мы проведем четкое различие между рациональным природопользованием (охрана в настоящее время для будущего потребления) и охраной, или, точнее, сохранением (запрет какого бы то ни было потребления в настоящем и будущем). И если конечной целью программ рационального природопользования и охраны природы является будущая эксплуатация дикой природы в спортивных и рекреационных целях (в частности, для охоты и рыбной ловли), то такая охрана несовместима с уважением к природе, какую бы пользу при этом она ни приносила тем или иным диким животным. Уважение к природе означает не только определенные действия, но и основания для этих действий. Действия, полезные для диких животных, сами по себе еще не выражают отношения уваже-

ния, если они не имеют определенной мотивации. Такие действия должны осуществляться во имя блага диких существ как конечной цели самой по себе, ради самих этих

существ. Такая мотивация – это как раз то, чего нет в природоохранной деятельности спортсменов.

Любительская охота с позиций экоцентризма

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Мне самому не доставляет ни малейшего удовольствия застрелить какое-нибудь животное. Но я не фанатик, я отнюдь не собираюсь навязывать свои взгляды всем остальным людям.

Бернгард Гржимек.

Ну хорошо, прошибешь ты лбом стену, что ты будешь делать в соседней камере?

Станислав Ежи Лец.

Я не охотник. Мне не доставляет удовольствия убивать животных. День открытия охоты для меня отнюдь не праздник. Охотничье ружье в своей жизни держал всего несколько раз, да и то во время рейдов по борьбе с браконьерством Дружины по охране природы Киевского университета. Никогда не занимался добычей животных и с научной целью, хотя еще несколько десятилетий назад представить себе орнитолога без ружья было так же сложно, как энтомолога без сачка и морилки. Но все же я не могу встать в ряды тех, кто призывает полностью искоренить любительскую охоту. Такой подход – чистая журналистика: поднять проблему, наделав побольше шума, а там уж как-нибудь разберутся. Я же, как профессиональный ученый, привык к трезвому и объективному анализу. И такой анализ говорит, что не все так просто в этой жизни. В очередной раз я вынужден напоминать коллегам-природоохранникам, что в мире существуют не только черная и белая краски, а огромное количество оттенков и полутонов. Да и детский максимализм не всегда уместен для взрослого дяди.

В.Е. Борейко неоднократно провозглашал себя сторонником экоцентризма, но в дискуссии об охоте он в очередной раз скачивается на чисто биоцентрическую позицию (Борейко, 2003а, 2003б и др.). Что, впрочем, неудивительно, поскольку в его последних работах всюду гуляет терминологический “кентавр” – “экобиоцентризм”. Для человека, хоть немного разбирающегося в сути проблемы, этот термин звучит так же занятно, как и “материалистический идеализм”. Да, обе эти концепции экологической этики противостоят антропоцентризму, но во многих существенных вопросах их подходы диаметрально противоположны. Логика биоцентризма – “птичку жалко”, экоцентризма – “прежде земля” (земля – в понимании Олдо Леопольда, т. е. экосистема).

Спорным является также утверждение В.Е. Борейко (2003а), что “с точки зрения экологической этики любительская охота считается неправильной”. Экологическая этика – это этика отношений человека с природными сообществами. Существуют разные ее направления, весьма различаю-

щиеся по своим подходам. Одно из таких направлений экологической этики, ее исходная форма – антропоцентризм. Далеко не всякий антропоцентрист, рассматривающий охрану природы через призму интересов человека (помните лозунг: “Для нас и потомков?”), станет отрицать охоту. Хотя выступить против нее можно и с антропоцентрических позиций. Например, утверждение, что охота является неправильной, потому что делает людей жестокими, является антропоцентричным. Здесь в качестве объекта морали рассматривается только сам человек. Можно не относить антропоцентризм к экологической этике, хотя с таким сужением объема понятия вряд ли можно согласиться, но нельзя однозначно противопоставить любительской охоте и эоцентризм, о чем пойдет речь ниже. У В.Е. Борейко (2003а) идет речь о нарушении прав животных на жизнь. Это биоцентрический подход. Об этом и надо говорить, не делая неоправданных обобщений.

Различные концепции экологической этики можно представить в виде системы концентрических кругов, различающихся объемом моральной ответственности человека (см. например, Горке, 2002). Антропоцентризм в качестве объекта морали рассматривает только самого человека, патозентризм (от греч. “патос” – болезнь, страдание) расширяет круг моральной ответственности и на высших животных, которые могут чувствовать и страдать, биоцентризм – на все живые существа. Наконец, эоцентризм (другие названия – холизм, физиоцентризм) как объекты моральной ответственности рассматривает и системные целостности надорганизменного уровня – популяции, виды, экосистемы, круг моральной ответственности наибольший.

Субъектом морали, отвечающим за все, во всех случаях остается сам человек. Поэтому нередко встречающиеся в дискуссиях утверждения, что антропоцентризм – это ответственность человека за природу или управление всем, – попросту непонимание сути вопроса. От ответственности человек никому не денется.

Между био- и эоцентризмом проходит довольно четкий водораздел, поэтому сливать эти две концепции в одном слове – нонсенс. Если интересы особи и сообщества приходят в конфликт, приходится выбирать: что важнее. В биоцентризме выше ставятся интересы индивида (поскольку надорганизменный уровень не рассматривается), в эоцентризме – сообщества. Популяции, виды, биоценозы – это более высокий уровень организации жизни, чем организм, поэтому они имеют более высокую ценность. Подобный подход вполне логичен, он есть и в других экоэтических концепциях. Клетка или орган имеют меньшую ценность, чем организм в целом. Действительно, человек без руки остается человеком, а вот рука без человека – всего лишь бранные останки.

Казалось бы, все очень просто. Но я в очередной раз вынужден заниматься ликбезом, потому что безграмотность наших природоохранников в вопросах экологической этики удручает. Чему мы сможем научить других, какую новую идеологию охраны природы разработать, когда сами путаемся в элементарных вещах?

Но вернемся к любительской охоте и попробуем примерить к ней нормы эоцентризма. В.Е. Борейко в своих работах о дикой природе неоднократно подчеркивал, что он рассматривает идеализированный ее вариант, подобно идеальному газу или материальной точке в физике. Последуем его примеру. Я буду рассматривать идеальную охоту, т. е. такую, которая ведется на строго научной основе и в рамках закона.

Чтобы не быть голословным, обращусь к истокам. Олдо Леопольд (1983) так формулирует “золотое правило” этики земли, которая и послужила началом современного эоцентризма: “...хороша любая мера способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все же, что этому препятствует, дурно”. В версии Б. Кэликотта (1999) оно менее благозвучно, хотя и больше соответствует современным науч-

ным представлениям об экосистемах: *“Вещь является правильной, когда она имеет тенденцию потрясать природную систему только в нормальных пространственных и временных масштабах. Она является неправильной, когда она имеет противоположную тенденцию”*.

Итак: плохой или хорошей является любительская охота в соответствии с этими критериями? Если она строго регламентирована и основана на данных о численности животных (а в противном случае это просто бесконтрольное истребление), охотники изымают лишь незначительную часть популяций охотничьих видов. В этих популяциях срабатывают компенсационные механизмы, благодаря чему убыль быстро восстанавливается. Более того, при отсутствии пресса (хищников или охотников), популяции быстро деградируют.

Упрощенный пример. Для того чтобы численность кряквы была стабильной, достаточно, чтобы пара вырастила за свою жизнь двух птенцов. Однако утки откладывают яиц гораздо больше. Часть кладок и птенцов гибнет, но все равно на крыло поднимается больше птиц, чем нужно для простого воспроизводства. То есть в нормальной популяции всегда есть некий “запас” численности, который можно изъять без особого ущерба для нее. Регуляционные механизмы природы работают очень жестко, и если излишек не используют охотники или хищники, срабатывают другие факторы – болезни, бескормица и т. п. Уткам, как видим, легче не становится. Если численность какого-либо вида снижается, нормы отстрела уменьшают. При снижении же ниже допустимого предела охота на данный вид запрещается вовсе.

Орнитологами установлено, что осенняя охота в рамках правил и норм отстрела не оказывает отрицательного воздействия на численность птиц на следующий год. Утки как бы самой природой “запрограммированы” на повышенную осеннюю смертность, и к следующей весне их останется столько, сколько позволяет емкость местобитаний. Если закрыть осеннюю охоту,

больше птиц не станет, избыток уток так или иначе исчезнет к весне от других причин (Зубакин, 2003).

Другими словами, разумно организованная охота опустошения в охотугодьях не производит. Да и как иначе – ведь охотники заинтересованы в том, чтобы дичь была всегда. Таким образом, охота не нарушает целостность и стабильность сообществ. Да и красоту тоже. Охота “потрясает природную систему” в “нормальных пространственных и временных масштабах”.

А вот нарушение норм и сроков отстрела приводит к перепромыслу. Такое “потрясение” природных систем уже выходит за рамки “нормальных пространственных и временных масштабов”, т. е. является “вещью неправильной”.

Полный же запрет охоты приведет к весьма печальным последствиям. Для охоты нужны угодья и достаточное количество дичи. Многие ценные природные уголки сохранились именно потому, что нужны были охотникам. Многие виды животных спасены от вымирания именно потому, что они являются охотничьими. Кто подсчитает, сколько болот удалось вырвать у ретивых мелиораторов благодаря безотказному аргументу – дичь? Почему в мире так носятся с охраной водно-болотных угодий? Один из наиболее ценных лесных массивов в Европе, в котором сохранились первичные пралесы, т. е. экосистемы, наиболее близкие к дикой природе, – Беловежская пуца. Именно здесь на протяжении многих столетий была охотничья вотчина сильных мира сего – от князей и королей до генсеков и президентов. И именно здесь дольше всего сохранялись в природе туры и зубры. В Крыму наиболее нетронутые леса сохранились в Крымском заповеднике. Опять-таки, там, где была царская и генсековская охота. Один из первых заповедников в России – Баргузинский – был создан для охраны охотничьего вида – соболя. Многие другие создавались с аналогичными целями.

Охота – это не только “пиф-паф”. Это и сохранение охотугодий, и биотехнические

мероприятия, способствующие повышению численности дичи, и спасение животных от гибели, и борьба с браконьерством. В Германии восстановлением популяций сапсана занимаются не столько орнитологи, сколько организации, связанные с соколиной охотой. В Африке есть два основных фактора, способствующих сохранению нетронутых природных уголков – охота и туризм. И то, и то – эксплуатация природы, нарушение ее дикости. Но альтернатива этому проста – полное ее уничтожение. В нищих голодных странах сохранять природу ради нее самой никто не будет.

Соседство человека с крупными животными далеко не всегда безоблачно. Копытные, например, создают немало проблем и в сельском хозяйстве, и в лесоводстве. Из-за охоты им многое прощается, но после ее полного запрета эти животные неминуемо попадут в список “злостных вредителей” со всеми вытекающими последствиями. И что, кабану будет не все равно, почему его убили – ради мяса или чтобы не лез в огород? Последних тарпанов истребили потому, что они мешали развитию сельского хозяйства в степной зоне.

“Но то, что у нас, в Европе, есть охотники, – это все же хорошо, – писал Б. Гржимек (1982). – Иначе кто бы стал подкармливать зимой оленей? Не будь у нас энергичных людей, радеющих об охотничьем хозяйстве, наши крестьяне давно бы уже объявили всех рябчиков, зайцев, лис и оленей “вредителями сельского хозяйства” и начисто их истребили”.

В США в начале XX в. начали создавать систему убежищ для диких животных (wildlife refuges). По режиму эти убежища похожи на наши заказники, но в отличие от них, там разрешена охота. В 1934 г. была создана Служба рыбы и диких животных и принят закон об охоте на водоплавающую дичь. Согласно этому закону, все охотники были обязаны платить по 1 доллару за специальный штамп, разрешающий охоту. Поступающие деньги стали использовать для покупки водно-болотных угодий и устройства новых убежищ. С 1934 по 1941 гг. их

появилось около 200. Сейчас охотники платят уже по 15 долларов. Собираемые многомиллионные суммы идут на содержание убежищ и проведение биотехнических мероприятий. К началу 2002 г. было уже 538 национальных убежищ для диких животных (Чесноков, 2003). Не было бы охоты, на месте болот и влажных лугов давно бы уже красовались поля и пастбища. И что бы от этого выиграли утки и другие “несчастливые жертвы злой забавы”?

Важность подобных убежищ для сохранения диких животных и растений признает даже такой апологет биоцентризма как П. Тэйлор (2003). Хотя он считает, что *“если конечной целью программ рационального природопользования и охраны природы является будущая эксплуатация дикой природы в спортивных и рекреационных целях (в частности, для охоты и рыбной ловли), то такая охрана несовместима с уважением к природе, какую бы пользу при этом она ни приносила тем или иным диким животным”.* Честно говоря, не понимаю, что толку от уважения без самой природы?

Можно возразить, что для охраны животных лучше создавать заповедники и заказники, а не охотхозяйства. А кто против? Вся штука в том, что в обозримом будущем человечество не согласится отказаться от использования территорий, сопоставимых по площади с размером охотугодий. Кроме того, в охотхозяйствах проводятся мероприятия, способствующие повышению численности охотничьих животных – подкормка, расселение и т. п., что в заповедниках делать вообще-то противопоказано.

Что имеем в итоге? Либо жалкие остатки охотничьих животных будут сохраняться в заповедниках, либо их будет много, но на них будут охотиться. Да и удастся ли сохранить достаточное количество крупных животных в заповедниках – еще большой вопрос. Зубров в Украине нет ни в одном заповеднике, зато их стада охраняются в нескольких охотхозяйствах.

В последнее время в странах СНГ стали возрождаться в том или ином виде част-

ные охотничьи вотчины. С одной стороны, это вызывает вполне понятное возмущение населения. С другой – территории эти охраняются так, как не охраняется ни один заповедник. И природе от этого, в общем-то, не хуже. Я знаю случай, когда хозяин одной из таких вотчин дал сотню баксов егерям за найденное гнездо орлана-белохвоста и потребовал беречь его как зеницу ока.

Не берусь судить, в чем западному политику легче сознаться – в “голубизне” или пристрастии к охоте, как о том пишет А. Костюков (2003), но в Западной Европе, например, пресс охотников на водоплавающую дичь в несколько раз больше, чем в России, о чем говорит беспристрастная статистика (Кривенко и др., 2003). Я уж не говорю о таких странах, как Италия или Мальта, где проводится массовое избиение певчих птиц. Так что “передовой западный опыт” – палка о двух концах. В Германии меня как-то поразила одна картина – стадо косуль преспокойно разгуливало по пашне недалеко от железной дороги, при том, что до ближайшей рощи было километра два. Звери не боялись ни людей, ни транспорта. А там на них охотятся и достаточно интенсивно. В Германии купить продукты из мяса дичи можно в любом большом супермаркете. В ресторане дичь также не является “VIP-блюдом”.

Как видим, ликвидация охоты приведет к нарушению и стабильности, и целостности, и красоты, поскольку исчезнут сами сообщества.

Серьезный экологический аргумент против охоты – загрязнение экосистем свинцом. Но эта проблема, в принципе, решаема, во многих странах уже отказываются от традиционной свинцовой дроби.

Увы, не получается предать анафеме охоту, будучи последовательным эгоцентристом. Повторяю: я не люблю охоту. Но если говорить не о личных симпатиях и антипатиях, а о логике вещей, мы должны признать, что разумно организованная охота идет на пользу охране природы, а не во вред ей. Образно говоря, экосистемы “за-

интересованы” в том, чтобы отдельные особи животных становились жертвами охотников, потому что это способствует сохранению самих экосистем и охотничьих видов (а вместе с ними и многих других тоже). Такова логика эгоцентризма. В биоцентризме другая логика, она изложена в приведенных выше работах.

Но если последовательно ее придерживаться, она заводит в тупик. Ведь и у людей интересы сообщества – семьи, коллектива, государства – ставятся выше интересов индивида. Каждый из нас опутан множеством обязанностей и условностей, с которыми приходится считаться – работа, налоги, служба в армии, нормы поведения и т. п. Если нормальному человеку в центре города “припечет по-большому”, он станет искать туалет, а не облегчится прямо на тротуаре. Сколь кричущими бы ни были потребности организма, они подавляются требованиями общества. Почему в отношениях человека с природой нужно все перевернуть с ног на голову и поставить превыше всего интересы индивида?

Увы, мир устроен так, что страдания и смерть – это плата за жизнь. Похвально стремление биоцентристов уменьшить количество страданий, вопрос лишь в цене. Небытие – цена слишком высокая. Мать, рожая ребенка, неминуемо обрекает его на страдания, болезни и смерть, ибо никому еще не удавалось всего этого избежать. Так может лучше, не рожать? Если все люди последуют примеру джайнистских монахов, отказывающихся от половой жизни, быстро исчезнут и инсульты с инфарктами, и неразделенная любовь, и голод, и войны. Правда, вместе с самим человечеством. Забота об избавлении от гибели животных может привести к небытию сохранившиеся природные территории, целые популяции и даже виды.

С охотой примерно та же история, что и с вегетарианством (см. Грищенко, 2002а, 2002б). Да, “птичку жалко”, но победа “освободителей животных” дорого обойдется самим животным.

Если использовать известное определе-

ние А. Швейцера (1973): “Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей”, неминуемо приходим к выводу, что смерть индивида – благо для экосистемы. Без этого невозможна ни сама жизнь, ни ее развитие (Грищенко, 2001). Не все так просто, как это хотелось бы многим природоохранникам.

Зайдем с другой стороны. Так ли уж благоденствуют животные в странах, где нет охоты? В Японии под влиянием буддизма охота долгие годы была запрещена, мясо животных не употребляли в пищу. В итоге животные для японца просто перестали существовать. Это всего лишь деталь пейзажа, периферийные декоративные фигурки, призванные оттенять красоту растений. Для японца они не входят в понятие “природа” (подробнее см. Thiede, 1982; Грищенко, 2002в). А вот когда нормы морали изменились и запреты были сняты, японцы “сорвались с цепи” и стали поголовно истреблять все, до чего только могли дотянуться – японский журавль, дальневосточный белый аист, красноносый ибис, белые цапли, белоспинный альбатрос, калан, морской котик и т. д. Зато они по-прежнему любили растения, реки, водопады, любовались луной, сопереживали временам года... Лов рыбы дрифтерными сетями, в которых гибнет множество других животных, давно запрещен в большинстве стран. Японцы же этого запрета не признают. Хватает проблем у диких животных и в таких излюбленных экофилософами регионах как Индия или Тибет (см. Грищенко, 2002в; Тетера, 2002).

Да, реальная охота в странах СНГ далека от идеальной. Повсюду процветает браконьерство, сильным мира сего вообще законы не писаны. Ну а что, в других сферах нашей жизни дела обстоят лучше? Приватизация проходила на строго законной основе, милиция только защищает сограждан, исчезло “телефонное право”, журналы не продаются, а священники никогда не оказывались замешанными в грязные дела? Или, может быть, на улицах наших

городов все 600-е “Мерседесы” скрупулезно следуют правилам дорожного движения? Нужно просто наводить порядок. И в охотничьем хозяйстве тоже. С браконьерством, между прочим, больше всего борются сами охотники.

Не все, конечно, гладко. Хватает и этико-философских проблем, и конфликтов между охотниками и природоохранниками. У охотников, например, свои представления о том, что должно и чего не должно быть в охотхозяйствах. Отсюда постоянные проблемы у “вредных животных”. Нередко в порыве охотничьей страсти охотники игнорируют нормы отстрела или превышают численность охотничьих животных. Не все виды охоты являются научно обоснованными, как, например, весенняя охота на водоплавающих птиц.

Но из двух зол, как известно, выбирают меньшее. Наличие разумно организованной охоты – меньшее зло для природы, чем ее полное отсутствие. Лес без волков все-таки остается лесом. А вот среди очередного дачного поселка ни волкам, ни оленям делать нечего.

С охотой бороться, конечно, можно. И заработать себе на этом громкое имя. Но вот удастся ли достичь заметного положительного результата для природы, не для себя, – сомневаюсь. Может быть, когда-нибудь человечество придет к полному отказу от охоты и животной пищи. Но для этого, скорее всего, придется вывести другую породу людей. Я не устаю повторять, что охраняя природу, нельзя игнорировать ее законы. Дело в том, что охота базируется на одном из наиболее древних и мощных инстинктов. Человек “одной ногой” хищник, никуда от этого не деться. Борьба с охотой вряд ли будет иметь большой успех, чем попытки многих религий подавить сексуальные устремления человека. Они занимались этим сотни и тысячи лет. И каждый раз, как только давление хоть немного уменьшалось, природа человека вырывалась наружу, сметая все препоны. Ну одевали панталоны на римские статуи, что, это помогло сделать человека лучше? Эпоха

Возрождения, положившая конец средневековому мракобесию, между прочим, началась с появления изображений обнаженных женщин в живописи и скульптуре.

По моему мнению, более разумным было бы не предавать охоту огульному охиванию, а искать взаимопонимание со здоровыми силами среди охотников. Отнюдь не все среди них такие уж варвары-убийцы. Для многих действительно более важно общение с природой, а не победный выстрел. Почитайте, например, охотничьи юморески Остапа Вишни. Они пропитаны тонкой лирикой и любовью к природе. Сами охотники ставят вопрос о гуманном отношении к животным (см., например, Дежкин, 1997). А вот чем стоит заняться, так это наведением порядка в охотничьем деле и борьбой со всевозможными извращениями.

Любительская охота – это прежде всего соревнование человека с животным (тем более, если считать ее спортом). Значит, животное должно иметь шансы спастись, а человек хоть чем-нибудь рисковать (ну хотя бы ноги промочить). В древности охота приравнивалась к ратному делу. Недаром Владимир Мономах в своем “Поучении детям” описывает свои охотничьи подвиги. И действительно, чтобы свалить копыем тура или медведя, нужно иметь и верную руку, и немалое мужество. А чем рискует охотник, сидя на вышке у прикормочной площадки в тепле и уюте? Или зажавшийся буржуа, который не в состоянии даже нормально прицелиться, на валютном сафари с егерем, обеспечивающем победный выстрел? Какие шансы имеет животное против суперсовременного оружия на близком расстоянии? И какое наслаждение испытывают в подобных ситуациях охотники, кроме радости от убийства или приобретения трофея, которым потом можно будет хвастаться? Все это, извините, мелкое жлобство. Где древняя охотничья этика – не бить спящего или беспомощного зверя, не убивать сверх меры и т. д.? Какое удовольствие подстрелить полуручное животное? Романтики в этом не больше, чем в забое скота на мясокомбинате. А ведь гор-

до хвастаются и такими “трофеями”. В одном охотничьем журнале было сообщение об отстреле старого зубра в загоне. При чем тут охота? Человек, забравшийся на вершину горы по канатной дороге, может радоваться и делиться впечатлениями с друзьями, но он не называет себя альпинистом.

Нужно сорвать романтический флер с псевдоохоты. Важную роль в этом могут сыграть общественные природоохранные организации и средства массовой информации.

Литература

- Борейко В.Е. (2003а): Предисловие. - Большой спор о любительской охоте. Киев: КЭКЦ. 5-8.
- Борейко В.Е. (2003б): Сяние смерти как образ забавы. - Большой спор о любительской охоте. Киев: КЭКЦ. 39-44.
- Горке М. (2002): Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 101-108.
- Гржимек Б. (1982): Дикое животное и человек. М.: Мысль. 1-256.
- Грищенко В.Н. (2001): “Не то, что мните вы, природа”. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 113-126.
- Грищенко В.Н. (2002а): Вегетарианство как природоохранная концепция. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 95-100.
- Грищенко В.Н. (2002б): Под знаменем очередной революции. - Гуман. экол. ж. 4 (2): 110-115.
- Грищенко В.Н. (2002в): Восточные религии и охрана животного мира. - Беркут. 11 (1): 125-138.
- Дежкин В. (1997): За гуманность с разумом и сердцем. - Охота и охот. х-во. 5: 1-4.
- Зубакин В.А. (2003): Против весенней охоты: точка зрения орнитолога. - Мир птиц. 3: 27-28.
- Костюков А. (2003): Элита снова взялась за ружье. - Гуман. экол. ж. 5 (1-2): 69-70.
- Кривенко В., Виноградов В., Дормидонтов Р. (2003): На водоплавающих. - Охота и охот. х-во. 9: 1.
- Кэлликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 40-67.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Тетера В.А. (2002): Возвращение Природы: иллюзия прав животных. Киров. 1-91.
- Тэйлор П. (2003): Этическое правило верности против любительской охоты. - Гуман. экол. ж. 5 (1-2): 75-79.
- Чесноков Н. (2003): И охрана, и охота. - Охота и охот. х-во. 3: 42-43.
- Швейцер А. (1973): Культура и этика. М.: Прогресс. 1-342.
- Thiede U. (1982): Japanibis und Japanische Nachtigall als Beispiele zweier Pole im Naturverständnis der Japaner. - Mitt. Ges. für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Hamburg. 90: 1-190.

Роль ученых-биологов в охране природы

Ричард Примак

Биология сохранения живой природы отличается от многих других научных дисциплин тем, что она играет активную роль в сохранении биоразнообразия на всех уровнях: видовом, генетическом, биологических сообществах и экосистемах. Представители дисциплин, изучающие разнообразие и делающие свой вклад в биологию сохранения, разделяют общие цели по защите биоразнообразия. Идеи и теории сохранения биоразнообразия все больше становятся предметом политических споров, разговоров о поп-культуре, общественных дискуссий и, кроме того, сохранение биоразнообразия является конечной целью новых правительственных программ по сохранению. Цель специалистов в области биологии сохранения не только в том, чтобы создать новые знания, а использовать их для защиты биоразнообразия.

В случае кризиса биоразнообразия биологам отведено несколько активных ролей. Во-первых, они должны действовать более энергично не только в области образования на уровне общественного обсуждения проблем, но и в школьных классах. Биологи сохранения должны дать знания возможно более широкому кругу людей по проблемам, возникающим вследствие потери биологического разнообразия. Мерлин Таттл и Международная организация по сохранению летучих мышей показали, как могут быть изменены общественные взгляды. Когда правительство города Остин, Техас, стало планировать уничтожение сотен тысяч мексиканских хвостатых летучих мышей, которые жили под городским мостом, Таттл со своими коллегами провели успешную рекламную кампанию и убедили людей, что за летучими мышами очень инте-

ресно наблюдать, что они имеют очень важное значение в контроле за популяциями вредных насекомых на большой территории. Ситуация изменилась настолько, что теперь правительство защищает летучих мышей, как городскую достопримечательность, а жители и туристы собираются каждый вечер, чтобы наблюдать за их вылетом.

Во-вторых, биологи должны стать политически активными. Вовлечение в политический процесс позволит им влиять на политику правительства и разрабатывать законы, которые будут защищать виды и экосистемы.

В-третьих, биологи сохранения должны быть организаторами своей науки. Вызывая интерес к биологии сохранения среди своих коллег, они смогут расширить круг обученных профессиональных защитников, участвующих в борьбе с разрушением природных ресурсов.

В-четвертых, биологи сохранения должны быть хорошими агитаторами и убеждать широкий круг людей поддерживать усилия по сохранению. На локальном уровне программы по сохранению должны создаваться и представляться таким образом, чтобы вызвать желание местного населения поддерживать их. Местному населению надо показать, что защита окружающей среды не только сохраняет виды и биологические сообщества, но и долговременно улучшает здоровье семей и способствует улучшению их экономического положения.

И, наконец, что наиболее важно, биологи сохранения должны стать эффективными руководителями и практиками своих проектов. У них должно быть постоянное желание передвигаться по суше и воде, чтобы знать, что происходит в действительности, не бояться грязи, разговаривать и работать с местным населением, стучаться в двери и рисковать. Прогресс наступит, ког-

Опубликовано: Примак Р.Б. Основы сохранения биоразнообразия. М.: Издательство НУМУ, 2002. с.206-208.

да биологи захотят воплотить свои идеи на практике, работать с руководителями парков, планировщиками, политиками и местным населением. Только с использованием правильных моделей, новых теорий, передовых подходов, практических приме-

ров можно достичь успеха в научной дисциплине. Только при нахождении баланса биологи сохранения при работе с возмужденным населением будут в состоянии защитить биоразнообразие в мире в это быстро меняющееся время.

АУРА ДИКОЙ ПРИРОДЫ

М. Фром

Можно спросить, что, собственно, природоохранники стремятся защитить? Основываясь на моем опыте, я бы назвал это, кроме всего прочего, чувством свободы. Свободой от толп людей, автомобилей, шума и грохота. Свободой, которая приходит, когда ты один, наедине с собой, вне зависимости от чего-то технологического. Свободы среди природы, которая приходит среди созданий, которые поднимаются и летают, когда они сами этого хотят, или бегают, плавают, раскачиваются, прыгают и ползают во всем удивительном великолепии жизни, вседвижущей и всеобъемлющей. На севере Миннесоты среди ее нетронутой дикой природы я испытываю чувство свободы, созерцая редкие формы голубики с особым привкусом, свободу от возможности плавать в холодных водах, холодных и темных, всегда чистых как дни индейцев племени чиппева.

Пока не все понимают, что дикая природа – это и есть истинное олицетворение свободы, которое надо изображать на знаменах. Закон США о Дикой природе 1964 года – это ни что иное, как продолжение Хартии, оставленной поколениям Отцами-Основателями Конституции США с ее гарантиями жизни, свободы и стремления к счастью. Мы должны и нам необходимо

сохранят дикую природу как источник нашей свободы, источник вдохновения и права подвергать сомнению преподносимые кем бы то ни было истины. Наша Конституция признается священным документом, гарантирующим свободу во всей многоликости ее выражения, хотя это требует постоянного продолжения испытаний и защиты. Дикая, непорочная природа также священна. На мой взгляд, это живой документ о земле и народе, живущем на ней, который, так или иначе, людям придется предъявить Господу. Дикую природу я приравниваю к свободе от нужды, войны и расовых предрассудков, и к свободе исповедывать свой образ мыслей и идти своим собственным путем.

Я спрашивал представителей разных слоев населения, занимающих разное жизненное положение, что дикая природа означает для них. Люди делали прекрасные заключения, неожиданно простые в своей возвышенности и глубине, которые, я верю, могут быть подытожены в следующих двух выдержках:

Вы можете уйти прочь от вашей традиции и стиля Жизни в дикую природу и выяснить второпях, кто Вы и на что способны и в чем действительно суть Жизни. Что в жизни пугает нас своей внешностью.

Дикая природа необходима. Она представляет ту часть Америки, которая всегда была, и которая однажды стала и всегда останется. Мы не должны вести себя так, чтобы нравиться европейцам. Мы не должны желать земли, представляющей нас. Мы должны иметь ее с дикой природой навеки.

Опубликовано: From M. To rekindle love of the beautiful in public policy and professional performance. - International journal of Wilderness. 2001. Vol. 7, is. 2, p. 4-7. Сокращ. перевод Киевского эколого-культурного центра.

Первозданная истинность дикой природы обогащает мое тело, разум и дух, но я всегда поднимаю себя, чтобы видеть суть вопроса вне моих собственных желаний и потребностей. Американская традиция всегда исходила из поиска и преобразования ресурсов. В то же время, Закон о дикой природе пробуждает и стимулирует основную и старую традицию отношения к самим ресурсам как к самим себе. В соответствии с ними, река, например, имеет право на существование, потому что она река, а не в силу своих многих полезностей. Относительно вопроса о ценности дикой природы я воспринимаю это так, что истинная роль реки – быть живым символом всей жизни, поддерживающим и питающим ее, и я несу ответственность за это.

Таким образом, я чувствую, что нам необходима революция идеалов и идей, чтобы вымести идеологический мусор из духовности в Соединенных Штатах и в мире, потому что такие же точно идеи и силы уже действуют повсюду. Мы должны изменить разрушительный образ жизни, делающий нас врагами самих себя, образ жизни, который смешивает духовный стандарт для живущего с качеством жизни. Такой тип революции начинается на индивидуальном уровне, внутри себя, со своей собственной экосистемы, поисками единства между телом, разумом и духом и совершаясь в других индивидуумах таким же самым образом.

Критики иногда официально обращаются ко мне с таким вопросом: “Хорошо, сколько по площади участков дикой природы будет достаточным?” До тех пор, пока к людям не придет понимание того, что вся природа должна быть дикой, мне вообще не хочется отвечать на такой вопрос. Как подсчитать, насколько каждое приходящее поколение изъявит желание провести свой век во все более разрушающем мире, как будет реагировать на деградацию жизненной среды, видя своих гибнущих близких, читая сводки потерь. Я не могу представить рядом и сравнить по значению ценность материальных ресурсов и дикой природы,

потому что величайшая ценность страны с диким ландшафтом заключается в его свободе, праве и возможности сомневаться в чем-то, во вдохновляющей силе, стимулирующей к жизни и состоятельности. Я верю, что чувство, стремление сохранить, более глубоко коренится в умах и сердцах людей, чем варварское побуждение к эксплуатации и разрушению. “Делать хорошую работу – благородно и морально, – писал Марк Твен. – Научить других делать хорошую работу – еще благороднее”. Правительство и действительно все институты должны быть тем, чем мы хотим, чтобы они были. Изменения в подходах к природе начинаются с личности, с тебя и меня. Поэтому я думаю, что движение по защите дикой природы будет набирать силу с приходом новых поколений.

Но перед нами еще длинная дорога к осуществлению надежд, к обетованной земле, где природа спасет тех, кто идет и придет. Мы должны усвоить не так уж много, чтобы каждый эксперт проникся такими вопросами: как управлять и как интерпретировать дикоприродные территории, чтобы они всегда были дикими; как проникнуться подходом, что от обилия дикой природы зависит благосостояние общества, как усвоить уроки, что только наличие дикой, ненарушенной природы может сделать Землю лучшим местом для жизни.

Участки дикой природы – это не площадки для игр и не аллеи парков, это святилища, назначенные быть такими всегда, это бесценные вместилища, где остановилось и замерло время и таким же остановившимся десятилетиями лет назад оно должно уйти в завтра и в будущее. А для нас сегодня наградой и привилегией должно быть то, что мы знаем об этой высокой миссии и счастливы таким доверием жизни. Вот так я представляю дикую природу как идеально подходящий критерий для испытания тела и души, побуждения разума к новым познаниям и вызов духовных чувств.

Коренные обитатели Америки умели использовать духовную силу предков, трактуя землю и возможность жить как божественно.

ственный дар. Когда я жил здесь, на северо-западном побережье среди коренных обитателей Америки, я убедился что столетиями эта величественная природа была не только материальным источником жизни, а чем-то большим. Я находил здесь гигантские деревья кедров и дугласовых пихт в холодном влажном лесу и видел, что в старину местные народы использовали их не просто для лодок каноэ или домов. Деревья были источником особого состояния разума человека, когда он становится доступным для воспитания священного, и я назвал это “священным состоянием сознания”. Оказывается, чтобы воспринять священное, нужно соответствующее состояние ума. Вот почему люди, взывающие к неприкосновенности божественной природы и их слушатели, нередко говорят на разных языках: вторые просто не понимают первых, и у правительства есть способ сдвинуть с места сохранение дикой природы – в приказном порядке обязать чиновников посещать места священной природы. Природный американец, Зане Грей из племени нофайе, больше всего любит уединение в пустынной местности: “когда слушаешь, как говорит природа, то ощущаешь волнующий шепот ее души”. Грей писал, что природа неохотно и ревниво делится своими секретами и разговаривает только с теми, кто любит ее.

Хотя священность, длительное время накапливавшаяся в местах с дикой природой, не может обеспечить быстрое приведение в порядок разложенных структур общества, она может сделать многое на персональном, личностном уровне. Общество, как известно, разделяется на составляющих его представителей по экономическим, расовым и религиозным признакам, сексуальным предпочтениям, по полу и, наконец, физическим возможностям особей. За долгие времена люди привыкли к чувству раздвоенности страха и недоверия, воспитываясь, как дети, в исповедании разных,

больших или меньших богов. Созерцание, а тем более духовный контакт с дикой природой побуждает интерес к сознанию единства и целостности сотворения мира и человеческого сообщества как братьев и сестер, всех родственных и всех равных, связанных общим происхождением и общей судьбой.

Я познавал это снова в 1992 году на границе Миннесоты в рамках программы по исследованию дикой природы в составе неприбыльной группы, общавшейся с населением как с обладающим, так и лишенным ряда возможностей или способностей. В составе участников были инвалиды на колясках, глухие, слепые и умственно отсталые люди. Дикая природа в нашем путешествии становилась и выступала более, чем полигоном для проведения физического или интеллектуального эксперимента, но также местом для размышлений о месте в жизни и обществе. При этом люди невольно в безмолвном уединении среди удостоенного божественным присутствием ландшафта учились “говорить” с тысячелетними деревьями, скалами, водопадами, горами, настраиваясь на духовный мост от земного к небесному, к вечному. Одних влекли горные восхождения, других сплав по горной реке на каяках, где они подвергали себя физическому риску, подтверждая необходимость этого для полноценного становления индивидуума, и прихода к священному не в теплом автомобиле, а через муки, страдания и опасность.

Но все, общаясь и созерцая природу, где время остановилось на 30 тысяч лет, выглядели обновленными, очистившимися, нашедшими свое настоящее “я”; они раскованно общались, работали и играли вместе. Искалеченные ложью, лицемерием и безразличием, здесь они становились сами собой и более того, они научились преодолевать барьеры современного общества и осознавали, что каждая жизнь – ценность.

Не надо контролировать дикую природу

Э. Кац

В данном очерке я анализирую “зов дубрей”, “зов дикой природы” – наше влечение к ценностям, существующим в природном мире вне человеческого контроля. Для того, чтобы понять эту ценность, мы должны понимать взаимоотношения между технологией и природным миром, те способы и пути, которыми человечество пытается “исправить” и сформулировать природу для того, чтобы она соответствовала нашим задачам. Томас Бирч описал этот проект как “контроль иного” (контроль над иным, чуждым), форму доминирования, которая включает контроль над природой и всеми подобными “чужаками” по отношению к человеческому обществу. Здесь я свожу несколько идей о философии технологии и природе артефактов, а затем объединяю их с темами, поднятыми Бирчем. Я утверждаю, что ценность существует в природе до того момента (до той меры), когда она избегает доминирования со стороны человеческой технологической деятельности. Технология может удовлетворить потребности людей путем создания желаемых нами искусственных продуктов и изделий; но она не может предоставить, заменить или восстановить “дикое”.

Одним из обещаний технологического предпринимательства является создание “новых миров”. Этот оптимистический взгляд на способность технологии улучшить условия человеческого существования основывается на вере в то, что человечество имеет силы изменить физическую структуру мира. Рассмотрим слова Эммануэля Местина:

“...У нас... в руках достаточно силы и мощи для того, чтобы создавать новые воз-

можности почти по мановению руки. Путем осознанно привнесенных масштабных изменений мы можем буквально выжать новые альтернативы из природы. Древняя тирания материи разрушена, и мы это осознаем... Мы можем изменять и формулировать ее в соответствии с нашими целями”.

Не будучи более ограниченной физическими необходимостями “данного” природного мира, наша технологическая мощь позволяет нам создавать новый мир нашей мечты и стремлений. Природу можно контролировать; ее ограничения преодолены; человечество может достичь своего наивысшего потенциала. В понимании Местина, “наша технологическая доблесть буквально взрывается обещанием новой свободы, более высокого человеческого достоинства и раскованных стремлений”.

Признаю, я был зачарован резонансом значений в концепции этого “нового мира”. Технологическое обещание нового достоинства и свободы, безграничных возможностей, освобожденной раскованной мощи, – все это звучит столь же подозрительно, как и обещания, вызванные новыми политическими и социальными условиями Нового Света (нашей родины, Америки) сразу после его открытия европейцами. Но открытый европейцами “Новый Свет (мир)” по сути, не был **НОВЫМ**; в действительности это был очень **СТАРЫЙ** мир, мир дикой неприрученной природы, с лишь минимальным присутствием человека, да и само это присутствие было довольно древним. До определенной степени, свобода, достоинство и блага нового человеческого населения были достигнуты за счет более древнего мира природы. Для того, чтобы новый мир стал полезным для человечества, его надо было разработать и культивировать. Новый Свет был вынужден прекратить свое дикое существование.

Это сравнение между покорением аме-

Опубликовано: Katz E. The call of the wild: struggle against domination and technological fire nature. - Environmental ethics. 1992. Vol. 14, p. 265-273. Сокращ. перевод Киевского эколого-культурного центра.

риканской дикой природы и технологическим контролем над грубой физической материей весьма настораживает. Я не верю в то, что технологический контроль над природой является желаемым завершением и венцом человеческой деятельности. Контроль над природой – это мечта, иллюзия, галлюцинация. Он включает в себя замену дикой природной среды искусственной, созданной человеком средой. Он создает фундаментальное изменение в ценности мира. В свою очередь, это изменение ценности влечет за собой повторное исследование этических отношений между человечеством и природным окружением.

Вполне тривиальным является рассматривать улучшение технологии как “технологическое улучшение, исправление”. Предполагается, что продвинутая технология современного мира может “улучшить” природу. Термин “исправить”, “улучшить” (to fix) используется здесь в двух взаимодополняющих значениях: он предполагает, что нечто было сломано, или что это нечто может быть улучшено. Таким образом, технологическое исправление природы означает, что природные процессы могут быть “улучшены” для максимального достижения удовлетворения и блага людей; и наоборот, нанесенный природе ущерб может быть исправлен путем технологической реконструкции деградировавших экологических систем. Люди используют природу для того, чтобы создавать блага для человечества, и мы можем восстановить природные экосистемы после того, как они были повреждены в процессе использования. Единственный новый аспект этой технологической деятельности – это ее возрастающие размах и мощь. Практический контроль над природными процессами возрос настолько, что мы более не признаем невозможность сделать что-либо; природа может быть улучшена или восстановлена до любых желаемых нами пределов.

Оба эти процесса – улучшение-использование и восстановление природы – ведут к серьезным вопросам о ценностях и моральных обязанностях. Идея о том, что при-

рода должна использоваться (и, если необходимо, то и улучшаться) на благо человека является фундаментальной предпосылкой “ресурсного инвайронментализма” – предполагаемого основного направления в американском природоохранном движении. Согласно этой доктрине, инвайронментальная политика разрабатывается так, чтобы максимизировать удовлетворение человека и минимизировать приносимый человеку вред. Загрязнение атмосферы является проблемой по причине угрозы здоровью людей. Исчезновение вида является проблемой, поскольку вымерший вид мог быть полезным для людей, или же возникающая в результате этого нестабильность экосистем может приносить вред. Парниковый эффект является проблемой, поскольку изменения климата могут иметь критическое воздействие на сельское хозяйство и географию береговой линии. В случае всех экологических проблем основным предметом озабоченности является именно воздействие на человечество.

Это “ресурсно-ориентированные” аргументы в пользу защиты окружающей среды с точки зрения “человеческих интересов” подвергались критике со стороны мыслителей в области разных научных дисциплин, касающихся инвайронментальной философии и инвайронментальной этики. Полный обзор аргументов против так называемой “антропоцентрической” инвайронментальной этики, несомненно, находится за пределами данного обсуждения. Здесь я сфокусирую внимание на одном практическом приложении антропоцентрически-ресурсного мира, который более адекватно соответствует требованиям человеческого благополучия. Как писал Мартин Кригер: “Были созданы искусственные прерии и участки дикой природы, и нет никаких оснований полагать, что эти виды искусственной среды должны быть неудовлетворительными с точки зрения тех, кто сталкивается с ними... Чем плохи пластиковые деревья? Я полагаю, что они вполне приемлемы. Используя пластиковые деревья и тому подобное, можно сделать намного

больше того, чтобы большинство людей ощутили, что они действительно общаются с природой”.

Таким образом, Кригер выдвигает доводы в пользу “ответственного вмешательства” для управления, манипулирования и контроля природной среды с целью способствования благу человека. “Суммарное благо сохранения деревьев не имеет места в этической или социальной справедливости”. Поскольку человеческая социальная справедливость, создание и распределение благ для человека является первичной задачей и целью политики, то манипуляция природными процессами и создание искусственной среды обитания есть вполне приемлемая (и, очевидно, необходимая) деятельность человека.

Кригеревское видение “дружественного для пользователя” пластикового человеческого окружения просто бросает в дрожь: это не тот мир, который имеет много сторонников. И все же, основной пункт его аргументации заключается в том, что первичная озабоченность использованием природной окружающей среды человеком неминуемо ведет к политике человеческого вмешательства и манипулирования природой, и соответственно, к созданию искусственной среды. Если человечество собирается использовать и улучшать его для удовлетворения человеческих потребностей, желаний и интересов, то венцом этого процесса станет технологически созданный по нашему шаблону “новый мир”. Не будет больше “дикой” природы, а только контролируемая природа, приносящая только приятные впечатления.

Восстановление природы, политика “исправления”, “починки” поврежденных экосистем и местообитаний ведет к сходным результатам. Центральным вопросом является ЦЕННОСТЬ восстановленной окружающей среды. Если восстановленная среда есть адекватная замена существовавших ранее природных сред обитания, то тогда люди могут использовать, повреждать, разрушать и заменять природные единицы и местообитания вообще без каких-либо мо-

ральных последствий. Ибо ценность природной единицы вообще не требует сохранения.

Однако, ценность восстановленной окружающей среды является проблематичной. Роберт Эллиот утверждал, что даже технологически совершенная продукция природной территории не эквивалентна оригиналу. Эллиот использует аналогию с подделкой произведения искусства, когда даже совершенная копия теряет ценность оригинального произведения. Что отсутствует в подделке – так это причинная история оригинала, тот факт, что определенный человек-художник создал конкретное произведение в определенный исторический период. Хотя копия может быть приносящей столь же исключительное удовлетворение, как и оригинал, однако знание того, что это не то произведение, которое было создано определенным художником, искажает и обесценивает наше восприятие. Аналогичным образом, мы ценим природную территорию по причине ее “особого типа преемственности с прошлым”. Эта история, как утверждает Юджин Харгрову, обеспечивает аутентичность, подлинность природы. Он пишет: “Природа не просто совокупность природных объектов... Когда мы восхищаемся природой, мы также восхищаемся ее историей”. Таким образом, воссозданная природа – это фальшивая природа, она является искусственным созданием человека, а не продуктом исторических природных процессов.

Технологическое “улучшение”, “исправление” поврежденной и деградировавшей природы – это иллюзия и фальшь, я всегда называл это “большой ложью”. Как и всегда с технологией, продукт, результат восстановления природы есть созданный человеком артефакт, а не конечный результат исторически основанных природных процессов. Конечно же, артефакты могут иметь позитивную или негативную ценность. Однако, ценность искусственно восстановленной природной среде весьма проблематична именно по причине того, что она, подделка, пытается сравняться с оригиналом.

Таким образом, обе формы технологического вмешательства в природный мир ведут к одному и тому же результату: установление искусственного мира, а не восстановление природного. Когда наша политика заключается в использовании природы к нашей выгоде и благу, то тогда мы логически приходим к целому ряду “ответственных вмешательств”, которые манипулируют природными процессами для создания наиболее приятных из возможных человеческих восприятий. Когда же наша политика заключается в восстановлении и “исправлении” деградировавшей природной среды, то тогда мы приходим в результате к неаутентичной, далекой от подлинника копии. Технологическое “исправление” природы просто производит артефакты для удовлетворения человеческих интересов.

Теперь вопрос о ЦЕННОСТИ заостряется. Мы можем спросить: “Какова ценность артефактов и какие моральные обязанности проистекают из этой ценности?” Или, точнее: “Как именно ценность артефактов и проистекающая моральная ответственность отличаются от ценности и моральных обязанностей по отношению к природе?” Будучи сформулированной таким образом, эта проблема приводит к ясному ответу: артефакты отличаются от природных объектов своим антропоцентрическим и инструментальным происхождением. Артефакты есть продукты глобального человеческого проекта достижения доминирования над природным миром.

Концепции функции и цели являются центральными для понимания артефактов. В противовес природным объектам, артефакты созданы для определенной цели. По сути они – антропоцентрические аргументы, орудия или объекты, которые служат функциям человеческого существования. Существование артефактов концентрируется на жизни человека. Невозможно представить себе артефакт, который не был бы сконструирован для удовлетворения какой-либо задачи человека; ибо без предвидимого использования объект просто не был бы создан.

Антропоцентрическая полезность арте-

фактов коренным образом отличается от сущностных характеристик природных объектов, видов и экосистем. Живые природные единицы и системы единиц эволюционируют для заполнения экологических ниш в биосфере; они не сотворены для того, чтобы удовлетворять человеческие потребности и интересы. Эндрю Бреннан поэтому и утверждает, что природные объекты не имеют внутренне присущих им функций: они не созданы для определенной цели; для них нет заранее установленного способа использования. Мы можем утверждать так, как будто природным индивидуумам (например, хищникам) зарезервирована роль, которую они играют в экосистемном благополучии (поддержание оптимального уровня популяции), но такое утверждение является метафорическим или вводящим в заблуждение. Никто не создал и не спланировал пуму в качестве регулятора популяции оленей.

С моральной точки зрения, различие между социально сконструированным артефактом и эволюционно возникшей природной отдельностью в целом не проблематично. Антропоцентрическая инструментальность артефактов не есть предмет серьезной моральной озабоченности, поскольку большинство артефактов спланированы для использования в человеческих социальном и культурном контекстах. И, однако, человеческое вмешательство, вторжение в “дикую” природу есть совершенно иной, отличающийся процесс. Харгроув отмечает, как человеческое вмешательство изменяет эстетическое восприятие природы: “Попытка манипулирования природой, даже предпринятая из эстетических побуждений, неблагоприятно изменяет природу с эстетической точки зрения. В историческом аспекте, манипуляция природой (даже с целью улучшить ее) всегда рассматривалась как попытка подчинения или доминирования”. Это проистекающее из человеческого вмешательства доминирование может быть обобщено и более широко, за пределы эстетических оценок: оно ведет к большему, нежели просто утрата красоты. Управление природой приводит к наложе-

нию наших антропоцентрических целей на те территории, которые существуют за пределами человеческого общества. Мы вторгаемся в природу для того, чтобы создавать так называемые “природные объекты” и типы среды, основанные на моделях из человеческих желаний, стремлений, интересов и удовлетворений. При этом мы присоединимся к проекту достижения человеческого доминирования над природой: реконструкции природного мира “по нашему образу и подобию”, чтобы он подходил для наших целей.

Нужно ли спрашивать, почему доминирование является моральным вопросом? В контексте гуманитарной, социальной и политической мысли, доминирование есть зло, которое ограничивает, отвергает или нарушает личную (и социальную) свободу и автономию. В контексте инвайронментальной философии, доминирование есть антропоцентрическое изменение природных процессов. Составляющим природу отдельностям и системам не позволено быть свободными, следовать их собственному независимому и не спланированному пути развития. Даже Харгроув, который подчеркивает эстетическую ценность природы, рассматривает потерю свободы как основное, центральное зло доминирования: “это уменьшает, ограничивает способность природы к творчеству”. Где бы он ни появлялся, в природе или человеческой культуре, процесс доминирования бьет по первостепенной ценности самореализации, самопроявления.

Но уместен ли здесь этот анализ доминирования? Имеет ли смысл говорить, что мы можем отвергать автономию, самоопределение, самореализацию природных, а не человеческих отдельностей? Центральным допущением этого анализа есть то, что природные единицы и системы имеют свою собственную внутреннюю ценность, ту ценность, которая стоит выше инструментальности, проектов, стремлений и интересов. Природа – это не только физическая материя, являющаяся ОБЪЕКТОМ технологической практики и изменения; она также и СУБЪЕКТ, со своими внутренними процес-

сами и историей развития, независимой от человеческих вмешательства и деятельности. Таким образом, природа имеет ценность, которая может быть ниспровергнута и разрушена в процессе осуществления человеческого доминирования. Таким образом, человеческое доминирование, изменение и управление являются предметами моральной озабоченности.

Но имеет ли право “дикое” что-либо требовать от человечества? Ответ на этот вопрос определяет моральный статус человеческого доминирования над природой. Обладает ли дикая природа, этот природный мир, нетронутый человеческим технологическим изменением, – обладает ли он моральной ценностью, которую стоит сохранять? Действительно ли создание технологического “нового мира” является моральным ущербом, вредом? Разрушает ли оно ценность оригинального исходного Нового Света после европейского открытия американской неприрученной и “дикой” нетронутой природы? Как мы определим методологию для ответа на эти вопросы?

Как раз в этом месте мои мысли возвращаются к моим встречам с виргинскими белохвостыми оленями на острове Файр. Олени не являются по-настоящему дикими, ибо они более не боятся человеческого присутствия на острове. Они, кажется, понимают, что летние обитатели острова – не охотники. Эти люди приходят с солеными сухариками, а не с ружьями. И все же имеются некоторые жители, которые весьма озабочены существованием оленей. Олени переносят клещей, которые в свою очередь участвуют в жизненном цикле возбудителя болезни Лайма. Олени пожирают цветы и овощи в ухоженных садах. Они непредсказуемы, могут сбить человека с ног. Таким образом, значительная часть человеческого населения острова хочет, чтобы на оленей охотились и/или удалили их с острова.

Даже сама мысль о возможной потере этих оленей беспокоит меня – и до недавнего времени я не вполне осознавал, почему. В моменты моих рациональных озарений я осознаю, что они не вполне “дикие”,

что они преуспевают и благоденствуют на острове Файр по причине неестественного отсутствия хищников; численность их популяции можно снизить без какого-либо заметного вреда для самого их стада или иных природных экосистем на барьерной косе. Тем не менее, они напоминают нам о том, что силы доминирования и подчинения не во всем и не всегда преуспели.

Бирч описывает процесс сохранения дикой природы как ее “заклочение”, “заточение” “технологической империей” – то есть, первичной, основной социально-политической силой современного мира. Весь процесс создания и поддержания (заповедников, заказников и прочих) резерваций дикой природы путем применения человеческого закона – есть противоречие, поскольку сама “дикость” (свойство, способность оставаться в диком состоянии) разрушается с помощью человеческой системы: “Заповедные участки (резервации) дикой природы не предназначены для того, чтобы быть исключенными из единой ткани доминирования, местами, где дозволена “анархия”, где природа действительно освобождена. Вовсе нет. Буква закона превышает всего. Точно так же, как резервации дикой природы создаются в соответствии с законом, в соответствии с законом же они могут быть и уничтожены. Всегда остается эта угроза полного уничтожения”.

Доминирование над природной “дикостью” – всего лишь один пример системы власти. Весь смысл, цель и значение имперской власти, ее наиболее основное законное обоснование, – дать людям контроль над иным.

Именно здесь Бирч видит противоречие – в имперском технологическом доминировании над дикой природой. “Дикое все еще здесь, и оно все еще дикое”, и оно поддерживает свою целостную сущность. Я полагаю, что дикое, “иное” в природе остается, поскольку его существование парадоксально необходимо для самих сил имперской власти. Если не имеется какого-либо “иного”, определенного в плане жертвы доминирования, то тогда власть и мощь импе-

рии становятся пустыми. Не будет ничего, на чем можно было бы применить власть. Но поддержание существования “дикого иного”, даже в весьма ограниченном масштабе в природных резерватах (заповедниках, заказниках, национальных парках и т. д.) под управлением правительства все же закладывает семена подрыва имперского доминирования технологии.

Поэтому Бирч рекомендует, чтобы мы именно так и рассматривали дикую природу (где бы мы ее не находили) как “священное место”, действующее как “непримиримая противодействующая сила по отношению к инерции тотализирующей власти”. Дикая сущность проявляется повсюду: “обочины старых дорог, дикие участки в пригородных дворах, ящики с цветами в городских окнах, трещины в тротуаре...” А в моей жизни она проявляется в присутствии виргинских оленей на острове Файр. Моя решимость сохранить оленей в окрестностях моего поселка есть часть моего сопротивления тотальному доминированию технологического мира.

Это сопротивление основано и на еще более глубокой моральной решимости и убежденности: олени сами по себе также члены моего морального и природного сообщества. Олени и я – мы партнеры в продолжающейся борьбе за сохранение автономии, свободы и целостности. Это общее партнерство создает обязанности перед частью человечества сохранять и защищать природный мир. Это и есть ЗОВ ДЕБРЕЙ, ЗОВ ДИКОЙ ПРИРОДЫ – моральный призыв, моральное требование мира природы.

Мы все находимся под впечатлением мощи и размаха человеческих технологических достижений. Почему бы ни расширить эту мощь еще дальше, до тех пор, пока мы не будем контролировать все, и доминировать над всей природной вселенной? Этой коварной мечте о доминировании можно положить конец только путем уважения свободы и самоопределения (везде, где они существуют), путем признания истинного размаха и протяжения морально-го сообщества в мире природы.

Будущее Движения освобождения животных

П. Сингер

Те, кто живет на эксплуатации животных, обороняются. Особенно исследователи. Многие лаборатории усилили охрану, но это дорогое дело, и такие деньги на заборы и ограждения, по-видимому, не всегда доступны для экспериментаторов – это как раз и нужно освободителям животных. Построить заборы вокруг всех ферм и фабрик еще более дорогое удовольствие. Не удивительно, что те, кто проводит опыты на животных, или выращивает их для получения пищи, надеются, что освобождение животных окажется всего лишь проходящей прихотью.

Этой надежде не суждено сбыться. Движение освобождения животных не остановится. Оно устойчиво развивается в течение более чем десятилетия. Это движение поддерживают широкие слои населения. Мы не имеем оправдания, обращаясь с животными, как с вещами, служащими нам для целей, которые мы находим для себя удобными, в таких развлечениях, как охота, или в лабораториях, используя животных как приспособление для определения безопасности нового пищевого красителя.

Но все еще стоит вопрос о том, каким курсом пойдет Движение. В Движении освобождения животных некоторые формы прямых действий имеют широкую поддержку. Принимая политику ненасилия против любых видов животных, человека или нечеловека, многие активисты верят, что освобождение животных из ситуации, где их заставляют страдать, а также предоставление им жилища, является оправданным. Они сравнивают это Движение с незаконной железной дорогой, которая помогает черным рабам найти дорогу к свободе; это,

как они говорят, единственно возможное средство помочь жертвам угнетения.

В худших случаях неоправданных экспериментов этот аргумент является правильным: но существует другой вопрос, который каждый, кто не просто заинтересован в немедленном освобождении десяти, пятидесяти или ста животных, а в будущих переменах, которые повлияют на миллионы животных, должен задать себе. Являются ли прямые действия эффективной тактикой? Разве эти действия не придают всего лишь определенное направление дебатам и не усиливают сопротивление реформам? Но кто-то скажет, что Движение просто завоевывает общественное мнение – и очевидно, что общественность сочувствует животным – и это приносит Движению больше хорошего, чем плохого. И это в основном так.

Теперь появились признаки того, что борьба только в самых незащищенных областях не является актуальной, так как все больше расширяется деятельность активистов Движения. Некоторые активисты даже работают вне деятельности, направленной на освобождение животных или на документальное подтверждение жестокости. В 1982 г. группа, которая называла себя “Миллиция прав животных”, посылала Маргарет Тэтчер сенсационные письма. Об этой группе никто никогда ничего не слышал, и, возможно, она не имеет никакого отношения к настоящим организациям защиты животных. Но несомненно “Группа возмездия охотникам”, ответвление от проводившей успешные операции Ассоциации диверсантов охоты, реально существует. Прерывать охоту для того, чтобы помочь животным скрыться – это одна сторона; но жадать “возмездия” для охотников – это совершенно другая сторона, которая в моральном плане вызывает очень сильное сомнение. (Если мы рассмотрим социаль-

Опубликовано: Сингер П. 1998, Будущее освобождения животных. Крик. 1998, № 1, с. 46-47. Сокращ. вариант.

ное положение и детский опыт большинства охотников, то их жестокое поведение становится объяснимым – и становится скорее вопросом сострадания, а не возмездия).

Я не утверждаю, что нелегальные действия всегда морально плохи. Существуют обстоятельства, когда даже при демократии морально оправданным становится неподчинение закону; и в Движении освобождения животных много хороших примеров таких обстоятельств. Если демократические процессы не функционируют успешно; если проведение опроса общественного мнения подтверждает, что огромное количество людей против многих видов экспериментов, а правительство все еще не принимает никаких эффективных действий, чтобы остановить эти эксперименты; если общественность большей частью не знает, что происходит на фермах и в лабораториях – тогда нелегальные действия могут быть единственно правильным путем помощи животным и ознакомления людей с реальными фактами происходящего.

Я проявляю беспокойство не потому, что попирается закон как таковой. А потому, что в будущем возможно усиление конфронтации, что приведет к образованию напряженной обстановки, в которой нет места осмысленным действиям, и, в конце концов, проблема животных может отступить на задний план. Напряженность между активистами Движения освобождения животных, с одной стороны, и фермами, а также некоторыми экспериментаторами, с другой стороны, – неизбежна. Но действия, которые привлекут общественное внимание, а также насильственные действия, которые приведут к причинению людям страданий, создадут напряженную обстановку во всем обществе, в целом весьма вероятны.

Задача освободителей животных – не допустить любого проявления насилия. Активисты освобождения животных должны

выступать против насилия, даже когда их оппоненты проявляют насилие по отношению к ним. Под насилием я понимаю причинение какого-либо физического вреда любому человеку или животному; я бы еще добавил также и те действия, которые приносят психологический вред, такие, как, например, страх или ужас. Легко согласиться с тем, что если некоторые экспериментаторы заставляют животных страдать, то было бы правильным заставить этих экспериментаторов также страдать. Но это мнение является ошибочным. Мы можем быть убеждены, что человек, который причиняет страдания животным – совсем бессердечный и черствый: но мы опустимся на один уровень с этим человеком, если причиним ему вред или будем ему угрожать. Все Движение освобождения животных основано на силе этического отношения к животным. Оно утверждает высокие моральные качества.

Вместо того, чтобы идти дорогой возрастающего насилия, Движение освобождения животных сделает намного лучше, если последует примеру самых известных и самых достойных лидеров Движений освобождения современности: Ганди и Мартина Лютера Кинга. Обладая огромной смелостью и решительностью, они придерживались принципа ненасилия, несмотря на провокации и в большинстве случаев насильственные действия их оппонентов. В конце концов, они добились успеха, так как справедливость их действий нельзя было отрицать, и их поведение тронуло умы даже тех, кто выступал против них. Борьба за расширение сферы морального отношения к животным, возможно, даже более сложная и долгосрочная задача, чем мы себе представляем, но если эта задача будет решаться с такой же решимостью и такими же моральными качествами, несомненно, это приведет к успеху.

Функции природных мест поклонения Ферганы

В.Л. Огудин

Классический набор культовых проявлений святынь земледельческих оазисов Ферганы составляют пещера (грот, трещина) с одним или несколькими входами; источник; желоб или скат на камне или участке скального склона; множество естественных или искусственных лунок и углублений на гранях или плоскостях крупных глыб и скальных останцов; деревья и кустарники, густо увешанные разноцветными ленточками и полотнищами материи. Среди всего этого многообразия на вертикальных плоскостях скал встречаются разновременные изображения.

В Фергане в древних земледельческих оазисах чрезвычайно широко распространено почитание культа подземных полостей – пещер, гротов, трещин, карстовых арок и проходов под камнями. Их размеры разнообразны, но почти во всех случаях обязательно наличие большого входа и одного или нескольких выходов. В низкогорье Ферганы, богатым касторовыми известняковыми породами, насчитывается 203 пещеры, среди которых 63 служат объектами поклонения. Подземные полости почитаются как выходы в мир предков, как чрево богини Земли, средство против бесплодия и как средство очищения. Ритуальный проход сквозь пещеру символизировал собой обновление, а возможно, и рождение.

Ярким примером культовых проявлений маздаизма служит островная горка Тахти-Сулейман. На ее склонах обнаружено 27 горизонтальных обрядовых площадок, 22 ската, 5 желобов, 6 естественных каверн, 8 групп лунок, 3 почитаемые трещины и 6 пещер и гротов. Сосредоточены они преимущественно на восточных и южных склонах.

Опубликовано: Огудин В.Л. Места поклонения Ферганы как объект научного исследования. - Этнографическое обозрение. 2001. № 1, с. 63-79, сокращенный вариант.

Святыни на вершинах гор или на берегах озер оформлены иначе, чем в земледельческих оазисах. Здесь преобладают груды камней или их выкладки – вертикальные и пирамидальные сооружения, кольцеобразные, спиралевидные, квадратные и тому подобных видов. Широко распространена наброска мелких камней на плоскости более крупных. В целом святыни напоминают южно-сибирское *обоо*, но со специфическими среднеазиатскими особенностями. Например, на ферганских “*обоо*” отсутствует *шэрээ* – холмик из сожженных костей и несъеденных остатков жертвенных животных, образовавшийся за годы постоянных подношений, что типично для культа почитания духа – хозяина местности. Обряды, совершаемые в настоящее время на местах поклонения мусульманами-скотоводами такие же, как и у мусульман-земледельцев, и не позволяют выявить какие-то характерные особенности, сближающие их с южно-сибирскими обрядовыми действиями. Внешняя, мусульманская сторона ритуала посещения святынь скрывает типичные для Ферганы фрагменты домусульманской обрядности, часто связанной со “специализацией” места поклонения.

Типичной скотоводческой святыней является и в настоящее время озеро Кутманколь (Гуппан-Куль или Куль-Купан) под горой Баубашата. Озеро Кутманколь находится в бассейне реки Майллысуу (Северо-восточная Фергана). На вершине завала, послужившего причиной образования озера Кутманколь, построены пять домов, покрытые железом. Неподалеку стоит навес. Внутри домов, где останавливаются паломники, имеется большое количество посуды, чайники, пиалы, котлы. Несколько дальше в озеро выдается пологий мыс, на вершине которого возвышается строение из бревен. Это местная мечеть. Она обнесена провололочным забором. Несколько кустов, расту-

щих рядом, полностью обвязаны бесчисленными ленточками и тряпочками. К мысу ведет “тропа обоо”. Слева и справа от тропы возвышаются сотни кучек камней, сложенных людьми. Кроме них повсюду видны камни, набросанные слоем на плоские поверхности больших камней или сложенные по уступам крупных глыб, и небольшие столбики из трех-пяти каменных плиток. Характерно, что “обоо” складывают не на земле, а только на крупных и высоких камнях. Создается впечатление, что ходишь в каменном лесу. Рассказывают, что на берегу озера женщины молятся о том, чтобы бог послал им ребенка при бездетности, или мальчика, если рождаются одни девочки. На мысе озера находится огромная глыба (высота 3 м, длина 4,5 м и ширина 3 м), называемая Бешик-Таш (кирг. “Каменная люлька”). На ее каменной полке женщины укладывают свою “просьбу” – камешек. Их там уже сотни штук. Сверху камешки прикрывают длинными белыми полотенцами. Камень символизирует люльку (*бешик*), где лежит будущее дитя. На мысе, ближе к озеру, установлены туги.

Экологическая функция мест поклонения. Народы, жившие в Фергане в доисламский период, делили Вселенную на три мира: небесный, земной и подземный. На небе помещали богов, на земле – человека и бесчисленных хозяев местности, под землей – предков. Все объекты и явления природы представлялись людям одушевленными и находились в сложных взаимоотношениях с ними. Природные места поклонения казались соединяющим мостом между силами трехчастного мира. С приходом ислама внешняя сторона мировоззрения населения кардинально изменилась. Но, поскольку жизнь земледельцев и скотоводов продолжалась в тех же природных условиях, смешение взглядов сформировало синкретический (народный) ислам, почти во всем отличающийся от классического. Мусульманский святой стал играть роль проводника в подземный мир предков и посредника (заступника) между людьми и Аллахом, т. е. соединять собой нижний и верхний миры.

Многовековое охранение мест поклонения выработало устойчивые представления о незыблемости мирового порядка, доколь будут существовать святыни. Зоны сакральной чистоты, окружающие объект поклонения, в совокупности выступают как микробiosферные заповедники, своего рода эталоны типичной природной среды, способствующие сохранению биоразнообразия на местах.

Консолидирующая функция мест поклонения. Критерием для изначального освоения какой-либо территории определенным человеческим сообществом обязательным было наличие достаточного количества жизненно важных ресурсов, гарантирующих ведение традиционного хозяйства, способных обеспечить группу людей определенной численности. Условным центром каждой освоенной территории становились родовые места поклонения, т. е. места, где в определенное время собирался род для проведения общественных молений и жертвоприношений. Люди ощущали себя под защитой святыни и при любых обстоятельствах старались находиться в пределах территории ее влияния.

Впоследствии в некогда освоенных зонах, ставших уже зонами традиционного природопользования, мазары, сменившие места поклонения, стали выполнять ту же консолидирующую функцию. Но постоянный прирост населения в позднесредневековой Фергане, происходивший за счет переселенцев из областей Внутреннего Тянь-Шаня, Кашгарии, припамирских стран и Самаркандского оазиса, требовал освоения ранее не используемых земель. На них возникали новые мусульманские мазары самого распространенного четвертого порядка. Известны случаи, когда одну и ту же святыню посещали жители нескольких десятков селений. Мазары, завершающие крупные магистральные каналы Соха или отдельные их части, обычно служили средоточием кладбищ, причем кладбища кругом широко известных “святынь” принадлежали многим селениям, расположенным в окрестности данного мазара, в радиусе 10–15 км. Кладбищем мазара Ходжа Турапа

пользовались ближайшие 40 селений; “святыни” Шахимардано-Исфайрамской системы зачастую служили центром кладбища, общего для 10 селений. Обычно называется 24 селения, цифра, характерна для местного традиционного фольклора. Число селений четко выявлялось в дни жертвоприношений, связанных с поминанием усопших, коллективных жертвоприношений во время *сайлов* и *дарвишона*. Эта система населения земель в мало измененном виде сохранилась до настоящего времени, несмотря на административный передел (районирование) территория Ферганы в советское время.

Способность людей консолидироваться вокруг мест поклонения позволяет районировать земли традиционного природопользования по новому принципу, в основе которого лежит расселение этнических и социальных групп вокруг культовых центров. При этом ареалы заселения территорий выявляются по самоопределению, причастности представителей групп населения к тем или иным местам поклонения.

Коммуникативная функция мест поклонения. В недавнем прошлом сезонные народные гулянья (*сайль*) с обязательным посещением мазаров святых были широко распространены среди ираноязычного населения Средней Азии и Северного Афганистана. Шейхи мазаров и странствующие суфии в своих речах и действиях открыто занимались на них агитацией, пропагандой и формированием общественного мнения.

В советское время коммуникативная роль мест поклонения была утрачена, так как популярные в народе мазары, не имевшие архитектурного значения, разрушили, запретили массовые религиозные собрания и соответственно паломничество. В целом это не означало гибель религиозной культуры, так как отдельные люди хранили традиционные знания и многие верующие, страшась Аллаха больше, чем советскую власть, продолжали посещать почитаемые святыни. На местах всегда можно было найти информатора, в памяти которого накопились сведения о местных святынях и событиях, связанных с ними. Власти унич-

тожали сеть антисоветской пропаганды, ограничивали возможность посещения народом культовых “информационных” центров, поэтому система *узун-кулак* (узб. “длинное ухо”), регулирующая общественное мнение, перешла на подпольное существование.

Ситуация резко изменилась в момент провозглашения “перестройки”. Вначале религиозное сознание верующих испытало эйфорию от снятия запретов. Местные мусульмане с благодарностью отзывались о деятельности М.С. Горбачева, утверждая, что “он разрешил свободно молиться”.

Оздоровительная функция мест поклонения. Природные ландшафты условно делятся на три категории: “санагенные” (“животворные”) – курортные местности, наделенные максимальным количеством благоприятных природных факторов; “нормагенные” (буквально “порождающие норму”), каких большинство; “патогенные” (“болезнетворные”) – их избегают и даже запрещают посещать. Население Ферганы в своей массе проживает в основном в пределах нормагенных ландшафтов и в малом количестве в ландшафтах санагенных.

Некоторые обширные санагенные местности Ферганы, например, Арслан-Боб, Чарвак-Дувана, за необыкновенные целебные свойства почитались населением на уровне мазаров. В других случаях святынями признавались долины рек или ущелья, например: Аксамай-Ата и Ходжа-Тиш (Южная Фергана), сориентированные в пространстве с востока на запад. В них солнце пребывает в течение всего дня, много воды и густая, буйная растительность. Следовательно, благоприятные экологические факторы объективно отражают степень людских представлений о святости отдельных местностей.

Население с нормагенных территорий стремится во время весенне-осенних праздников (*сайль*) посетить микросанагенные оазисы предгорных мазаров или провести часть летнего отпуска в почитаемых макросанагенных местностях, что считается весьма благоприятным для здоровья.

Пришло время нового осмысления. С момента моего вступления в должность директора Мильеконтакта я регулярно провожу ознакомительные беседы об экологическом движении Нидерландов для активистов природоохранных организаций из восточно-

европейских и центрально-азиатских стран. Картина, складывающаяся из краткого описания, кажется моим гостям слишком красивой, чтобы быть правдой: широкая развитая сеть организаций с хорошим финансированием и профессиональными кадрами, оказывающие влияние на принятие политических решений. Если я рассказываю еще и о трех миллионах человек, так или иначе принимающих участие в деле защиты природы, о финансовой помощи, получаемой от правительства, о Почтовой лотерее, которая, как в сладком сне, вносит ежегодно 350 миллионов на благотворительные цели, они не верят своим ушам. В их понимании Нидерланды – это рай для экологического движения. Кроме этого, производит впечатление, что природоохранные и экологические организации находят в Нидерландах больше поддержки от населения, насчитывают большее количество человек, работающих в этой сфере, и имеют большее влияние на принятие политических решений, чем в иной другой стране мира.

Можно сказать, что движение по охране окружающей среды в Нидерландах находится на гребне общественного движения. Организации превратились в общественные институты и принимают участие в важнейшем совещательном органе правительства – SER (Общественно-экономический совет). Экологические лоббисты имеют не-

сколько каналов доступа к центру власти. Сотрудники экологических организаций – настоящие профессионалы, каждый в сво-

ей собственной области. Спонсоры и члены организаций переложили свои обязанности на профессионалов и слепо верят, что интере-

сы природы будут хорошо соблюдаться.

Возможно, экологическое движение действительно сформировалось, но процесс нельзя назвать завершенным. Давайте посмотрим правде в глаза: нидерландское экологическое движение, как социальное явление, почilo в бозе. Типичные приметы общественного движения: массовое участие, высокий уровень мобилизации на проведение внепарламентских кампаний, появление новых организаций, среди которых голос даже самых малых может быть услышан – все это в прошлом. Общественное движение, существовавшее когда-то, подготовило почву для конгломерата неправительственных организаций, которые считают, что их влияние на принятие решений приведет к улучшению состояния природы и окружающей среды. И действительно, это влиятельный и профессиональный конгломерат, но в то же время некоторые его действия являются причиной для самокритики.

Как следствие процедуры учреждения, влияние экологических организаций на политику правительства возросло, но возможности, как самих членов экологических организаций, так и поддерживающей их общественности, способствующие проведению своей собственной политики, значительно снизились. В крайнем случае, есть отдельные личности, имеющие влияние. Но и они предпочитают не слишком вмешиваться в мнение специалистов. Складывается ситуация, когда небольшое количество экспертов из экологических организаций определяют, что думает экологическое движение в целом о генной инженерии, аэропорте Схипол, автомобильном транспорте,

Проблемы экологического движения

Е. Доннер

Нидерланды, Мильеконтакт Ост-Европа

охране природы и изменении климата. Хотя в этом и есть их предназначение. Члены организаций и доноры переложили свою ответственность на плечи экспертов. По иронии судьбы, такая вот экспертократия была, фигурально выражаясь, тем ужасом, с которым раннее экологическое движение так неистово боролось.

Вторую особенность развития я бы назвал “проектификацией”. Многие организации, в том числе и наша, в высшей степени зависят от субсидий. В этой нескончаемой карусели заявлений, выплат, осуществлений и отчетов истинные цели и задачи проектов отходят иногда далеко в сторону от стратегии и политики организации, так что напрашивается вопрос: а принимаются ли в расчет интересы защиты природы?

Правительство, которое часто выступает в роли спонсора, оказывает огромное влияние на содержание проекта, так как количество обращений за субсидиями, как правило, в три-пять раз превышает возможности. Правительство определяет критерии, выбирает проекты и оценивает их исполнение. По сути дела, эти проекты есть ни что другое, как правительственная политика, проводимая в жизнь экологическим сектором. Формулировка “движение” не имеет с этим ничего общего.

Третье положение заключается в возросшем значении совета извне. Создается впечатление, что приглашенные со стороны советники во многих отношениях занимают место заинтересованного члена организации. Они советуют менеджеру, как сформулировать миссию, какой стратегии придерживаться, как наладить связь с общественностью и какую структуру организации выбрать. В некоторых, особенно очень больших организациях, советники по маркетингу имеют большое влияние, они, правда, привлекают больше спонсоров, но это, в свою очередь, ставит под угрозу независимость политики. Поддержка общества становится настолько важной, что бывает затруднительно сделать здравый выбор в сторону приоритетов охраны природы. Тем

самым возникает фундаментальная проблема, когда вопросы охраны природы, не совпадающие с желаниями сотен тысяч рядовых доноров, не берутся во внимание. Остаются только внешне привлекательные кампании, которые уделяют внимание симптомам, но не решают всей проблемы в целом.

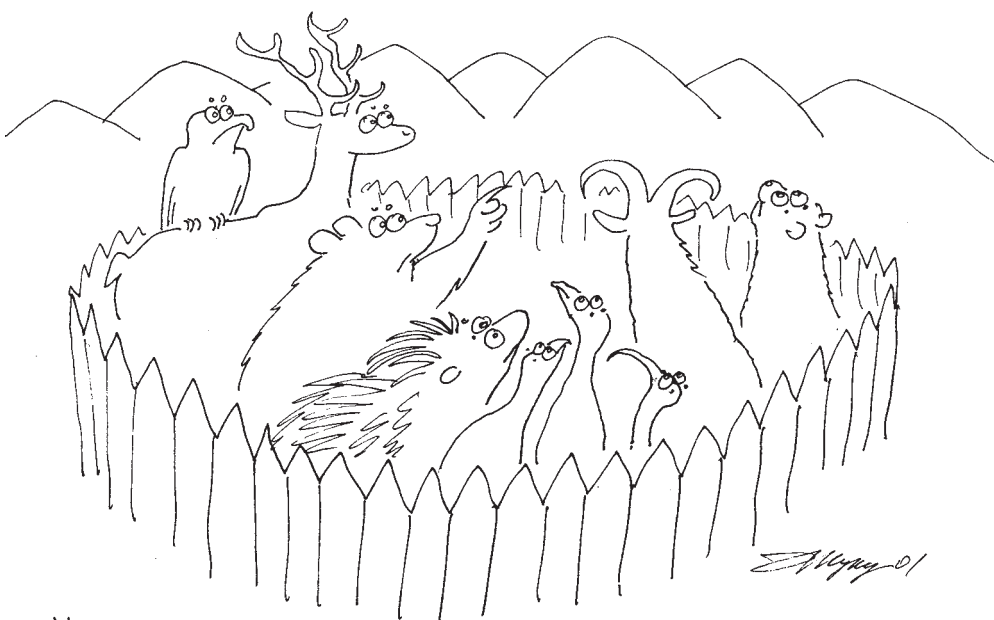
Четвертый момент в развитии можно назвать “семинаризацией”. Вполне реально, что будучи профессиональным экологом, вы заполните свои дни участием в семинарах, конгрессах, консультациях и других очень интересных собраниях, с результатами абсолютно не оправдывающими затрат. Конечно, мы живем в мире развитой сети и, конечно же, на подобного рода встречах вы можете наладить важные контакты. Но очень часто трудно проследивается связь между намерениями и окончательной целью защиты окружающей среды. Пятым моментом в развитии является то, что экологические организации все больше озабочены поисками их миссии и предназначения. Общественная жизнь усложняется, изменяются позиции организаций, значение рядовых членов организации и поддерживающей их общественности не является больше главенствующим фактором – и что тогда?

Что является целью, какая организационная структура более подходит, какова позиция организаций-единомышленников и в то же время конкурентов? Это напоминает стремление приблизиться к линии горизонта; как только организация считает, что достигла желаемой позиции, весь процесс начинается сначала, потому что действительность меняется слишком быстро. То, что многочисленные коллеги стремятся включиться в процесс решения этих проблем и иметь голос в принятии решений, отнюдь не помогает делу – экологические организации имеют до некоторой степени открытую горизонтальную структуру, которая относится к тем дням, когда они были еще общественным движением. Все вместе – продолжающиеся поиски своего места и предназначения – отнимают столько вре-

мени и энергии, что это определенно не идет на пользу делу охраны природы.

И последнее, что хотелось бы отметить, то, что я назвал бы “легко решаемые задачи”. Некто, довольно долго вращающийся в авторитарных кругах и имеющий опыт ведения переговоров и поисков компромиссов, старается ставить перед собой легко решаемые задачи. Это влияет на характер организаций. Творческий дух и воображе-

ние все больше отступают на задний план, пока совсем не покидают организацию. Это прискорбная потеря, потому что все это так важно для вдохновения и воодушевления, которое когда-то присутствовало и было фундаментом для идеи, которая поначалу всем казалась воздушным замком. Экцентричные гении сейчас почти исчезли из организованного экологического движения.

— Когда-то мы жили там, высоко в горах... А потом пришли люди и реализовали План действий по устойчивому развитию гор...

Рис. Э.Д. Шукурова.

Редакция “Гуманитарного экологического журнала” поздравляет члена редколлегии журнала **Эмиля Джапаровича Шу-**

курова с 65-летием! Желаем юбиляру крепкого здоровья, счастья и успехов на поприще охраны природы!

Международный проект “Любовь к природе”: некоторые итоги семи лет

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Ровно семь лет назад Центр охраны дикой природы издал специальный выпуск своего бюллетеня “Охрана дикой природы” (№ 11, декабрь 1996 г.), названный “Про эко”, в котором были помещены различные статьи по экофилософской, экотеологической, экоэтической, эстетической теме (к сожалению, в новом формате это издание практически полностью отказалось от этой очень важной и нужной тематики). Именно спецвыпуском “Про эко” было заявлено рождение нового совместного российско-украинского проекта “Любовь к природе”, участие в котором приняли Центр охраны дикой природы, Экоцентр “Заповедники” и Киевский эколого-культурный центр.

Его организаторы заявили в передовой статье: *“Мы считаем, что природоохранное движение сможет завоевать много новых сторонников, если научится в открытую апеллировать к более широкому набору чувств и ценностей, свойственных разным людям, будет лучше понимать и учитывать в своей работе то, что люди готовы охранять природу не только ради “сохранения генетического разнообразия” и “поддержания экологического баланса”. Люди, занимающиеся охраной природы, сами вольны разделять или не разделять те или иные ценности и мотивации, но уметь видеть их в обществе и научиться считаться с ними должен каждый из нас. Мы надеемся, что проект “Любовь к природе” будет стимулировать изучение всех возможных мотиваций к охране природы и того, как они представлены в разных слоях общества”*.

В дальнейшем этот проект стал одним из главных в деятельности Киевского эколого-культурного центра. Среди основных задач проекта нами были названы: анализ мирового опыта пропаганды эко- и биоцентрических идей; осмысление природоохранных

как духовного опыта человечества; развитие экологической этики и природоохранной эстетики; разработка новой природоохранной идеологии; повышение значимости нематериальных ценностей дикой природы; возрождение духовности в природоохране; разрушение антропоцентризма и т. п.

Естественно, осуществление столь сложных и разноплановых задач сразу натолкнулось на массу проблем. Одна из них – яростное нежелание некоторой части природоохранников (на кого, собственно говоря, в основном и направлен наш проект) хоть как-то обсуждать вопросы экологической этики и философии. Причины чего видятся, прежде всего, в односторонности отечественного естественного образования, а также в национальной культурной традиции нетерпимости к инакомыслию. Другой серьезной проблемой являлось почти полное отсутствие соответствующей современной экофилософской литературы в библиотеках СНГ. Однако частично мы этот вопрос решили, заказав наиболее интересные работы в США и Канаде. Так или иначе, со скрипом, но проект “Любовь к природе” начал реализовываться. Сейчас можно говорить о четырех наиболее удачно развивающихся его направлениях, на которых я хотел бы остановиться более подробно.

1. Разработка экологической этики

Мировой опыт свидетельствует о том, что этические ценности природы оказывали значительное влияние на ее охрану. Например, еще в начале XX века российскими пионерами охраны природы профессорами Г.А. Кожевниковым, А.П. Семеновым-Тянь-Шанским, В.И. Талиевым и другими был разработан так называемый этико-эстетический подход в заповедном деле, основываемый на высоком оценивании этической и эстетической ценностей дикой

природы. Так, классик отечественного заповедного дела Г.А. Кожевников еще в 1908 г., впервые в России, заявил о правах дикой природы на существование. Об этом же в своих работах писал А.П. Семенов-Тянь-Шанский, призывая охранять природу не только по причине ее утилитарной полезности для человека, но и по причине ее самоценности. В США в 1964 г., при принятии Конгрессом США Закона о дикой природе, широко использовались этические аргументы о праве дикой природы на выживание.

К сожалению, уже в конце 1920-х годов в СССР, по известным политическим причинам, этические ценности дикой природы не стали учитываться в практике и теории отечественной охраны природы. Это привело к господству в природоохране откровенно утилитарных взглядов, когда заповедники нередко используются в хозяйственных целях, а сами профессионалы в области охраны природы и биоразнообразия ничего плохого не видят в том, чтобы лично убивать диких животных на любительских охотах ради развлечения. Многие ученые-зоологи для научных исследований добывают в заповедниках огромное количество животных (только в одних российских заповедниках ради науки губится более 10 тыс. крупных млекопитающих ежегодно), чем дискредитируют само этическое понятие заповедности.

Вместе с тем, как показывают отдельные социологические исследования Киевского эколого-культурного центра, этические ценности и мотивации по охране природы являются одними из основных в сознании жителей Украины.

Однако они практически не задействованы ни в экологическом образовании, ни в развитии общественного экологического движения, ни в экологической политике, что значительно ослабляет общественную поддержку усилий по охране природы. В качестве примера можно привести анализ, проведенный Киевским эколого-культурным центром, популярной и научно-популярной литературы по заповедному делу, изданной в Украине с 1955 по 1995 гг. Согласно ему, ни в одной книге не говорится

об этических ценностях дикой природы и охраняемых природных территорий.

Поборники традиционных методов охраны природы большие надежды возлагают на экономику, право и экопросвещение, основанное на знании естественных наук. Однако рыночные отношения чаще всего заставляют человека действовать по принципу “что ему выгодно”, не обращая внимания на ценность экономически незначимых видов природы, знания экологии не всегда вызывают желание защищать природу, а законы часто меняются. Однако существует еще добровольная ответственность, которая проявляется в виде морали. Возможно, добровольно принятая ответственность в гражданском обществе на основе экологической этики эффективно дополнит такие методы природоохраны как экономические рычаги, право и экологическое образование. Нельзя действовать без этических норм. Людям нужен идеал, на основе которого формируется реальное. Ведь, по большому счету, главным источником экологического кризиса является моральная распущенность. Наиболее серьезный вид загрязнения – загрязнение ума и сердца. Поэтому экологический кризис – это прежде всего моральный кризис, и он требует морального решения, для чего необходима разработка экологической этики.

К сожалению, в настоящее время в странах СНГ имеется крайне мало аналитических работ по аналогичной теме. Отдельные публикации касаются лишь частных вопросов, в основном теологических, являются обзорами зарубежных работ или посвящены отдельным социологическим исследованиям нематериальных ценностей природы в сознании жителей России. Следует особо отметить, что такие кардинальные вопросы экологической этики, как нематериальные и внутренняя ценности дикой природы, природоохранные мотивации населения, естественные права дикой природы, ее видов и особей, а также экзотические принципы отношений с природой не часто обсуждались в СССР и на постсоветском пространстве. К сожалению, за редким исключением, тема использования этической

ценности и этических природоохранных мотиваций из науки и общественной практики переместились в сферу художественной литературы (О. Волков, “Клад Кудеяра”; В. Астафьев “Царь-рыба”; В. Распутин, “Прощание с Матерой” и т. д.).

Мы неоднократно сталкивались с проблемой, что современная экологическая наука не всегда достигает эффективного воздействия на человека, действуя только на разум, а не на его чувства. В природоохранной теории и практике упор делается на естественные науки, редко используются гуманитарные знания и общечеловеческие идеальные ценности, что значительно сужает поддержку экологической политики со стороны гражданского общества.

Вместе с тем, нередко важнейшие природоохранные дискуссии в обществе, значительно повлиявшие на осуществление экологической политики государства, имели более нравственную, чем научную или экономическую аргументацию.

Все это привело наш Центр к осознанию необходимости разработки и популяризации идей экологической этики, одной из главных задач которой является пробуждение совести человека при помощи воздействия на него различных этических, религиозных и культурологических мотивов.

Особенно важной, на наш взгляд, являлась разработка механизма использования этических идей и ценностей в природоохранной практике (экологическом воспитании и просвещении, заповедном деле, зеленом движении, природоохранном законодательстве и т. п.)

К одному из таких механизмов регулирования взаимоотношений с дикой заповедной природой можно отнести этические принципы заповедного дела, разработанные Киевским эколого-культурным центром, доработанные и принятые на Международной школе-семинаре “Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты” (“Трибуна – 8”), состоявшейся в Киеве в мае 2002 г.

Этические принципы – это положение определенной этической теории. Они играют роль этического идеала и ориентируют

на будущее. Этические принципы существуют в виде заповедей, норм, правил, законов и указывают, как должен действовать человек. Следует добавить, что их принятию предшествовала бурная дискуссия, они обсуждались на страницах газеты “Заповестник”, журналов “Заповідна справа в Україні”, “Гуманитарного экологического журнала”, им были посвящены два семинара, проводимые Центром охраны дикой природы и две Международные школы-семинара “Трибуна” в Киеве. В настоящее время они уже цитируются рядом учебников по заповедному делу, например, изданных в Ужгороде.

Другой важнейшей разработкой в области нормативной экологической этики является “Примерное положение об этической экспертизе на научные исследования в заповедниках и национальных парках”. Идея создать такой документ 6 лет назад была высказана А.А. Никольским, и также с успехом была воплощена на школе-семинаре “Трибуна – 8” в Киеве. Особенно хочется поблагодарить А.А. Никольского, В.Н. Грищенко и А.В. Зименко, которые в довольно сжатый срок сделали все, чтобы Примерное положение появилось в свет.

На сегодняшний день этот документ, с небольшими изменениями, утвержден Государственной службой заповедного дела Украины. Государственной службой заповедного дела Минэкоресурсов Украины утвержден весной 2003 г. и другой важный документ, долгое время разрабатывающийся нашим Центром в рамках проектов “Любовь к природе”. Это – “Методические рекомендации по проведению эстетической оценки территории с целью заповедания”. Это – первая в СНГ подобная разработка для заповедного дела.

Другим важнейшим достижением проекта “Любовь к природе” является разработка и утверждение на международном семинаре “Трибуна – 9” (Киев, май 2003 г.) четырех деклараций прав природы: Всеобщей декларации прав природы, Декларации свободы дикой природы, Декларации прав живых существ и Декларации о необходимости признания прав природы Кос-

моса. Следует отметить, что благодаря нашей деятельности идеи прав природы начинают постепенно поддерживаться в среде природоохранников. В частности, о защите прав природы сказано в новой (2003 г.) редакции программы студенческих ДОП “Фауна”.

Проект “Любовь к природе” синицировал чтение спецкурсов по экоэтике и экофилософии в Киевском и Черновицком университетах, Московском городском психолого-экологическом университете, Дальневосточном государственном аграрном университете в г. Благовещенске.

На международной школе-семинаре “Трибуна – 8” была создана инициативная группа по организации Ассоциации естествоиспытателей за гуманное отношение к природе, учредительный съезд которой состоялся в сентябре 2003 г. Недавно Киевским эколого-культурным центром разработан и внесен через депутатов в Верховный Совет Украины проект Закона Украины “О гуманном отношении к животным”, в основу которого легли многие экоэтические положения.

2. Информационная деятельность

Как я уже писал, значительной проблемой в реализации проекта “Любовь к природе” являлось практически полное отсутствие отечественной и зарубежной литературы по данной теме. В связи с чем Киевским эколого-культурным центром был создан первый в СНГ сайт по экологической этике и гуманитарной экологии (www.ecoethics.ru), стал выпускаться “Гуманитарный экологический журнал” (уже вышло 11 номеров), а также издано большое количество другой отечественной и переводной литературы. Нами переведены и изданы книги Линды Грэбер “Дикая природа, как священное пространство”, Гуго Конвенца “Практика охраны памятников природы”, Родерика Нэша “Дикая природа и американский разум” и “Права природы. История экологической этики”, а также Рика Скарса “Эковоины. Радикальное движение в защиту природы”, Питера Синге-

ра “Освобождение животных”, Дэйва Формена “Исповедь эковоиона” и “Экотаж”. Изданы такие известные на Западе экофилософские работы, как роман Эдварда Эбби “Банда гаечного ключа”, сборник эссе Джэка Тернера “Дикость и дикая природа”, готовится к изданию книга Тома Ригана “Права животных”.

На страницах “Гуманитарного экологического журнала” мы открыли нашему читателю имена Эдвина Бернбаума, Бэрда Кэлликотта, Джона Мюира, Яна Павликовского, Ролстона Холмса III, Гарри Снайде-ра и др.

Среди работ отечественных специалистов, изданных КЕКЦ, особо следует отметить книги Н.В. Шарлеманя “Природа и люди Киевской Руси”, Н.В. Морохина “Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья”, и “Тусиная дорога. Размышления о судьбе природно-культурных памятников”, Ф.Р. Штильмарка “Поэтическая экология”, Т. Горичевой “Святые животные”, Т.Н. Павловой “Биоэтика в высшей школе”, К.Н. Горба “Концепция и общие методические принципы создания охраняемых природных территорий в зависимости от эстетической ценности природных ландшафтов”, И.М. Коваленко “Священная природа Крыма”, сборник стихов “Лицо Бога в дикой природе”.

3. Народная охрана природы

Это направление – одно из самых популярных в проекте. В той или иной мере сейчас им занимается более 20 организаций или отдельных лиц в России и Украине.

Объединяющей идеей является та, что различными этносами в течении многих лет выработаны особые экофильные традиции по отношению к природе, которые необходимо изучать и использовать в природоохране. Наиболее перспективными являются сохранившиеся во многих регионах стран СНГ сакральные природные объекты – священные рощи, деревья, ключи, горы, острова, озера и т. д. Эти объекты являются своеобразными народными “заповедни-

ками”, где местное население не по государственному закону, а благодаря давно установившейся традиции охраняет эти территории, имеющие, нередко, огромное значение для защиты биоразнообразия.

К сожалению, долгое время природоохранники практически не обращали на них внимание. Не были разработаны даже соответствующие методики работы. Первый документ по этой теме – “Рекомендации по охране сакральных природных объектов” был подготовлен Киевским эколого-культурным центром при участии Центра охраны дикой природы и Экоцентра “Заповедники” и принят на Международной школе-семинаре “Трибуна – 8”.

Следует также сказать и о современной практике защиты сакральных природных объектов. Очень приятно отметить, что во многих регионах России и Украины – в Нижегородском Поволжье, Северной Осетии, Удмуртии, Байкале, Русском Севере, Кировской области, Киевщине, Крыму ведутся большие работы по выявлению и взятию под охрану государством сакральных природных объектов. Над которыми, ввиду радикальных земельных реформ в этих странах, нависла угроза уничтожения. Так, в Нижегородской области, благодаря деятельности культурологического объединения “Китоврас”, уже заповедано более 50 священных марийских, мордовских, татарских и русских рощ, деревьев и ключей. Киевским эколого-культурным центром в Житомирской, Черниговской, Черкасской области и в г. Киеве выявлено и заповедано 14 священных криниц. По нашим рекомендациям Государственная служба заповедного дела Украины выдала специальный циркуляр, обязывающий его областные подразделения обратить внимание на заповедание сакральных природных объектов. Следует также добавить, что недавно Киевский эколого-культурный центр через народных депутатов внес предложение в Верховный Совет Украины о дополнении Закона Украины “О природно-заповедном фонде Украины” новой категорией “культурный природный объект”.

4. Координация усилий по защите дикой природы

XXI век ознаменовался в странах СНГ опасной тенденцией – активным уничтожением природных заповедников, заказников, национальных парков, участков дикой природы. Конкретный пример – Дунайский биосферный заповедник, где коммерческие компании, объединившись с государственными чиновниками, проталкивают идею проведения через заповедник судоходного канала. Не очень успешная борьба за него привела меня и некоторых моих коллег к мысли, что так, как мы защищали заповедники последние 10–15 лет, в настоящее время эффективным назвать нельзя. Наша работа по защите дикой природы должны быть кардинальным образом пересмотрена.

Это касается не только практики защиты дикой природы, но прежде всего – самой идеи защиты природы, которая требует доработки и обновления. Как я полагаю, созрела необходимость определения идей, отстаивающих дикую природу вообще, как некогда разработанная философия человеческой свободы стала основой конкретных гражданских прав. Такая новая философия охраны дикой природы может быть сформулирована на основе синтеза естественных наук, гуманитарных знаний и идеальных общечеловеческих ценностей. Согласно новой философии, дикая природа должна иметь права на существование, свободу, жизненное пространство, достоинство и понимается не только как малоизмененные экосистемы, но и как Совершенно Иное, священное пространство, другая цивилизация, требующая уважения.

В Украине при участии нашего Центра в сентябре 2002 г. создана коалиция украинских НГО “За дикую природу”, объединившаяся на основе такой философии и взявшая на себя защиту заповедников и других участков дикой природы не только в Украине, но и в России и Беларуси. По этой теме мы также готовим Первую международную (в рамках СНГ) конференцию по дикой природе, которая должна состояться в Киеве в мае 2004 г.

О месте “Экологической этики” в программе высшей школы

Н.В. Калинина

Дальневосточный государственный аграрный университет, г. Благовещенск

*Алтарь богини рабства перед нами.
Но час пробьет – и он падет!*

Рабиндранат Тагор.

Я являюсь преподавателем философии аграрного вуза, расположенного в далекой глубинке России на границе с Китаем. Наш университет, занеся ногу в миллениум, так и остался в веке минувшем, соответствуя всем стандартам провинциального учебного заведения.

Преподавание экологии у нас построено всецело на ресурсном подходе, формируя у студентов отношение к природным объектам исключительно как природным ресурсам. Не отягощенные моральными нормами студенты во время прохождения практики берут пример со своих зачастую нечистых на руку наставников – егерей, охотоведов, лесничих, рыбинспекторов и инспекторов заповедников. Я знаю примеры, когда представители студенческих дружин охраны природы промышленяли незаконной охотой во время рейдов. Таким образом, смолоду у ребят формируется двойственное отношение к природоохранной морали. Получается, что каждый год вуз выпускает дипломированных браконьеров-“природоохранников”. За каждым не досмотришь и каждому в душу не заглянешь. И начинать нужно с экологической этики, хотя бы по принципу “ознакомлен, значит предупрежден”.

Главная проблема, существующая в нашем регионе в области охраны природы – это недостаточная информированность в сфере экологической этики, отсутствие целенаправленного экологического просвещения гуманистической направленности. Мало кто вообще знает о существовании экологической этики или имеет очень смутное представление об одной (даже у себя на

кафедре философии я столкнулась с непониманием, в частности, с убежденностью моих коллег, воспитанных на догматических принципах научного коммунизма, в утопичности многих идей). Например, Гринпис известен у нас лишь своими зрелищными акциями преимущественно скандального характера, а не идеологией, а WWF – благодаря своим красочным плакатам и наклейкам. Процесс формирования экологического сознания на Дальнем Востоке в связи с этим идет особо медленно и тяжело.

Первой реакцией студентов, вызванной преподносимым мной материалом, было неприкрытое удивление. Словами бы это было выражено что-то на подобие: “Какая Природа, какие права животных, когда до людей никому дела нет!”. Далее следовали пессимистические замечания истинных членов общества потребления: “Что я могу сделать, мир все равно не изменишь”. Поэтому для меня первоочередной, хотя и очень сложной, задачей было попытаться изменить сложившуюся под влиянием окружения установку человека-обывателя на установку человека-гражданина. Основной акцент в связи с этим был сделан на психологическом выборе человека, который персонально несет ответственность за производимые им действия и, следовательно, способен внести посильный вклад в оздоровление окружающей обстановки, как профессионал и как гражданин.

Я глубоко убеждена, что преподавание “Экологической этики” в студенческой аудитории должно идти в связке с изучением фундаментальных этических норм, тра-

диционно существующих в человеческом обществе, и быть направлено на формирование личности, ориентированной на потребности духовного познания мира. Пока в нашем обществе будут превалировать исключительно материальные ценности в ущерб духовным, все попытки изменить отношение к Природе не принесут реальных плодов. Неоценимую роль в духовном воспитании играет религия, особенно в среде религиозно настроенной молодежи. Практически любое религиозное учение несет в себе любовь и заботу о Божьих творениях.

Преподавание экологической этики должно строиться на основах толерантности, уважения любой точки зрения. Очень важно учитывать контингент, с которым ты работаешь, их психологическую готовность к восприятию материала. Иначе реакция может быть обратной той, которую вы ожидаете. Наиболее радикальные идеи, пожалуй, не стоит высказывать самому, а следует активизировать соответствующие случаю знания учащихся с тем, чтобы они сами пришли к пониманию этих идей или хотя бы готовности их понять. Опора на местные культурные традиции, а также на сложившиеся стереотипы и ценности местного населения послужит связующим мостиком между современной зарубежной экологической этикой как учебной дисциплиной и сознанием студентов. Нравственные нормы формируются во многом благодаря воз-

действию на эмоциональное состояние человека. Применение наглядных материалов (фотографий, видеofilмов и пр., демонстрирующих, например, жестокие опыты над животными) способно вызвать у человека глубокое потрясение и вследствие этого сострадание к нечеловеческим формам жизни. Отмечу еще один немаловажный, на мой взгляд, момент. На занятия по “Экологической этике”, по возможности, следует приглашать людей, являющихся авторитетом для данной аудитории и слова которых могли бы реально влиять на их позиции.

На самом деле в обществе назрела необходимость решения экологических проблем с позиций морали. Например, для меня полной неожиданностью стало высказывание руководителя местной организации ветеранов Афганистана (охотника) на круглом столе, посвященном весенней охоте: “Считаю, что главный вопрос даже не в запрете весенней охоты, а в правах птиц, в защите их права на продолжение рода, на создание семьи и выращивание потомства, права на жизнь”.

В заключение, могу отметить, что мои усилия по пропаганде экологической этики среди студентов приносят некоторые плоды. Они начинают живо интересоваться существующими проблемами в регионе, по крайней мере, равнодушных нет. Это лишь доказывает своевременность введения в вузовскую учебную программу курса “Экологическая этика”.

Учебная программа для вузов по экологической этике

Н.В. Калинина

Дальневосточный государственный аграрный университет, г. Благовещенск

Введение

Исторически одним из первых механизмов, регулирующих человеческое поведение и взаимоотношения между людьми, явилась мораль. Мораль является предме-

том изучения особой научной дисциплины – этики, родоначальником которой в европейской мысли традиционно считается Аристотель. По мере усложнения общественных отношений в человеческом коллективе возникала насущная необходи-

мость конкретизации тех или иных нравственных норм, правил применительно к реальным сферам повседневной жизни человека. Так стали появляться этико-прикладные исследования, формироваться различные направления прикладной этики: политическая этика, журналистская этика, этика бизнеса и т. д.

Недолгую историю насчитывают как особые области знания и практической деятельности – биоэтика и экологическая этика, возникшие только во второй половине XX века. Поэтому и та, и другая в настоящее время находятся в стадии своего становления. Отсюда зачастую возникает путаница, смешение понятий и подмена предмета исследования.

Само понятие “биоэтика” подразумевает область вопросов, рассматривающих отношение человека ко всему живому. Прогресс биологического и медицинского знания, развитие новых возможностей медицины привели к возникновению проблем, с которыми не сталкивалась традиционная этика. В результате развития в биоэтике сложилось два направления. Первое направление касается вопросов, рассматривающих нравственное отношение к человеческим существам, и здесь оно смыкается с медицинской этикой. Второе – этическое поведение человека по отношению к животным, а именно вопросов использования животных в различных целях (как источник питания, сырье для промышленности, модель для медико-биологических исследований, объект для развлечения). Здесь важно отметить, что в настоящее время в биоэтике возобладали первая тенденция. Смысл понятия значительно сузился. Фактически биоэтика трансформировалась в биомедицинскую этику, сфокусировав свое внимание на этических дилеммах медицинской практики. Круг вопросов, рассматриваемых ею, сводится к нравственным аспектам взаимоотношений врача и пациента, к эвтаназии и определению смерти, трансплантации органов, аборт, клонированию, геной инженерии и т. п. Именно в этом смысле употребляется понятие “био-

этика” в академических кругах. При этом часто понятие медицинской этики заменяется деонтологией. Последняя же означает раздел этики, изучающий проблемы долга и должного (термин введен английским философом Бентамом в XIX веке).

Значительно дальше пошла экологическая этика. Начала она формироваться параллельно с биоэтикой в 1960-х годах. Отцом экологической этики считается Олдо Леопольд. Но фактически в основу ее лег принцип универсальной этики А. Швейцера (врача, пацифиста, лауреата Нобелевской премии) – “благоговение перед жизнью”.

Традиционная этика в течение многих столетий в качестве субъектов морали рассматривала исключительно членов человеческого общества. В XX веке в западной общественной мысли поднимается вопрос о необходимости расширения границ этической общности. И процесс этот был закономерен. К XX веку человек слишком уж отделился от Природы, отчуждение достигло своей критической точки. Настало время пересматривать отношения человека и Природы. Ограниченное потребительскими мотивами взаимодействие с окружающим миром исчерпывает себя. Отношение к природе лишь как к объекту эксплуатации, имеющему ценность только для человека, и соответствующее поведение в природных системах стало рассматриваться как мировоззренческая основа экологического кризиса. Разгорелись дискуссии: могут ли животные, растения, экосистемы иметь моральный статус. Особенно активно проблема обсуждалась в американском обществе. Это и понятно. Именно традиции американского либерализма, повлекшие за собой борьбу за права женщин, негров, индейцев, привели к мысли о возможности признания прав на жизнь, здоровье, стремление к счастью других живых существ. Именно в США экологическая этика становится академической дисциплиной. Точнее она называется инвайронментальная этика, или этика окружающей среды (Environmental Ethics). С 1971 года в университете штата Висконсин ее начал пре-

подавать Б. Калликотт. Сейчас в США ведут подготовку специалистов по экологической этике. Все прочнее закрепляет свое право на существование экологическая этика, одним из основных центров является факультет инвайронментальной этики университета Северного Техаса (г. Дентон).

Целью данного курса является формирование у студентов экологического сознания биоцентристского типа, особенно его нравственной составляющей.

Задачи курса: ознакомление студентов с основными подходами, принципами, направлениями экологической этики; выработка системы нравственных ценностей и ценностных ориентаций, лежащих в основе эконообразного поведения; формирование активной гражданской позиции и чувства персональной ответственности в отношении Природы.

По завершении обучения дисциплине “Экологическая этика” студент должен: овладеть системой знаний об основных этапах истории этической мысли; иметь представление об основных тенденциях развития экоэтической мысли; иметь представление о специфике осмысления сущности морали и обоснования нравственных ценностей в экологической этике; владеть категориальным (понятийным) аппаратом экологической этики; владеть приемами сопоставительного анализа различных мировоззренческих позиций; уметь устанавливать связь между этическими концепциями и соответствующими жизненными (практическими, поведенческими) позициями.

Учебный курс “Экологическая этика” рассчитан на студентов всех специальностей ДальГАУ. Рекомендуется его проведение после изучения предметов “философия” и “экология”.

Тема I: Этика как учение о должном (2 ч.).

Генезис этики как философской дисциплины.

Понятие этики, ее предмет. Мораль и нравственность.

Формы проявления традиционной морали, как измерения личности и общества (индивидуальная и социальная мораль) и ее роль.

Принцип ненасилия как высший этический принцип. Его трактовка в философских и религиозных концепциях (Будда, Моисей, Иисус, Мухаммед, Л. Толстой, М. Ганди, М.Л. Кинг).

Литература:

1. Апресян Р.Г., Гусейнов А.А. Этика: Энциклопедический словарь. - М.: Гардарики, 2001. - 671 с.
2. Гартман Н. Этика. - М.: Владимир Даль, 2002. - 708 с.
3. Гильдебранд Д. Этика. - М.: Алетея, 2001. - 165 с.
4. Гусейнов А.А. Великие моралисты. - М.: Республика, 1995. - 351 с.
5. Дробницкий О.Г. Этическая концепция Иммануила Канта // Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. - М.: Наука, 1977. - С. 182-238.
6. Мартин Л.К. Любите врагов ваших / Вопросы философии. - 1992, №3. - С. 66-71.
7. Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или принципы истинной человечности. - М.: Наука, 1999. - 520 с.
8. Радлов Э.Л. Этика. - М.: Наука, 2002. - 318 с.
9. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. - М.: Прогресс, 1988. - С. 314-356.
10. Швейцер А. Культура и этика. - М.: Прогресс, 1973. - 340 с.
11. Шрейдер Ю. А. Этика. Введение в предмет. - М.: Текст, 1998. - 271 с.

Тема II: Экологическая этика как основа гармонизации отношений с природой (4 ч.).

Генезис экологической этики. Источники экологической этики: экология, философия, религия.

Предмет и задачи экологической этики. Экологический императив и его трактовки.

Нравственные ценности и экологическое сознание. Экофилия и экофобия.

Литература:

1. Андреев Д. Роза мира. - М.: Товарищество Клышников-Комаров и К, 1993. - 301 с.

2. Борейко В.Е. Дикую природу может спасти только экологическая этика // Гуманитарный экологический журнал. - 2002. - Т. 4. Спецвыпуск. - С. 46-49.

3. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / Сост.: Василенко Л.И., Ермолаева В.Е. - М.: Прогресс, 1990. - 495 с.

4. Ермолаева В.Е. Философия отношений с природой: споры вокруг глубинной экологии (обзор). - М.: ИНИОН РАН, 1997. - 46 с.

5. Ермолаева В.Е. Этика отношений с окружающей средой (обзор). - М.: ИНИОН АН СССР, 1989. - 70 с.

6. Льюис К.С. Любовь // Льюис К.С. Любовь. Страдание. Надежда. - М.: Республика, 1992. - С. 208-261.

10. Тетиор А.Н. Множество этик окружающей среды. Этика эмпатии. - М.: РЭ-ФИА, 2000. - 20 с.

12. Торо Г. Дневники. Прогулки // Сделать прекрасным наш день. - М.: Прогресс, 1990. - С. 117-225, С. 250-285.

13. Торо Г. Уолден, или жизнь в лесу // Ралф Эмерсон. Эссе. Генри Торо, Уолден, или жизнь в лесу. - М.: Худ. лит., 1986. - С. 385-614.

14. Экогеология. Голоса Севера и Юга / Под. ред.: Д.Г. Холмана. - М.: Испо-Сервис, 1997. - 368 с.

Тема III: Экологическая этика: основные подходы и принципы (4 ч.).

История взаимоотношений общества и природы и их отражение в общественном сознании. Истоки антропоцентризма.

Антропоцентризм как доминирующий подход в отношении человека к природе (парадигма человеческой исключительности).

Ресурсизм как крайняя форма антропоцентризма.

Биоцентризм как основа экосообразного поведения (инвайронментальная парадигма). Консервативный и радикальный биоцентризм.

Биоцентризм и эоцентризм: что ценнее, жизнь индивида или вида (Арне Нейс, Т. Риган, Б. Калликотт, Холмс Ролстон III, О. Леопольд и др.).

Проблема ценностей: инструментальные и внутренние.

Литература:

1. Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. 2-е изд., доп. - Киев: КЭКЦ, 2001. - 204 с.

2. Борейко В.Е. Философы дикой природы и природоохраны. 3-е изд., доп. - Киев: КЭКЦ, 2002. - 160 с.

3. Вальковская В.В. Социально-философский анализ современной экологической ситуации (научная монография). - Хабаровск: ДВГУПС, 2000. - 137 с.

4. Василенко Л.И. Антропоцентризм и его экологическая критика // Вопросы философии. - 1983, № 6. - С.153-161.

5. Василенко Л.И. Поиски оснований и источников экологической этики // Вопросы философии. - 1986, № 2. - С. 145-152.

6. Глобальные проблемы и перспективы цивилизации: Философия отношений с природ. средой / Отв. ред.: Сагадеев А.В.; Авт. сост.: Ермолаева В.Е. - М.: ИНИОН РАН, 1994. - 139 с.

7. Дорст Ж. До того как умрет природа. - М.: "Прогресс", 1968. - 415 с.

8. Лаптев И.Д. Надежды зеленого дома. - М.: Дет. лит., 1980. - 270 с.

9. Леопольд О. Календарь песчаного графства. - М.: Мир, 1983. - 248 с.

10. Лось В.А. Взаимоотношения общества и природы. - М.: Знание, 1989. - 65 с.

Тема IV: Жизнь как высшая моральная ценность (4 ч.).

Естественнонаучное и философское определение жизни.

Дискриминация – признание неравноценности жизни. Ее разновидности: расизм, шовинизм, сексизм, специесизм.

Первобытные религиозные верования и отношение к жизни в традиционном обществе (анимизм, тотемизм, фетишизм).

Понимание феномена жизни в восточных религиях: буддизм, джайнизм, даосизм.

Метемпсихоз – этико-религиозное учение в Древней Греции (Гераклит, Пифагор, Эмпедокл и др.).

Жизнь как высшая ценность в этике Альберта Швейцера.

Литература:

1. Борейко В.Е. Постигание экологической теологии. - Киев: КЭКЦ, 2000. - 88 с.
2. Досократики. - Минск: Харвест, 1999. - 784 с.
3. Жизнь // Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. - 2-е изд. - М.: Сов. энциклопедия, 1989. - С. 192-193.
5. Зайцева Н.И., Интигринова Т.П., Протопопова И.В. Экологические традиции народов севера Баргузинской долины. - Улан-Удэ: Бэлит, 1999. - 48 с.
6. Крафт К. Зеленый буддизм // Гуманитарный экологический журнал. - 2001. - Т. 3. Вып. 2. - С. 89-93.
7. Мантатов В.В., Доржигушаева О.В. Экологическая этика: буддизм и современность. - Улан-Удэ: ВСГТУ, 1996. - 155 с.
8. Сингер П. Освобождение животных. - Киев: КЭКЦ, 2002. - 128 с.
9. Тобиас М. Джайнизм и экология // Гуманитарный экологический журнал. - 2002. - Т. 4. Вып. 1. - С. 108-111.
10. Томпсон М. Восточная философия. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. - 384 с.
11. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. - М.: Прогресс, 1992. - 573 с.

Тема V: Человек и животные: история взаимоотношений (4 ч.).

Культ животных в мифах и религиях народов мира.

Животные в культуре славянских народов.

Проблема физических и нравственных страданий животных: использование в ла-

бораториях, в индустрии развлечений, висекция.

История движения в защиту животных: характеристика основных этапов.

Современное движение в защиту прав животных, Т. Риган и П. Сингер как его идеологи, “Фронт освобождения животных”.

Литература:

1. Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф. Перезитки культа медведя у русских и белорусов в Сибири // Природа. - 1999. - № 1. - С. 83-88.
2. Борейко В.Е., Грищенко В.Н. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов / Т. 2. Птицы. 2-е изд., доп. - Киев: КЭКЦ, 1999. - 172 с.
3. Гараев А.С. Защита животных и современная идея дикой природы // Гуманитарный экологический журнал. - 2002. - Т. 4. Спецвыпуск. - С. 56-59.
4. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. - М.: Индрик, 1997. - 912 с.
5. Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Энциклопедический мир Владимира Даля / Кн. 1, Т. 2. Птицы. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - 512 с.
6. Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе. - Киев: КЭКЦ, 1998. - с.128
7. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. - М.: Наука, 1988. - 784 с.
7. Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). - СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. - 320 с.
9. Скарс Р. Эковины. Радикальное движение в защиту природы. - Киев: КЭКЦ, 2002. - 144 с.
10. Флора и фауна. Мифы о растениях и животных/ Сост.: В.М. Федосеенко. - М.: Русь, 1998.- 256 с.
12. Фронт освобождения животных // Гуманитарный экологический журнал. - 2002. - Т. 4. Спецвыпуск. - С. 130-131.

Тема VI: Человек и животные: этика отношений (4 ч.).

Моральное положение животных: 4 точки зрения.

Теория естественных прав Дж. Локка применительно к представителям фауны. Самостоятельная ценность животных.

Законодательство в защиту животных: международная практика.

Этические нормы и домашние животные: принципы ответственности. Проблемы животноводства.

Мораль и дикие животные: ценность для себя или для человека? (естественные права диких животных)

Этические проблемы любительской (спортивной) и промысловой охоты.

Литература:

1. Борейко В.Е. Биоразнообразие не имеет цены. Ибо оно бесценно // Гуманитарный экологический журнал. - 2000. - Т. 2. Вып. 2. - С. 5-11.

2. Борейко В.Е. "Царские охоты": от Владимира Мономаха до Владимира Щербицкого. 2-е изд., доп. - Киев: КЭКЦ, 2000. - 96 с.

3. Гептнер В. Об охотничьей чести // Охотничья библиотечка - практическое приложение к альманаху "Охотничьи просторы". - 2001, № 9. - С. 80-87.

4. Гржимек Б. Для диких животных места нет. - М.: Мысль, 1978. - 268 с.

5. Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек. - М.: Наука, 1966. - 155 с.

6. Корытин С.А. Звери и люди: К истории охотоведения в России. - Киров: КОГУП Кир. обл. тип., 2002. - 576 с.

7. Локк Д. О естественном состоянии // Соч. - Т. 3. - М.: Мысль, 1988. - С. 263-270.

8. Нэш Р. Права природы. История экологической этики. - Киев: КЭКЦ, 2001. - 180 с.

9. Охота и охрана природы (из классических работ) / Сост.: Ф.Р. Штильмарк. - М.: ЦНИЛ, 1992. - Т. 1 - 164 с., Т. 2 - 196 с.

10. Пушные аукционы и гуманные капканы // Охота и охотничье хозяйство. - 1996, № 4. - С. 1-3.

11. Сладков Н. Дикая фигура охотника

// Звезда. - 1965, № 4. - С. 184-189.

Тема VII: Основы этичного отношения к растениям (2 ч.).

Растения в народных традициях и поверьях.

Растения в искусстве (литература, музыка, живопись и др.).

Формы почитания растений.

Моральная значимость растений (могут ли быть естественные права у растений?).

Литература:

1. Абаев Н.В., Герасимов К.М., Железнов А.И. и др. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1992. - 160 с.

2. Афанасьев А.Н. Древо жизни. - М.: Современник, 1983. - 463 с.

4. Борейко В.Е. Лесной фольклор. Древо жизни и священные рощи. 2-е изд., доп. - Киев: КЭКЦ, 2000. - 212 с.

5. Борейко В.Е. Охрана вековых деревьев. - Киев: КЭКЦ, 2001. - 96 с.

6. Владышевский Д.В., Шишкин А.С., Шишкина О.Э. Тажные трофеи (Серия "Человек и окружающая среда"). - Новосибирск: Наука, 1991. - 173 с.

7. Рерих Н.К. К природе // Рерих Н.К. Пути благословения. - М.: Эксмо, 2002. - С. 38-45.

8. Успенский П.Д. Души деревьев. Душа леса // Успенский П.Д. Tertium organum. - СПб: Андреев и сыновья, 1992. - С. 142-143.

9. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. 2-е изд. - М.: Политиздат, 1983. - 703 с.

10. Шмидт Р.В. К вопросу о возникновении культа деревьев экология // Гуманитарный экологический журнал. - 2001. - Т. 3. Вып. 1. - С. 84-85.

Тема VIII: Этика дикой природы как радикальное направление экологической этики (4 ч.).

Этический холизм О. Леопольда, Б. Калликотта. Гипотеза Геи (Дж. Ловлок).

Идея дикой природы в культурных традициях России.

“Морские пастухи” и “Прежде Земля!” – философия экобойцов.

Основные принципы этики дикой природы. Естественные права природы.

Заповедники и их роль в сохранении участков дикой природы.

Литература:

1. Борейко В.Е. Радикальный взгляд на заповедное дело. Нематериальные ценности ООПТ. - М.: Экоцентр “Заповедники”, 1999. - 23 с.

2. Борейко В.Е. Святые места дикой природы. - Киев: КЭКЦ, 1998. - 112 с.

3. Борейко В.Е. Современная идея дикой природы. - Киев: КЭКЦ, 2001. - 124 с.

4. Борейко В.Е. Эссе о дикой природе. - Киев: КЭКЦ, 2000. - 143 с.

5. Грэбер Л. Дикая природа как священное пространство. - Киев: КЭКЦ, 1998. - 56 с.

6. Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты. Материалы международной школы-семинара (Трибуна – 8) / Под ред.: В.Е. Борейко. - Киев: КЭКЦ, 2002. - 248 с.

7. Нельсон М. Аргументы в защиту дикой природы // Гуманитарный экологический журнал. - 2001. - Т. 3. Спецвыпуск. - С. 138-145.

8. Нэш Р. Дикая природа и американский разум. - Киев: КЭКЦ, 2001. - 204 с.

9. Скарс Р. Эковоины. Радикальное движение в защиту природы. - Киев: КЭКЦ, 2002. - 144 с.

10. Спэнглер Д. Гея и святость Земли // Гуманитарный экологический журнал. - 2001. - Т. 3. Вып. 2. - С. 93-98.

11. Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Из отечественных классических работ / Сост.: В.Е. Борейко. 2-е изд., доп. - Киев: КЭКЦ, 1999. - 260 с.

Темы рефератов:

1. Этические взгляды А. Швейцера.
2. Этика Земли О. Леопольда.
3. Экологическая ответственность личности.

4. Человек и Природа в философии космистов.

5. Теория Вернадского о ноосфере: утопия или реальность?

6. Пантеизм и экологическая этика.

7. Антропный принцип: занимает ли человек исключительное место во Вселенной?

8. Мотивация охоты и охотничья этика.

9. Экологическая культура личности.

10. Православная церковь и проблемы экологии.

11. История природоохранительной деятельности в России.

12. Этические аспекты звероводства.

13. Идея дикой Природы в философии Холмса Ролстона III.

14. Г. Торо и Д. Мьюир как идеологи природоохранного движения в США.

15. Святой Франциск Ассизский – патрон экологов.

16. Глубинная экология Арне Нейса.

17. Экологическая этика Б. Калликотта.

18. Использование животных в вооруженных силах и полиции.

19. Животные в индустрии развлечений.

20. Этические проблемы животноводства.

21. Этична ли вивисекция животных.

22. Культ деревьев в культурах народов мира.

23. Природа и человек в религиозных представлениях коренных малочисленных народов Севера.

24. Этические нормы на охотничьем промысле у КМНС России.

25. Этичен ли “зеленый” экстремизм?

26. Животные в поверьях и обрядах славянских народов.

27. Опыты над животными в лабораториях: есть ли альтернативы?

28. Экоэтические проблемы заповедников.

29. Современное российское природоохранное движение: этические аспекты.

30. Экологическая деятельность как предпосылка формирования экологического сознания.

31. Существует ли нравственный прогресс?
32. Этические последствия экологического кризиса.
33. Понятие и сущность экологического сознания.
34. Экологическая этика и христианство.
35. Экологическая этика и ислам.
36. Шаманизм как религия природы.
37. Этическая основа вегетарианства.
38. Эдвард Эбби и тактика экотажа.
39. Природа в творчестве русских писателей и поэтов.
40. Философия природы Г. Снайдера.
41. Экологическая этика и даосизм.
42. Экологическая этика и синтоизм.
43. Экологическая этика и джайнизм.
44. Экологическая этика и буддизм.
45. Антропогенные палы и лесные пожары: этическая ответственность.
46. Идеологическая платформа студенческого движения ДОП.
47. Нужна ли этическая экспертиза научных исследований в биологии?

Вопросы к зачету:

1. Генезис этики как философской дисциплины.
2. Понятие этики, ее предмет. Мораль и нравственность.
3. Роль морали в жизни человека и общества.
4. Биоэтика: содержание, подходы, направления.
5. Понятие и предмет экологической этики.
6. Задачи экологической этики.
7. Предпосылки формирования экологической этики.
8. Экологический императив.
9. Проблема ценностей: инструментальные и внутренние.
10. Экологическое сознание: сущность, типы, противоречия.
11. Экологическая деятельность как предпосылка формирования экологического сознания.

12. Универсальная этика А. Швейцера.
13. Глубинная экология: сущность и содержание.
14. История взаимоотношений общества и природы: нарастание противоречий.
15. Истоки антропоцентризма. Аргументация в пользу антропоцентризма.
16. Сущность принципа антропоцентризма. Ресурсизм как крайняя форма антропоцентризма.
17. Биоцентризм и экоцентризм как основа экосообразного поведения.
18. Жизнь как высшая этическая ценность.
19. Экологическая этика и мировые религии.
20. Экофильные традиции в отношении животных в культурах народов мира.
21. Проблема физических и нравственных страданий животных.
22. История движения в защиту животных: характеристика основных этапов.
23. Современное движение в защиту прав животных (Т. Риган, П. Сингер).
24. Законодательство в защиту животных: международная практика.
25. Этические нормы и домашние животные: принципы ответственности.
26. Этические проблемы животноводства.
27. Мораль и дикие животные. Естественные права диких животных.
28. Пути формирования этичного отношения к животным.
29. Основы этичного отношения к растениям.
30. Проблемы сохранения дикой природы.
31. Естественные права дикой природы.
32. Международное общественное движение в защиту природы: история и современность.
33. Этические проблемы современного российского природоохранного движения.
34. Экоэтические проблемы заповедников.
35. Экологическая культура личности.

Рекомендации по проведению экспертной оценки (этической экспертизы) тем и методик научно- исследовательских работ, проводящихся в границах территорий природных и биосферных заповедников, национальных природных парков, региональных ландшафтных парков

**А.А. Никольский, В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко, А.В. Зименко, Т.В. Медына,
Л.В. Пархисенко, Г.В. Парчук, А.В. Подобайло, В.А. Сесин**

Введение

Согласно традиционным представлениям, природно-заповедный фонд в странах СНГ является полигоном для проведения всевозможных научных исследований как собственными силами учреждений природно-заповедного фонда (ПЗФ), так и посторонними организациями и специалистами. Эти исследования нередко носят жестокий и аморальный характер. Ежегодно в научных целях неоправданно подвергается беспокойству, страданиям, изымается и уничтожается огромное количество животных и растений, в том числе редких и исчезающих, разрушается среда их обитания, происходят другие существенные нарушения установленного заповедного режима. Это не может считаться нормой для заповедных учреждений, которые преследуют благородную цель охраны природы и, следовательно, обязаны быть примером этичного отношения ко всему живому на Земле.

Первым предложил проводить специальную этическую экспертизу научных исследований на территориях заповедных объектов российский ученый, известный деятель заповедного дела, доктор биологических наук, профессор А.А. Никольский. Он писал: “заповедники и национальные парки должны быть тем местом, где любая жизнь имеет особый статус и царит (должен царить) дух благоговения перед жизнью. Убийство на территории заповедников противоречит их природоохранному менталитету” (Никольский, 2000).

Методология этической экспертизы базируется на “Этических принципах заповедного дела”, обобщенных директором Киевского эколога-культурного центра В.Е. Борейко (Борейко, 2001), доработанных и одобренных на Международной школе-семинаре “Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты” (“Трибуна-8”), проводившейся в Киеве 27–30 мая 2002 г.).

В 2002 г. А.А. Никольским и В.Н. Грищенко было подготовлено “Примерное Положение об этической экспертизе научных исследований в заповедниках и национальных парках”, которое было доработано и одобрено на той же школе-семинаре “Трибуна-8”. Основываясь на “Примерном положении...”, в июне 2003 г. сотрудниками Государственной службы заповедного дела Минэкоресурсов Украины и Киевского эколога-культурного центра был разработан окончательный вариант документа о проведении экспертной оценки (этической экспертизы) научно-исследовательской деятельности на территории крупных заповедных объектов.

Утверждение “этической экспертизы” на государственном уровне является передовым достижением украинских природоохранников и значительным шагом вперед в отечественном заповедном деле.

Авторы искренне рассчитывают на понимание и поддержку со стороны ученых и сотрудников учреждений ПЗФ, а также надеются на положительную оценку и применение опыта Украины в других странах СНГ.

Экспертная оценка (этическая экспертиза) тем и методик научно-исследовательских работ – это деятельность, направленная на проверку, анализ и оценку содержания, цели, объема работ и ожидаемых результатов научно-исследовательской работы (НИР) и методики её проведения, а так же подготовка выводов относительно целесообразности выполнения темы (применение методики) в границах территорий и объектов ПЗФ.

Целью проведения этической экспертизы является недопущение случаев неоправданного вмешательства человека в заповедные экосистемы, нарушение целостности природной среды, применение негуманных методов изъятия или исследования объектов растительного и животного мира при проведении научно-исследовательских работ.

Основные задачи этической экспертизы:

– объективная комплексная оценка ответственности темы основным направлениям научно-исследовательских работ, направленных на обеспечение развития заповедного дела, формирование национальной экологической сети в Украине (“Общегосударственная программа формирования национальной экологической сети Украины на 2000–2015 гг.”, приложение 7, п. 5);

– обоснованность и целесообразность применения предложенных методов исследования;

– прогнозирование последствий выполнения темы (применение методики) для природной среды;

– подготовка выводов относительно целесообразности проведения НИР на территории природно-заповедного учреждения или целесообразности применения определенной методики.

Основные принципы проведения этической экспертизы

1. Пригодность природно-территориального комплекса для проведения определенной НИР.

Следует определить, не угрожает ли разрушение природно-территориальному ком-

плексу вследствие проведения НИР или применения определенной методики.

2. Приоритетность НИР, направленных на обеспечение развития заповедного дела в Украине.

Приоритетными для выполнения на территории ПЗУ являются прикладные природоохранные и фундаментальные НИР, направленные на обоснование необходимой деятельности по достижению целей и задач заповедного объекта, постоянный контроль за результатами этой деятельности (разработка методов сбережения и восстановления экосистем, менеджмент-планов, планов регуляторных мероприятий, мониторинговые исследования и т. п.).

3. Целесообразность и альтернативность.

Исходя из ожидаемых результатов НИР, актуальности получения новых знаний, следует оценить целесообразность проведения НИР на территории заповедного объекта, целесообразность вмешательства в заповедный режим и возможность получения аналогичных научных данных при проведении работ вне территорий природно-заповедного фонда.

4. Использование гуманных методов исследований.

При возможности выбора разных методов научных исследований приоритет отдается наиболее щадящим и гуманным методам.

При осуществлении видео-, кино-, фотосъемок и аудиозаписи следует выяснить, не имеет ли место жестокое обращение с животными (содержание в капкане, привязывание за ногу, травля собаками, травля жертвы хищниками, причинение боли с целью получения звуковой реакции и т. п.).

При изучении питания животных по содержимому их желудков следует выяснить, не существует ли других методов, которые избегают лишения животных жизни и позволяют получить аналогичные результаты.

При проведении фаунистических исследований следует выяснить, насколько необходимым является изъятие и убийство животных для определения их видовой принадлежности, не существует ли методов их прижизненной идентификации.

При проведении лова животных сетками и другими орудиями отлова следует выяснить, насколько профессионально будет организована процедура отлова с точки зрения предотвращения гибели животных других видов, которые не являются объектами исследований. Отлов диких животных должен осуществляться методами, которые позволяют обеспечить минимальное нарушение заповедного режима.

Критерии оценки научных исследований при проведении этической экспертизы

Этическая экспертиза проводится относительно тем научно-исследовательских работ, проведение которых связано с изъятием (в том числе временным) видов растений и животных из естественной среды, может привести к ухудшению среды обитания, путей миграции и условий размножения животных, нарушению целостности растительного и почвенного покрова, природных сообществ диких животных, их беспокойству и т. п., то есть связано с существенным вмешательством в заповедный режим и природную среду.

Основными критериями оценки научных тем и методик их проведения при осуществлении этической экспертизы выступают:

- риск гибели диких животных, растений и разрушения мест их обитания;
- использование жестоких, негуманных методов обращения с дикими животными;
- использование методов, которые приводят к серьезному беспокойству диких животных;
- использование в научно-исследовательских целях редких и исчезающих видов растений и животных, которые занесены в Красную книгу Украины, международные “красные” списки, региональные списки редких видов, растительных сообществ, которые занесены в Зеленую книгу Украины и региональные списки редких сообществ;
- опасность нарушения целостности ландшафтов, растительного, почвенного покрова;

– нарушение установленного заповедного режима.

Механизм проведения этической экспертизы

Для научно-исследовательских работ, которые проводятся природно-заповедными учреждениями, этическая экспертиза проводится их научными отделами при разработке долгосрочных тем и программ. Ее выводы рассматриваются Ученым или Научно-техническим советом учреждения ПЗФ при рассмотрении ежегодных рабочих планов и планов научно-технических мероприятий. (Положение о научной деятельности заповедников и национальных природных парков Украины. Приказ Минэкоресурсов от 09.08.2000 г. № 103, п. 1.2.2.).

Для научно-исследовательских работ, которые выполняются на территории ПЗФ посторонними организациями и специалистами, этическая экспертиза осуществляется Ученым или Научно-техническим советом учреждения ПЗФ при согласовании программы сезонных исследований и методик исследований (Положение о научной деятельности заповедников и национальных природных парков Украины, Приказ Минэкоресурсов от 09.08.2000 г. № 103, п. 4.3.).

Выводы этической экспертизы отражаются в решении Ученого или Научно-технического совета учреждения ПЗФ при подаче ходатайства относительно утверждения лимитов на использование естественных ресурсов в научно-исследовательских целях.

Литература

- Борейко В.Е. (2001): Прорыв в экологическую этику. Киев: КЭКЦ. 1-197.
- Никольский А.А. (2000): Профессионализм и добрая воля – альтернатива убийству. - Гуман. экол. ж. 2 (1): 16-19.

От редакции: “Рекомендации” были утверждены приказом Государственной службы заповедного дела Министерства экологии и природных ресурсов Украины № 16 от 1.07.2003 г.

Методические рекомендации по проведению эстетической оценки территорий с целью заповедания

Л.В. Пархисенко, В.А. Сесин

*Государственная служба заповедного дела Минэкоресурсов Украины,
Киевский эколого-культурный центр*

Настоящий документ представляет собой методические рекомендации по проведению эстетической экспертизы на территориях, рекомендуемых к заповеданию. Эстетическая экспертиза направлена на определение эстетической ценности ландшафтов и составление рекомендаций к созданию Охраняемых природных территорий.

Эстетическая экспертиза может проводиться как в качестве вспомогательной (при создании крупномасштабных заповедных объектов – национальных природных парков, региональных ландшафтных парков, заказников государственного значения и т. п.), так и в качестве основной (при создании объектов меньшего масштаба – заказников, памятников природы, заповедных урочищ и т. п., имеющих сугубо эстетическое значение).

Процедура проведения эстетической экспертизы состоит из следующих этапов:

1. Предварительный. Проведение эстетической экспертизы начинается с выделения границ участка предполагаемой ОПТ и детально изучают его по картографическим, справочным материалам и путем опроса местных краеведов – знатоков. Участок должен быть, по возможности, однородным, цельным, относительно небольшим, и не должен включать в себя территорий интенсивного хозяйственного освоения. В случае сильной неоднородности участка или его раздробленности антропогенной инфраструктурой, целесообразно выделять

несколько участков и оценивать каждый из них в отдельности.

При выделении границ ОПТ высокой эстетической ценности следует учитывать, что на антропогенные объекты и сильно измененные человеком территории должно приходиться не более 20 % площади участка.

2. Подготовительный. Второй этап состоит в выборе ряда опорных точек, по которым прокладываются маршруты полевой части исследования. Опорные точки должны быть, по возможности, равномерно распределены по участку, а маршрут – охватывать как можно больше достопримечательностей. В зависимости от площади участка рекомендуется выбирать количество опорных точек, указанное в таблице.

Если обследуется точечный объект, опорные точки следует выбирать за пределами объекта с таким расчетом, чтобы оценить его с наиболее выразительных сторон.

Если же объект слишком велик (>1000 га) и включает в себя разнообразные по эстетическим свойствам ландшафты, то он разбивается на более мелкие участки, и каждый из них оценивается отдельно (иными словами, проводится зонирование территории).

3. Полевой. Третий этап – полевое исследование. В те сезоны года, времена суток и при тех состояниях погоды, когда эстетические свойства местности наиболее выразительны, комиссия посещает опорные точки, стараясь при этом соблюдать тиши-

Количество опорных точек для обследования участка

площадь участка, га	точечный (<1)	1–10	10–100	100–1000
количество опорных точек	3	4	5	6

Приложение 1
Форма 1

Психологическо-эстетические критерии оценки ландшафта
(эти критерии призваны определить степень воздействия пейзажей на психику человека, они заполняются на каждой опорной точке)

№ опорной точки и характер открывающегося пейзажа	Дата наблюдения	Время наблюдения	Оценка по критериям, баллов			
			1. (У)	2. (В)	3. (Н)	4. (Д)
Средний балл по каждому из критериев						
Сумма средних баллов по всем критериям						

Оценка проведена:

(фамилии, инициалы, подписи членов комиссии, дата)

Ключ к заполнению Формы 1

№	критерий	условия оценки открывающихся пейзажей		
		в 0 баллов	в 2 балла	в 4 балла
1.	Успокоение (У) (Ощущения успокоения, расслабления, созерцания)	пейзаж некрасивый, унылый, к успокоению, расслаблению и созерцанию не располагает	умеренно живописный пейзаж, располагает к успокоению, расслаблению и созерцанию, но ненадолго	очень живописный пейзаж, побуждает к продолжительному успокоению, расслаблению и созерцанию
2.	Восторг (В) (Ощущения восторга, страха, священности)	пейзаж невыразителен, оставляет равнодушным	пейзаж довольно выразителен, но восторга, страха, ощущений священности не вызывает	величественный, грандиозный пейзаж, вызывающий сильный восторг, страх, ощущение священности
3.	Нетронутость (Н) (Ощущения нетронутости, дикости, удаленности от цивилизации)	«удаленность от цивилизации», «нетронутость» и «дикость» не ощущаются	ощущается «удаленность от цивилизации», но нет ощущения «дикости», «нетронутости»	остро ощущается «нетронутость», «дикость» местности, «удаленность от цивилизации»
4.	Душевный подъем (Д) (Ощущения душевного подъема, вызванные звуками и запахами природы)	преобладают звуки и запахи антропогенного происхождения, не вызывающие душевного подъема	звуки и запахи природы перемежаются со звуками и запахами цивилизации, что вызывает некоторый душевный подъем	обилие только природных звуков и запахов, вызывающих душевный подъем

ну и сосредоточив внимание на восприятии красоты природы. На каждой опорной точке члены комиссии анализируют свои ощущения от созерцания открывающегося пейзажа и совместно заполняют бланк “Формы 1” (см. приложение 1). При этом производится фотографирование местности. На каждой опорной точке должно быть сделано не менее 1-й фотографии, а лучше всего сделать панорамную съемку. По завершению полевого исследования печатаются фотографии форматом 13 x 18, которые затем прикрепляются к Научному обоснованию создаваемой ОПТ.

При необходимости маршрут может быть разбит на отдельные части, которые будут проходиться за несколько раз.

4. Аналитический. После окончания полевой части исследования члены комиссии собираются вместе и сообща заполняют “Форму 2” (см. приложение 2). Затем подсчитывается средний балл по точкам для каждого из критериев “Формы 1”, средние баллы складываются, к ним прибавляется суммарный балл по критериям “Формы 2”. В результате проделанных математических операций получается общий балл, который

позволяет судить об уровне эстетической ценности ландшафта проектируемой ОПТ.

Если общий балл равен 24,1–32,0, значит участок может быть рекомендован для создания на нем ОПТ общегосударственного значения.

Если общий балл равен 16,1 – 24,0, значит участок может быть рекомендован для создания на нем ОПТ местного значения.

Если общий балл равен 0–16,0, значит участок не имеет выдающейся эстетической ценности, но может быть рекомендован к заповеданию по другим критериям (например, по ценности сохранения биоразнообразия).

5. Подготовка научного обоснования.

В случае если суммарный балл позволяет рекомендовать участок для включения в систему ОПТ, на него подготавливается научное обоснование, к которому помимо традиционных документов прилагаются:

- 1) заполненный бланк “Результаты проведения эстетической экспертизы на территории”;
- 2) заполненные бланки “Форма 1” и “Форма 2”;

Приложение 2
Форма 2

Географическо-эстетические критерии оценки ландшафта

(эти критерии призваны определить степень эстетичности отдельных компонентов ландшафта и их совокупности, они заполняются по окончании полевого этапа исследований)

№	Критерий	Балл
1.	Вписываемость антропогенных объектов	
2.	Наличие на участке живописных урочищ, уютных уголков, где приятно отдыхать, наслаждаясь красотой природы	
3.	Наличие на участке достопримечательностей, таких как причудливые скалы, водопады, вековые деревья, густки красивоцветущих растений, памятники истории и культуры и т. д.	
4.	Наличие на участке обзорных площадок, с которых открываются хорошие виды	
5.	Выразительность рельефа местности	
6.	Выразительность водных объектов	
7.	Разнообразие и чередование растительных сообществ	
8.	Животный мир участка	
Суммарный балл по критериям		

Оценка проведена:

(фамилии, инициалы,
подписи членов комиссии, дата)

Ключ к заполнению Формы 2

№	Критерий	Условия оценки местности		
		в 0 баллов	в 1 балл	в 2 балла
1.	Вписываемость антропогенных объектов (АО)	присутствуют антропогенные объекты, сильно нарушающие ландшафт	присутствуют антропогенные объекты, незначительно нарушающие ландшафт	все антропогенные объекты гармонично вписываются в ландшафт
2.	Наличие на участке живописных урочищ, уютных уголков, где приятно отдохнуть, наслаждаясь красотой природы	живописные урочища практически отсутствуют	присутствуют несколько (2–3) живописных урочищ	имеется более 3-х живописных урочищ (или же, если участок небольшой, он сам по себе является живописным урочищем)
3.	Наличие на участке достопримечательностей, таких как причудливые скалы, водопады, вековые деревья, сгустки красивоцветущих растений, памятники истории и культуры и т. д.	достопримечательности и практически отсутствуют	незначительное количество достопримечательностей	много разнообразных достопримечательностей (или же, если участок небольшой, он сам по себе является достопримечательностью)
4.	Наличие на участке обзорных площадок, с которых открываются хорошие виды	обзорные площадки практически отсутствуют	имеется одна обзорная площадка	имеется несколько обзорных площадок в разных местах с разными видами
5.	Выразительность рельефа местности	Местность равнинная	слабохолмистая либо пересеченная местность	Рельеф сильно холмистый или горный
6.	Выразительность водных объектов	водные объекты отсутствуют, либо созерцание их затруднено (вследствие, например, сильного зарастания берегов)	присутствуют (или примыкают к участку) в основном маловыразительные водные объекты с мутной водой, ровной береговой линией и т. д.	большинство присутствующих или примыкающих водных объектов выразительны, т. е. имеют живописные берега, чистую воду и т. д.
7.	Разнообразие и чередование растительных сообществ	участок покрыт однообразной древесной либо травянистой растительностью (голая степь, сплошной хвойный лес)	растительность на участке представлена минимум двумя сообществами, чередующимися между собой (березовые колки в хвойном лесу)	на участке наблюдается чередование нескольких (более 2-х) растительных сообществ (хвойный лес с березовыми колками и травянистыми полянами)
8.	Животный мир участка	можно встретить лишь насекомых, мелких зверей и птиц	можно встретить крупных зверей и птиц	можно встретить стада и колонии крупных зверей и птиц, а также крупных хищников

3) набор фотографий с пейзажами участка;

4) выдержка из Закона Украины “О природно-заповедном фонде Украины”, в которой указывается необходимость сохранения эстетически ценных ландшафтов.

К научному обоснованию также прила-

гается обзорная картосхема участка, на которой выделены основные природно-территориальные комплексы, нанесены маршруты и опорные точки полевой части эстетической экспертизы, показаны основные достопримечательности и живописные урочища.

Результаты проведения эстетической экспертизы на территории« _____ »
(вписывается название участка)

Местоположение:

– административная область (республика) _____
– район (город) _____

Площадь предлагаемого к заповеданию участка:

всего _____ га, в т. ч. суши _____ га
акватории _____ га

По результатам эстетической экспертизы данный участок рекомендуется к охране путем включения его в состав природно-заповедного фонда Украины в качестве

(указывается предпочтительная форма организации)Суммарный балл эстетической экспертизы _____ баллов
в т. ч. психологическо-эстетической экспертизы _____ баллов
географическо-эстетической экспертизы _____ баллов

Сроки проведения экспертизы: с _____ по _____.

Эстетическую экспертизу провела экспертно-эстетическая комиссия в составе:

(фамилии, инициалы, подписи членов комиссии, дата)**Результаты проведения эстетической экспертизы на территории
филиала Украинского степного природного заповедника “Каменные могилы”**

Местоположение:

– административная область (республика): **Донецкая область**
– район (город): **Володарский район**

Площадь предлагаемого к заповеданию участка:

всего **420** га, в т.ч. суши **420** га
акватории **0** га

По результатам эстетической экспертизы данный участок рекомендуется к охране путем включения его в состав природно-заповедного фонда Украины в качестве:

ОПТ высокой эстетической ценности местного значения

(указывается предпочтительная форма организации)

Общий балл эстетической экспертизы	20	баллов
в т. ч. психологическо-эстетической экспертизы	9	баллов
географическо-эстетической экспертизы	11	баллов

Сроки проведения экспертизы: с **04. 06. 2002** по **06. 06. 2002**.

Эстетическую экспертизу провела экспертно-эстетическая комиссия в составе:

(фамилии, инициалы, подписи членов комиссии, дата)

Психологическо-эстетические критерии оценки ландшафта

№ опорной точки и характер открывающегося	Дата	Время	Оценка по критериям, баллов			
			1. (У)	2. (В)	3. (Н)	4. (Д)
1. Поклонный крест. Видна усадьба заповедника, цветущая степь, каменные холмы	05. 06. 2002	10:00 – 10:30	4	2	0	2
2. Середина межгрядной долины. Обзор ограничен живописными склонами каменных холмов, на ближнем плане – цветущая степь.	05. 06. 2002	11:30 – 12:00	2	0	2	4
3. г. Панорамная. Открывается круговая панорама на всю территорию заповедника и на аграрные ландшафты вокруг него.	05. 06. 2002	13:00 – 13:30	4	4	2	2
4. Западный берег пруда на р. Коротыш. Обозреваются: акватория пруда, западные склоны г. Витязь, участки цветущей степи.	05. 06. 2002	14:30 – 15:00	2	2	2	2
Средний балл по каждому из критериев			3	2	1,5	2,5
Сумма средних баллов по всем критериям			9			

Географическо-эстетические критерии оценки ландшафта

№	Критерий	Балл
1.	Вписываемость антропогенных объектов	1
2.	Наличие на участке живописных урочищ, уютных уголков, где приятно отдыхать, наслаждаясь красотой природы	2
3.	Наличие на участке достопримечательностей, таких как причудливые скалы, водопады, вековые деревья, сгустки красивоцветущих растений, памятники истории и культуры и т. д.	2
4.	Наличие на участке обзорных площадок, с которых открываются хорошие виды	2
5.	Выразительность рельефа местности	2
6.	Выразительность водных объектов	1
7.	Разнообразие растительности	1
8.	Животный мир участка	0
Суммарный балл по критериям		11

Рекомендовано Научно-техническим советом Государственной службы заповедного дела Минэкоресурсов Украины (протокол № 5 от 24.12.2002 г.).

Экологические традиции бардовских песен

М. Почитаева

Марийское отделение МСоЭС

В обществе всегда существует определенный процент людей, для которых трудности и романтика дальних странствий являются важным этапом становления личности. Некоторая часть этих людей пишет песни, другие с удовольствием их слушают и исполняют. По своей профессии и по характеру барды совершенно разные люди. Но одно объединяет их: путешествия (в том числе и зарубежные) и огромный жизненный опыт. Поэтому, обращаясь к экологическим традициям бардовской песни, можно узнать очень многое, например 1) какое место занимает природа в жизни современных людей; 2) какую ценность она для них представляет; 3) как люди, которые не являются экологами или сторонниками зеленого движения, относятся к экологическим проблемам; 4) как можно использовать бардовскую песню в целях природоохранной пропаганды и многое другое.

Песню зачем из дома понесу,
Если могу найти ее в лесу?
Знаешь, какой красивый лес зимой –
Ее с мороза принесу тебе домой.
(А. Якушева, “Синие сугробы”).

Для нашего времени сама мысль о том, чтобы принести из леса не букет цветов и не срубленную ель для новогоднего вечера, а стихи или песню, кому-то покажется странной. Тем более удивительно находить такие слова не где-нибудь в высказываниях Джозефа Корнелла, а в бывшем СССР, где до определенного времени вообще считалось, что у нас экологических проблем нет. Вот она, тонкая лирика любви, романтическая сказка зимней природы:

Хочешь – в ней вспыхнут лунные огни
К ночи хрустальный лес в ней зазвенит,
Будет в ней дерзость ветра, свежесть щек,

Скажи мне только, что бы ты хотел еще?
(А. Якушева, “Синие сугробы”).

Песни Ады Якушевой просто поражают какой-то удивительной гармонией и природосообразностью. Почти в каждой из них можно почувствовать глубокое уважение, которое испытывает автор по отношению к природе:

Я по тропе вас поведу,
Она усталость вашу снимет,
И станем снова молодыми
Мы у нее на поводу,
Под вечер сосны запоют,
Над головой качнутся ветки.
И нам покажется некрепким
Наш крепкий городской уют.
(А. Якушева, “Я приглашаю вас в леса”).

Вряд ли строки этих песен стали бы известны многим, если бы они не находили своего слушателя.

Судя по песням, друзья Ады Якушевой и Юрия Визбора тоже очень любили и уважали природу. Приведу еще несколько строк, но уже из другой песни:

Мой друг рисует горы,
Далекие, как сон,
Зеленые озера
Да черточки лесов.
А рядом шумный город –
Стеной со всех сторон,
А друг рисует горы далекие, как сон.
Мой друг – он друг отвесным
Холодным ледникам.
Он друг отважным песням
Да редким маякам,
Он любит горный ветер,
Раздумья до зари,
Он любит горы эти
Товарищам дарить.

Анализируя творчество многих бардов, можно отметить, что большинство из них никогда не ставило своей целью пропагандировать ценность красоты природы и необходимость ее охраны. Например, у Александра Городницкого такая тема, на мой взгляд, специально не озвучена. Тем более удивительно было слышать песню, которая просто поразила меня своим первозданно-диким мотивом. Уже само ее название – “Волчья песня” – притягивает внимание как магнит. Слушая эти строки, легко представить одинокий костер в диком лесу, темную ночь и огромное небо. Как будто бы вы слушаете пересказ суровых северных повестей Джека Лондона или Э. Сетона-Томпсона, переложенные на музыку:

В реке, омывающей берег,
В зеленом лесу над рекой
И рыбе, и всякому зверю
Для отдыха нужен покой.
Спешит перелетная птица
Родные найти берега,
И путник усталый стремится
На свет своего очага.
И теплое логово волчье
Мохнатую манит родню,
И мы собираемся молча
И тянем ладони к огню

(А. Городницкий, “Волчья песня”).

“Волчья” тема стоит особо в творчестве целого ряда бардов. Вспоминаю 1989 год, когда я, студентка первого курса МарГУ в составе ДОП МарГУ впервые ездила на конференцию в Горький. Не спавши несколько ночей после бурных обсуждений разных природоохранных вопросов и общения с гитарой, все смертельно устали и, чтобы скоротать время, зашли в кинотеатр, чтобы посмотреть фильм о Высоцком. Я смутно помню то, что было на экране до тех пор, пока в зрительный зал, подобно бурному потоку, сметающему все на своем пути, не полились строки песни “Охота на волков”. Мне приходилось слышать ее и раньше, но когда я увидела ее в исполне-

нии Владимира Семеновича, я испытала то, что никогда не могла прочувствовать до этого, потому, что просто слушать эту песню, и видеть, как автор ее исполняет, – это две совсем разные вещи. Сила воздействия этой песни была такой, что я мгновенно проснулась и больше, – вплоть до 12 ночи спать мне больше не хотелось. Даже сейчас, когда я вспоминаю этот эпизод, меня охватывает чувство какого-то благоговеющего трепета:

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня опять как вчера:
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера!
Из-за елей хлопочут двустволки –
Там охотники прячутся в тень,
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идет охота на волков,
Идет охота,
На серых хищников,
Матерых и щенков!
Кричат загонщики,
И лают псы до рвоты,
Кровь на снегу –
И пятна красные флажков.

(В. Высоцкий, “Охота на волков”).

Это был монолог зверя, затравленного по прихоти толпы, не знающей жалости и сострадания. Понимаю, что каждый автор вкладывает в строки своих песен собственный смысл, и для Высоцкого эта охота, возможно, означала нечто другое, но для себя, как природоохранника, я в тот вечер открыла ее заново.

Другой российский бард, Александр Дольский, посвящает целую песню охоте. В начале ее действительно говорится об охоте, однако далее, проводя параллель, автор песни наводит слушателей на мысль о том, этично ли для современного человека заниматься охотой, когда в этом вроде бы, нет необходимости, ведь “...в сердце сделанной дырой гордиться могут лишь злодеи”.

Не уподобляемся ли мы в своем стрем-

лении к кровавым забавам тем же фашистам, которые ради забавы уничтожали целые деревни?

И в ужасе дети по полю бегут,
В них целится пьяная рота,
Кончая недолгий земной их маршрут
Охота, охота, охота.
Горят города, океаны в грязи,
С прогресса ползет позолота...
И копится в легких уран и бензин, –
Охота, охота, охота.

(А. Дольский, “Охота”).

За рубежом уже давно отметили роль песни (и не только бардовской) в эквоспитании. Например, в фильмах Национального географического общества США звучит очень много песен, специально подобранных по соответствующим темам. Бардовски песни, так или иначе связанные с природой, исполняются на семинарах и конференциях (в том числе и по экообразованию). Почему бы и нам не позаимствовать этот опыт для пропаганды идеи охраны природы?

К настоящему времени участниками экологического движения бывшего СССР уже создана целая ветвь бардовской песни, которую некоторые называют фольклором природоохранного движения. Однако сами участники движения часто недооценивают роль песни в природоохранной пропаганде. Объясняется это несколькими причинами. Одна из них – это недостаточное количество исполнителей хорошего уровня, которые взяли бы активно пропагандировать песни движения. К сожалению, не все авторы способны хорошо их исполнять и, тем более, не у всех есть время и возможность для того, чтобы сделать качественные записи или активно посещать конференции и семинары, где можно совмещать решение конкретных проблем и устраивать

творческие встречи. Другая причина – это наличие среди природоохранного фольклора определенной доли того, что принято называть экологическим экстремизмом. Это способно поднимать боевой дух участников движения, но рядовыми гражданами вряд ли будет восприниматься положительно.

Выход напрашивается один: для того, чтобы идеи экологической культуры были восприняты массами, необходимо сделать их привлекательными в глазах населения. Помочь в этом может не только развитие экотуризма и идеи экообразования на природе по западным образцам, но и пропаганда лучших образцов этой культуры – экпоселений, традиций старины, работ художников и, конечно же, песни. И именно авторская песня может во многом помочь осуществлять такую работу потому, что она проста в исполнении, современна и положительно воспринимается целой прослойкой социально активной части современного общества: туристами, спортсменами, членами клубов самодетельной песни, биологами, географами и просто теми, кто устал от современной эстрады и хочет стремиться к чему-то новому, светлому и чистому.

Думаю, что у авторской песни, которая так или иначе связана с природой, большое будущее. Ее можно привлечь в союзники при проведении акций и массовых мероприятий в школах, экологических лагерях, на турслетах и конференциях. В последнее время на некоторых фестивалях тема природоохранной авторской песни звучала особенно актуально. Возможно, что интерес экодвижения к бардовской песне мог бы способствовать появлению новых авторов, которые способны пропагандировать идеи охраны природы на большой сцене, на радио и телевидении.

Обзор зарубежной и отечественной литературы по гуманитарной экологии

Ердаков Л.Н. Человек в биосфере. Экология для зеленых. Новосибирск: ИСАР Сибирь, 2002. 230 с.

Популярная книга, рассказывающая массовому читателю об экологии, а также об экологической этике и народных экологических традициях. В частности, обсуждая проблему прав природы автор полагает, что основой экологической этики является некое равноправие различных жизненных форм. Следствием чего должно стать уважение человеком прав окружающих его организмов.

Вековщина С.В., Кулиниченко В.Л. Биоэтика. Начала и основания. Киев: Сфера, 2002. 151с.

Еще одно интересное издание о проблемах биоэтики выпущено Украинской ассоциацией по биоэтике. В своей книге авторы не ограничились сугубо медицинскими ее проблемами (принципы и правила медицинской биоэтики, феномены умирания и смерти в контексте биоэтики), а попытались, и довольно успешно, проанализировать научные, религиозные и философские предпосылки и основания биоэтики, показали их связь с экологической этикой.

Gupta Shakti M. Plant myths and traditions in India. New Delhi: Munsbiram Manoharlal, Publics Pvt. Ltd, 2001. 122 p.

“Мифы и традиции о растениях в Индии”, изданная в Нью-Дели, рассказывает о 45 священных и культовых индийских растениях, их использовании в народной медицине, религиозных ритуалах. Книга снабжена иллюстрациями и представляет

собой неоценимый источник для всех, кто интересуется экологической этнографией, экотеологией и гуманитарной экологией.

Дерево – мой друг. Аналитическое приложение. М.: Экоцентр “Заповедники”, 2003. 26 с.

Завершающий обзорный материал, посвященный акции московского экопросветительского Центра “Заповедники”, проведенной в Москве среди городских школьников с целью выявления и охраны вековых деревьев.

Листопад О. Феномен святых криниц. Киев, 2002. 73 с.

В книге рассказывается о священных источниках (колодцах и родниках) Украины. Автором проведено исследование более 200 святых источников, в результате чего получены такие интересные сведения. Оказывается, больше всего священных криниц находится в областях, образующих своего рода пояс, протянувшийся с запада Украины на северо-восток. В южных (за исключением Крыма и Одесской области) и восточных областях таких объектов нет или почти нет. Большинство священных криниц имеют собственное имя, чаще всего называются “Святая криница”. Почти у каждой святой криницы расположен крест, некоторые оформлены иконами, цветами, рушниками. Большинство святых источников имеют лечебные свойства (лечат глаза, органы пищеварения, опорно-двигательную систему), реже встречаются святые криницы, способствующие вызову дождя. Большая часть святых криниц посвящена Божьей Матери, гораздо меньше – Святой Параскеве или Святому Пантелеймону.

Книга неплохо иллюстрирована фотографиями священных криниц, а также снабжена рекомендациями, как заповедать святую криницу.

Любить или убить?

Харьков: ЦЭОЖ “Жизнь”, 1997. 255 с.

Книга, изданная Центром этического отношения к животным “Жизнь” им. Толстого (Харьков), представляет собой антологию избранных отрывков из работ Джека Лондона, Льва Толстого, Альберта Швейцера, Питера Сингера и других, и направлена на воспитание гуманного отношения к животным.

Подобные сборники с успехом могут использоваться в экоэтическом воспитании молодежи, однако, к сожалению, сейчас практически не издаются как коммерческими книгоиздателями, так и экологическими организациями.

“Крик”, №1, 1998, 48 с., №2, 1999, 64 с., №3, 2000, 144 с., №4, 2001, 120 с., №5, 2003, 140 с.

Журнал “Крик”, посвященный вегетарианству, антивоенной деятельности, борьбе с торговлей мехами, правам животных, пропаганде запрета на охоту, издается с 1998 года (выпущено 5 номеров) харьковским Центром этического отношения к животным “Жизнь” им. Толстого. Журнал активно популяризирует идеи Льва Толстого, знакомит читателя с интересными работами в области биоцентризма (здесь можно встретить статьи Т. Павловой, Вольтера, Б. Бардо, П. Сингера). Читателя привлекут рассказы Ф. Искандера, призывы Пола и Линды Маккартни, стихи Есенина, многочисленные фотографии и рисунки, афоризмы известных людей. Большое внимание редакция журнала уделяет освещению конкретных акций, например, против использования натуральных мехов, международной деятельности Центра “Жизнь”.

Орехов Д. Святые источники России. СПб: Издательский дом “Невский проспект”, 2001. 160 с.

Несмотря на явную пропаганду православия, в этой книге можно найти много интересного о святых озерах, родниках, колодцах России и Украины, и даже о святой горе (находящейся в Эстонии). Книга насыщена различными православными легендами о возникновении священных источников. Вместе с тем, она вряд ли имеет право называться “Святые источники России”, так как дает информацию об источниках, почитаемых как святые только православными верующими. Вместе с тем, в России имеется масса священных криниц, почитаемых буддистами, мусульманами, язычниками и др., и эти природные объекты также являются святыми источниками России, но о них в книге ничего не сказано.

Foreman D., Wolke H. The big outside. New York: Harmony Books, 1992. 500 p.

Это очень важная для защиты американской дикой природы книга (одним из авторов которой является легендарный американский природоохранник и экофилософ Д. Формэн), она посвящена инвентаризации всей оставшейся в континентальных 48 штатах США и пока не защищенной дикой природе.

В предисловии к своей книге авторы пишут: “Не осталось достаточно дикой природы, чтобы идти на какие-либо компромиссы в ее защите. Мы должны бороться за каждый акр. Мы не должны уступать ни одного дюйма”.

Defending the Earth: A dialogue between Murray Bookchin and Dave Foreman. St. Chase ed. Boston: South end Press, 1991. 130 p.

Книга посвящена диалогу двух известных американских природоохранников и

экофилософов Мюррея Букчина и Дейва Формэна. Букчин – представитель социальной экологии, Формэн – глубинной экологии. Первый ставит во главу угла спасение от экологического кризиса людей, второй – всех живых существ и участков дикой природы. Несмотря на различия в целях, в рассуждениях героев книги много и общего. Они оба относят свои взгляды к радикальной природоохране, стоящей в авангарде экологического движения. Как говорит Д. Формэн: “...роль авангардной группы состоит в том, чтобы огласить идеи, отвергаемые вначале большинством как абсурдные или смешные, но которые, в конце концов, становятся достоянием традиционных организаций и, со временем, принимаются большинством”. Его мысли продолжает М. Букчин: “Но для того, чтобы наши действия были эффективными, мы должны оторваться от привычного, традиционного реформизма и энергично перейти к значительно более мощному ненасильственному сопротивлению путем прямых выступлений. Более того, пора уже нам прекратить латать и штопать дыры существующей государственной системы, общественных отношений, технологий, ценностей и начать фундаментальную их трансформацию”.

Оба автора крайне критически относятся к капитализму и практике рыночных отношений. М. Букчин предостерегает: “Рано или поздно рыночная экономика, законами жизни которой является конкуренция и накопительство, система, основным постулатом которой есть “расти или умри”, из жизненной необходимости вынуждена будет разорвать нашу планету в клочья, отбросив все морально-этические и культурные факторы”.

И с этим прогнозом, к сожалению, нельзя не согласиться...

Р. и Г. Райгородецкие. Тропы жизни.

Спецвыпуск бюллетеня “Живая Арктика”, 2003, №1. М.: ЦОДП. 48 с.

Выпуск посвящен обсуждению прав малых коренных народов и прав природы. К

последним авторы относят права природы на жизнь, на свободу, на стремление к счастью, на свободу от мучений, на необходимую для жизни долю даров земной природы.

Дерябо С.Д. Природный объект как “значимый другой”. Даугавпилс, 1995. 166 с.

Дерябо С.Д. Экологическая психология: диагностика экологического сознания. М.: МПСИ, 1999. 310 с.

В книгах доктора психологических наук, ныне профессора ряда московских вузов С.Д. Дерябо, рассказывается о восприятии природного объекта как “значимого другого”, наделении его моральным статусом, правами и, значит, воспринимаемого как субъект. По мнению автора, природный объект может считаться субъектом если: 1) он признается таковым согласно философской концепции, 2) если похож на человека, 3) если признается человеком равным в своей самоценности и равноправности. Подобные взгляды имеют огромное значение для развития идей экологической этики.

Yi-Fu Tuan. Topophilia. New York: Columbia University Press, 1990. 260 p.

Книга известного американского географа и культуролога Ю-Фу Туана посвящена феномену топофилии, который можно обозначить как человеческая привязанность к определенному месту. Автор анализирует привязанность людей к городам, пригородам, сельской местности, а также к дикой природе как сосредоточению свободы и красоты.

Wolke H. Wilderness on the rocks. A Ned Ludd Book, Tucson, Arizona, 1991. 246 p.

Автор рассказывает в своей книге о теории и практике защиты дикой природы,

экотаже, выборе под заповедание новых участков дикой природы. Весьма интересными и поучительными являются рассуждения автора о необходимости радикализации природоохранного движения и борьбы с карьеристами от экологии. Как справедливо пишет Ховье Волке, “хотя высокие заработные платы, конечно, привлекают профессиональный талант, они не обязательно привлекают преданность... Не удивительно, что эти карьеристы являются осторожными и осознают свой имидж, неохотно идя против своих будущих потенциальных работодателей”.

Frome M. Battle for the wilderness. Salt Lake City: The University of Utah Press, 1997. 277 p.

Одна из самых известных в США книг по истории охраны американской дикой природы. Автор обсуждает ценности дикой природы, рассказывает о самых известных в истории США акциях в защиту участков дикой природы, подробно описывает, как был принят Закон о дикой природе. Книга снабжена приложениями, включающими текст Закона о дикой природе и перечень территорий дикой природы США.

Swan J. Sacred places: how the Living earth seeks our friendship. Bear and Company Publishing, Santa Fe, New Mexico, 1990. 237 p.

Книга известного американского эколога-психолога Джеймса Свана посвящена священным местам: как природным, так и антропогенным. Автор анализирует понятие “священное место”, приводит разработанную им классификацию священных мест в природе, рассказывает о разных случаях проявления священного в природе. Очень интересны главы, в которых он анализирует отношение к священным местам в при-

роде со стороны американских индейцев и эскимосов.

Linzey A. Christianity and the rights of animals. New York: Crossroad, 1989. 197 p.

Книга известного английского эколога, доктора богословия и одного из лидеров Движения за освобождение животных Эндрю Линзи “Христианство и права животных” посвящена аргументации в защиту прав животных с позиции христианства. По мнению автора, утверждение, что животные имеют божественные права (“теоправа”), означает следующее: 1) что Бог как Творец, имеет все права на свое творение; 2) что создания из плоти и крови, наделенные духом и способностью дышать, являются носителями неотъемлемой врожденной ценности, данной им от Бога; 3) что эти создания могут иметь объективные моральные притязания, не меньшие, чем требования Бога к ним. В ближайшее время сокращенный вариант этой книги будет издан на русском языке Киевским эколого-культурным центром.

Regan T. Defending animal rights. University of Illinois Press, Urbana and Chicago, 2001. 178 p.

Один из основателей международного движения за права животных, американский экофилософ Том Риган издал новую книгу – “В защиту прав животных”. Она состоит из разнообразных эссе, проникнутых общей идеей прав животных. Наиболее значимым из них является посвященное обсуждению применения насилия при защите прав животных. Автор приводит аналогию с аболиционистским движением в Америке, когда так же применялись акты насилия по отношению к собственности.

В.Е. Борейко

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международного совещания-семинара “Естественные права природы” (“Трибуна”-9)

Киев, 18 мая 2003 г.

16–18 мая 2003 г. в Киеве состоялось Международное совещание-семинар “Естественные права природы” (“Трибуна”-9), организованное Киевским эколого-культурным центром, Центром охраны дикой природы (г. Москва), Азербайджанским обществом защиты животных (г. Баку) и Украинской коалицией “За дикую природу”. Семинар проходил на базе Киевского национального университета им. Т. Шевченко.

В работе семинара приняли участие более 40 человек, представляющих общественные организации, вузы, заповедники Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Польши, России и Украины.

На семинаре было заслушано 12 докладов и сообщений, проведено 5 круглых столов: “Декларации прав природы”, “Права природы и техническая деятельность”, “Пути популяризации прав природы”, “ГМО и права природы”, “Экоэтическое образование и воспитание”, а также презентация книг и журналов по правам природы и расширенное заседание редколлегии “Гуманитарного экологического журнала”.

К началу семинара был издан спецвыпуск “Гуманитарного экологического журнала”, посвященный правам природы.

Участники семинара полагают, что в целях защиты природы и жизни на Земле от негативного влияния техногенной цивилизации необходимы изменения в мировоззрении людей. Общество должно, наконец, увидеть в природе Земли и ее обитателях партнеров, права которых не менее значимы, чем права человека. Современному человеку следует не просто научиться уважать права природы при осуществлении любой своей деятельности, но и стать их выразителем. Привилегированный статус человека предполагает ответственность за судьбу всего живого.

В целях развития этики взаимоотношений с природой, правовой защиты дикой природы, видов и индивидов живых существ участники семинара:

1. Приняли решение одобрить Декларацию свободы дикой природы, Декларацию прав живых существ, Декларацию о необходимости признания прав природы космоса, а также проект Всеобщей декларации прав природы.

2. Рекомендуют специалистам в области экопросвещения, заповедного дела и охраны биоразнообразия, правоведам и представителям других специальностей, связанных с использованием, охраной и исследованием природы и природных ресурсов, применять декларации прав природы в повседневной работе.

3. Просят общественные экологические организации популяризировать принятые на семинаре декларации прав природы.

4. Призывают государственные, научные и общественные организации шире использовать в своих образовательных программах экоэтические принципы, а также организовать подготовку специалистов по экологической этике.

5. Для популяризации идеи прав природы рекомендуют природоохранным организациям, заинтересованным специалистам использовать в своей работе возможности СМИ, интернета, специальных и научных изданий, потенциал НПО и неформальных движений, сотрудничать в этом направлении с государственными и международными организациями.

6. Призывают представителей религиозных организаций различных конфессий поддержать идею прав природы.

7. Рекомендуют организациям, работающим в области образования и просвещения, наладить издание популярных детских книг, объясняющих подрастающему поколению идею прав природы.

8. Просят Киевский эколого-культурный центр издать достаточным тиражом буклет с текстами деклараций прав природы.

9. Приветствуют создание Ассоциации естествоиспытателей за гуманное отношение к природе и Украинской коалиции “За дикую природу”, заявивших своей целью защиту прав природы.

10. Рекомендуют ежегодно проводить День памяти видов живых существ, истребленных человеком, приуроченный к 1 сентября (дню смерти последнего странствующего голубя в 1914 г.).

11. Обращают внимание международных донорских организаций, фондов и представителей бизнеса на целесообразность финансовой поддержки проектов по экологической этике и правам природы.

12. Считают деятьельность по производству генно-модифицированных организмов (ГМО) неэтичной, как нарушающей права живых существ, и призывают ввести мораторий на практическое использование ГМО в странах бывшего СССР на 50 лет.

13. Предлагают разработать механизмы организации и проведения международной экоэтической экспертизы крупномасштабных проектов, могущих иметь отдаленные негативные последствия (ГМО, покорение космоса, атомная промышленность и др.), с целью введения этических и экологических ограничений на их осуществление.

14. Поддерживают:

– предложение Киевского эколого-куль-

турного центра о проведении в мае 2004 г. Международной конференции по дикой природе (“Трибуна”-10);

– кампанию Международного Социально-экологического союза и других НПО за прекращение промысла детенышей тюленей, а также кампанию Союза охраны птиц России, Украинской коалиции “За дикую природу” и других НПО против весенней охоты на водоплавающих птиц.

Участники семинара благодарят:

- Азербайджанское общество защиты животных, Международный Социально-экологический союз, “Зеленую молнию”, Киевский эколого-культурный центр, В. Сергеева (Узбекистан), В. Левченко (Санкт-Петербург) за активную популяризацию идеи прав природы в электронных бюллетенях и интернете;

- Центр этичного отношения к животным “Жизнь” им. Л. Толстого (г. Харьков) за активную пропаганду идеи прав природы на страницах издаваемого им журнала “Крик”;

- лидера Вегетарианского общества России Т.Н. Павлову за активную популяризацию идеи прав природы;

- Киевский эколого-культурный центр, Центр охраны дикой природы, Азербайджанское общество защиты животных и Украинскую коалицию “За дикую природу” за хорошую организацию совещания-семинара.

Декларация свободы дикой природы

Одобрена на Международном совещании-семинаре “Естественные права природы” (“Трибуна”-9).

16–18 мая 2003 г., Киев.

Провозглашая Декларацию свободы дикой природы, мы:

– осознаем свободу, как одно из высших достояний личности и общества,

– признаем, что свобода есть необходи-

мое условие естественного развития не только человека, но и всего живого,

– учитываем, что благополучие дикой природы все в большей степени зависит от деятельности человека,

– понимаем, что человек должен принять на себя ответственность за соблюдение права дикой природы на свободу, и

– призываем граждан всех стран, общественные и государственные институты содействовать признанию и выполнению настоящей Декларации.

При этом под дикой природой мы понимаем участки неуправляемой, неконтролируемой и мало измененной человеком биосферы, а под свободой дикой природы – не ограниченные человеком возможности для проявления ее способности к естественной эволюции.

Настоящей Декларацией мы провозглашаем, что:

I. Право на свободу является естественным, неотъемлемым и неотчуждаемым, одним из главных прав дикой природы.

II. Свобода – основное условие существования дикой природы. Потеря свободы уменьшает, ограничивает способность природы к созиданию, ограничивает свободу диких животных, растений и других организмов.

III. Дикая природа обладает свободой вне зависимости от потребностей человека, и только в случаях нанесения существенного ущерба отдельным людям или человечеству допускается ограниченное вмешательство людей в процессы ее существования.

IV. Необходимо ценить, уважать и защищать дикую природу, и в частности все то, что еще остается свободным, красивым, диким, грубым, неизученным или нетронутым. Человечество должно научиться це-

нить свободу дикой природы не только за преимущества и выгоды, которые она приносит людям, экосистемам и видам живых существ, но и как благо само по себе.

V. Дикая природа защищается человеком прежде всего потому, что она есть, живет и должна жить собственной жизнью.

VI. Люди могут довольствоваться уже обжитыми территориями и должны стремиться к реабилитации участков, нарушенных хозяйственной деятельностью. В процессе своего дальнейшего развития человечество должно предоставлять достаточные для естественной эволюции участки биосферы в вечное пользование дикой природе.

VII. Участки биосферы, где человек уже сейчас правовыми методами добровольно и сознательно ограничивает свою свободу ради свободы дикой природы, прежде всего охраняемые природные территории (ОПТ), имеют исключительно важное значение для биосферы и человечества. Главным принципом управления заповедными зонами ОПТ должно быть обеспечение полной свободы дикой природы.

VIII. Недостаточно защищать только немногие оставшиеся участки дикой природы. Необходимо отвести ей более значительные области биосферы, в настоящее время используемые человеком, способствовать восстановлению в них естественных экологических процессов.

(Проект Декларации разработан Киевским эколого-культурным центром и Центром охраны дикой природы).

Декларация прав живых существ

Одобрена на Международном совещании-семинаре “Естественные права природы” (“Трибуна”-9).

16–18 мая 2003 г., Киев.

Декларация прав живых существ призвана способствовать формированию этического отношения ко всему живому, сис-

темы правового регулирования отношений между людьми и существами всех биологических видов и форм.

Права живых существ – это конкретизированные нормы справедливого отношения человека к ним как к субъектам. Всем формам жизни требуются определенные условия и ресурсы, без которых они не могут полноценно и самостоятельно существовать. Защита прав живых существ означает предоставление им возможности жить согласно своей биологической сущности, так, как они умеют.

Признание человеком прав живых существ – суть нравственной, а впоследствии и юридической их защиты.

Настоящей Декларацией мы провозглашаем, что:

I. Все виды, подвиды, популяции и другие формы живых существ, произошедшие и расселяющиеся в результате естественных эволюционных и миграционных процессов, имеют следующие права:

- право на существование;
- право на естественную свободу в естественной среде обитания (право на дикость);
- право на необходимую для существования долю земных благ;
- право на защиту законом;
- право на отсутствие ответственности перед человеком.

II. Все живые существа как индивиды имеют следующие права:

- право на жизнь;
- право на естественную свободу и

благополучие в естественной среде обитания (право на дикость);

- право на необходимую для жизни долю земных благ;
- право на защиту от страдания по вине человека;
- право на отсутствие ответственности перед человеком.

III. За живыми существами могут также признаваться следующие права:

а) на уровне видов, подвидов и популяций:

- право на возмещение нанесенного им ущерба;
- право на опеку (например, для видов, занесенных в Красную книгу).

б) на уровне индивидов:

- право на защиту законом;
- право на достоинство;
- право на опеку (например, для домашних и сельскохозяйственных животных и растений, прирученных диких животных).

IV. В конфликтных ситуациях между носителями различных прав в первую очередь должны защищаться права видов, подвидов и популяций, а также представителей редких или уязвимых видов.

(Проект Декларации разработан Киевским эколого-культурным центром и экологической организацией “Новая волна”, г. Ростов-на-Дону).

Декларация о необходимости признания прав природы Космоса

Одобрена на Международном совещании-семинаре “Естественные права природы” (“Трибуна”-9).

16–18 мая 2003 г., Киев.

Провозглашая в контексте идеи прав природы Декларацию о необходимости признания прав природы Космоса, мы осознаем единство природы Земли и Космоса, ее решающее значение для существования и развития человечества.

Под природой Космоса нами понимается околоземное космическое пространство, Луна, другие небесные тела, их ландшафты, иные внеземные пространства и объекты Солнечной системы.

Для признания и защиты прав приро-

ды Космоса международному сообществу необходимо:

- Последовательно формировать нравственные и правовые нормы поведения человека при осуществлении космической деятельности (исследовании и использовании космического пространства), а также принципы защиты прав природы Космоса, учитывающие особенности внеземной природной среды, космической деятельности и жизненно необходимые меры и ограничения для обеспечения безопасности на Земле и в Космосе.

- Безотлагательно разработать и принять международные и национальные правовые акты: “Декларацию прав природы Космоса”, “Конвенцию о защите природы Космоса (внеземной природной среды)”;

“Соглашение об охране околоземного космического пространства”.

- Приступить к созданию в околоземном космическом пространстве, на Луне, Марсе и других небесных телах и объектах, включенных в процессы космической деятельности, системы охраняемых (заповедных) внеземных пространств как совокупности подлежащих защите объектов природы (по аналогии со списком Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, с учетом свойств и особенностей внеземной природной среды и космической деятельности).

(Проект Декларации разработали С. Кричевский и К. Кричевская-Йеленкович, г. Москва)

Создана ассоциация “За гуманное отношение к природе”

12 сентября 2003 года создана Межрегиональная общественная организация – Ассоциация “За гуманное отношение к природе”. Учредительная конференция состоялась в заповеднике “Большая Кокшага” (республика Марий Эл).

Учредителями Ассоциации стали Центр охраны дикой природы, сотрудники заповедников “Большая Кокшага”, “Галичья гора”, “Полистовский”, “Присурский”, представители Международного фонда защиты животных IFAW, Администрации г. Ульяновска, представители Академии чувашской духовности, Азербайджанского общества защиты животных, Липецкой и Ульяновской областных станций юных натуралистов.

Ассоциация объединит единомышленников – ученых, работников заповедников и национальных парков, природоохранных государственных и неправительственных организаций, преподавателей вузов и педагогов других образовательных структур, студентов, натуралистов-любителей и других граждан, являющихся сторонниками

гуманных методов изучения природы и этичного к ней отношения.

Одной из причин создания Ассоциации стало желание ее учредителей изменить сложившуюся практику бессмысленного уничтожения живых организмов многими исследователями дикой природы и работниками системы образования, ставшими заложниками “традиционных” методов в естествознании.

Целью созданной организации является гуманизация взаимоотношений Человека и Природы. В задачи Ассоциации входит:

- разработка и внедрение “щадящих” (альтернативных) методик естественно-научных исследований и естественно-научного образования, исключающих уничтожение и повреждение объектов дикой природы, физические (болевые) и психические (стрессовые) страдания живых организмов, угнетение их жизненных функций, изъятие из естественной среды обитания, трансформацию биотопов и т. п.;

- пропаганда идей гуманного отноше-

ния человека к природе, содействие освоению обществом норм экологической этики;

- развитие Ассоциации до уровня международной некоммерческой организации, создание ее информационной структуры и общедоступных информационных ресурсов.

Приоритетными направлениями деятельности организации являются:

- содействие особо охраняемым природным территориям;

- содействие сохранению редких и исчезающих объектов природы.

Контактные адреса:

Дмитриев Александр Вениаминович (г. Чебоксары), E-Mail: prisur@chttts.ru.

Цуриков Михаил Николаевич (г. Липецк), E-Mail: Vgu@zadonsk.lipetsk.ru.

Салтыков Андрей Владимирович (г. Ульяновск), E-Mail: Mer@ulstu.ru.

Зименко Алексей Владимирович (г. Москва), E-Mail: Zimenko@biodiversity.ru.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Учредительной конференции

межрегиональной общественной организации —

Ассоциации “За гуманное отношение к природе”

Йошкар-Ола, 12 сентября 2003 г.

Осознавая необходимость консолидации приверженцев идей гуманизации отношений человека и природы, участники конференции учреждают межрегиональную общественную организацию – Ассоциацию “За гуманное отношение к Природе” и приглашают всех желающих к сотрудничеству.

Исходя из постулата незаменимости биосферы и необходимости использования для ее сохранения норм экологической этики, Ассоциация считает приоритетными направлениями своей деятельности содействие особо охраняемым природным территориям, а также сохранению редких и исчезающих объектов природы.

Участники конференции

обращаются:

- к представителям всех ветвей и уровней власти –

с призывом скорейшего принятия нормативных правовых актов и планов действий, исключающих негуманное отношение Общества к Природе;

- к представителям научной и образовательной сфер деятельности –

с призывом сведения к минимуму методик, приводящих к уничтожению объектов дикой природы, причиняющих организациям физические и психические страдания (в т. ч. при изъятии их из естественной среды обитания, разрушении их биотопов), внедрения альтернативных методик (прижизненного анализа организмов, бесконтактных методов и др.), активной пропаганды идей гуманизации взаимодействия общества и природы;

- ко всем заинтересованным лицам – с призывом о содействии Ассоциации, присоединении к ней в качестве участников либо членов организации.

Место нахождения руководящего органа Ассоциации: Российская Федерация, Республика Чувашия, пос. Лесной, Государственный природный заповедник “Присурский”. Почтовый адрес сопредседателя Ассоциации Дмитриева Александра Вениаминовича: 428000, Чебоксары, а/я 263.

E-Mail: prisur@chttts.ru.

Движение экологов — путь в бездну

А. Артеньев, С. Немировский, А. Сальников

Антиэкологический союз, г. Новосибирск, www.antieco.ru

Проблема экологии, несомненно, есть одна из важных проблем человечества. Однако есть люди и организации, которые пытаются использовать эту проблему в собственных целях. Куда и к чему они нас ведут? Не пора ли оказать им решительное противодействие? Не пора ли, в глобальном смысле, начать мыслить по-новому и взглянуть на привычные вещи и понятия под иным углом зрения?

1. Причудливо порой тасуются смыслы. Слово “экология”, если его буквально переводить с греческого, означает всего лишь знание о доме, то есть искусство обустроить свою окружающую среду. К настоящему времени этот термин трансформировался столь сильно, что им стали обозначать все относящееся к защите всяческих зверушек и растений, коих гнусный человек уничтожает почем зря. Опасность такой интерпретации заключается в том, что у людей возникает мнимый комплекс вины перед тем, что принято именовать природой (к сути этого термина мы еще вернемся). В результате наиболее впечатлительных молодых людей люди менее впечатлительные сбивают в банды защитников природы, называют их зелеными и отправляют на очередную “экологическую” акцию, каждая из которых весьма живописна и истерична. Так вот. Можно по-разному относиться к голубым или красно-коричневым, но зеленым нет оправдания. Они борются за гибель человечества.

2. Пропаганда экологов стала настолько действенной, а их позиции настолько сильны, что все, кто не поддерживает их воззрений, априори чувствуют себя неуютно.

Производители продуктов питания, лекарства, мебели, строители домов и т. д. вынуждены оправдываться перед так называемой общественностью из-за того, что раз-

личные организации “зеленых” поднимают шум по поводу и без повода. Такое положение явно не нормально, ибо масштабы экологической пропаганды на данный момент несоизмеримы с реальными угрозами существованию человечества. Поэтому мы считаем, что сейчас более чем актуальны решительные меры против “зеленого движения”, ибо именно оно ведет человечество к деградации, в конечном счете, к гибели.

3. В чем заключается концептуальная ошибка современных экологов? В том, что они считают – человек оторвался от природы. На самом деле это в принципе невозможно, ибо человек есть часть природы и все, что он делает, тоже есть проявление природы. Также и техногенная цивилизация, созданная человеком, есть часть природы, быть может, ее наивысшее проявление и даже божественный промысел. Города, которые так не любят экологи, как раз и есть зримое проявление наивысшей формы организации природы. Поэтому призывы экологов уходить в леса, жить в норах и целовать травинки есть чистой формы безумие. Ведь даже находясь в стенах городской квартиры, мы уже находимся в природе.

4. Один из важнейших постулатов “зеленых” – угроза исчезновения некоторых видов флоры и фауны из-за промышленной и иной деятельности человека. Однако мы знаем, что многие виды животных и растений исчезли еще до появления человека на Земле. Это есть естественный эволюционный процесс. Нет смысла плакать о динозаврах. Плакать придется человечеству, если на улицах наших городов появятся такие монстры. Исчезновение некоторых видов в результате деятельности человека не является трагедией, потому что это есть лишь определенные этапы в развитии при-

роды. Стеллерова корова, например, не смогла приспособиться к изменившейся среде обитания, созданной человеком и вымерла. Однако кошки, собаки, койоты, ленивцы, белые медведи, белки, многие птицы и насекомые научились существовать рядом с *Homo sapiens*, и вымирание им не грозит. Поэтому когда зеленые ратуют за спасение исчезающих видов, они пытаются воспрепятствовать законам природы.

5. Экологи говорят: животному и даже растению больно, когда его убивают и употребляют в пищу. Но человек употреблял их в пищу и тогда, когда жил на лоне природы в том смысле, как это понимают экологи. И те, кого человек сейчас использует в пищу, имеют больше шансов выжить – их будут разводить, холить и лелеять. Многие виды обеспечили себе экологическую нишу именно таким образом. Мы спасаем тех, кого съедаем.

6. Один из основных козырей зеленых – заявление о том, что борясь с загрязнением окружающей среды, они беспокоятся о здоровье человека. Именно это становится тем крючком, на который попадают многочисленные пассивные сторонники зеленых, которые в различных социологических опросах подтверждают неблагополучность экологической ситуации в своем городе, не понимая, о чем речь. На самом деле стремление оградить человека от каких-либо трудностей, превратить его в “тепличное растение” может привести только к тому, что столкнувшись с нестандартной экологической ситуацией, он окажется совершенно беспомощным. Таким образом, экологи своей деятельностью подрывают жизнеспособность человека как вида.

7. Одно из популярных ныне течений в экологии – борьба с “химией”. Особенно широкое распространение эта борьба получила в медицине. Утверждается, что только лекарства на основе “природных” ингредиентов могут быть полезны, а то, что синтезировано в человеческих лабораториях, изначально ущебно и даже если помогает, то имеет массу противопоказаний.

Несостоятельность этих доводов очевидна. Химические процессы в растениях и пробирках протекают по одним и тем же законам, которые установлены природой. Преклонение перед “натуральными” препаратами есть натуральная глупость, которую следует лечить химическими препаратами.

8. Другая надуманная опасность – страх перед трансгенными продуктами. Мы утверждаем, что такой опасности не существует. Действительно, при создании подобных продуктов возникают модификации видов, которых до сих пор не существовало. Стоит ли этого бояться? Только если вы – человек невежественный. Дело в том, что наиболее близким по своему химическому составу к человеку существом является другой человек. Если исходить из концепции наибольшей пищевой совместимости, нам нужно будет заняться каннибализмом. К счастью, человек может перерабатывать другие виды без вреда для себя. Ведь не боимся же мы, что съев камбалу, обнаружим у себя рыбий хвост, а после говяжьих котлет у нас вырастут рога. Все белки из любых продуктов, в том числе трансгенных, человеческий организм расщепляет на стандартные аминокислоты, из которых строит свои собственные белки. Поэтому, поддерживая трансгенные исследования, мы выступаем против поедания человека человеком.

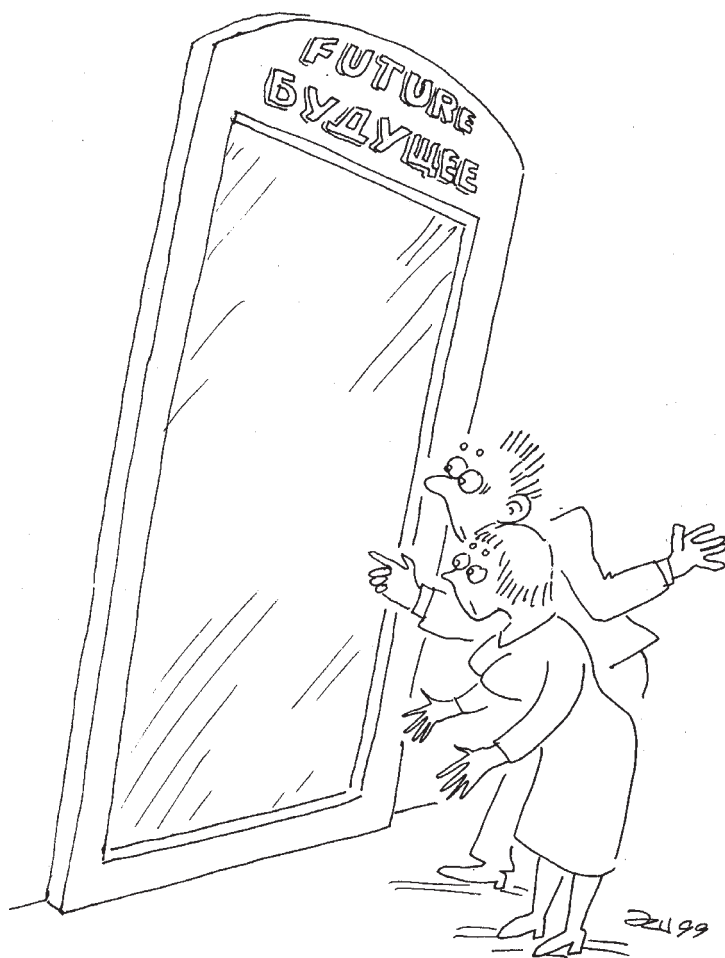
9. Одна из программ “зеленых” – борьба с ядерным и иным оружием, которое, как они утверждают, есть “пороховая бочка” для жизни на Земле. Широко известны акции “зеленых”, когда они перегораживают пути поездам, автомобилям, перевозящим ядерные компоненты, пытаются блокировать работу военно-космических баз и тому подобное. На самом деле кухонным ножом, как говорится, можно и убить, а можно и хлеб резать. Все зависит от позиции и менталитета человека. С помощью ядерных реакций можно добиться результатов, недостижимых иными методами. Вообще говоря, мы существуем благодаря ядерным реакциям, происходящим на Солнце.

10. И, наконец, мы должны прямо и от-

кровенно заявить: экологическое движение по сути своей является формой современного язычества. Поклонение вековым дубам, общение с дельфинами, рассуждение о чувствах, испытываемых свиньей под ножом мясника, есть проявления этого язычества. Мы не утверждаем, что являемся сторонниками одной из существующих монотеистических религий. Однако эти ре-

лигии объективно стоят на стороне человека, в отличие от мировоззрений зеленых. Даже атеист вызывает большее уважение, нежели “зеленый” язычник.

От редакции: этот материал мы публикуем в качестве провокации и предупреждения, что уже появились силы, готовящиеся к борьбе с природоохранниками.

- Почему нас там нет?!
- Потому, что мы разрушили систему охраняемых природных территорий ...

Рис. Э.Д. Шукурова.

Правила для авторов

1. “Гуманитарный экологический журнал” публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
2. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста). При компьютерном наборе предпочтительны файлы в текстовом формате (не использовать выравнивание, переносы и линии в таблицах!) или подготовленные в одной из версий Word for Windows. Помимо файла (на дискете или электронной почтой) в редакцию нужно высылать и распечатку текста статьи. Таблицы по ширине не должны превышать лист формата А4.
3. Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице. Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
5. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.
6. Рукописи и фото не рецензируются и не возвращаются.

— Исповедовал ли ты экологию? Благоговел ли ты перед жизнью? Сотрудничал ли ты с журналом Гуманитарным экологическим?

Рис. Э.Д. Шукурова.

СОДЕРЖАНИЕ

Наука и публицистика

Милько Д.М., Смуров А.В. Субъективный фактор в экологии. Результаты исследования	1
Борейко В.Е. Радикальная природоохрана	3

Дискуссии

Марушевский Г. Религиозная мораль и экологическая этика	9
Возьмителъ К. Нужна ли религия природоохране?	16
Кинсли Д. Христианство и экология: за и против	18
Артемкин Г., Артемкина Т. Письмо против язычества	29
Экология и религия. Обмен мнениями экологов стран СНГ о сотрудничестве с религией	33
Чибилев А.А. О новой этико-религиозной идеологии	41
Вильдермет Г. О пользе выдела заказных рощ	41
Сиэтл “Душистые цветы — наши сестры”	42
Анисимова Л.А. Я согласна — дикая природа свята	43
Дискуссия о ноосфере	44
Грищенко В.Н. Миф о ноосфере как путеводная звезда охраны природы	50
Дискуссия об эко- и биоцентризме и антропоцентризме	51
Чернышев В. Что есть охота	55
Толстой Л. Не убий	58
Чертков В.Г. Злая забава	59
Риган Т. Почему охота неправильна	64
Костюков А. Элита снова взялась за ружье	67
Гржимек Б. Неужели убивать так приятно?	69
Тэйлор П. Этическое правило верности против любительской охоты	73
Грищенко В.Н. Любительская охота с позиций экоцентризма	77

Экодайджест

Примак Р. Роль ученых-биологов в охране природы	84
Фром М. Аура дикой природы	85
Кац Э. Не надо контролировать дикую природу	88
Сингер П. Будущее Движения освобождения животных	94
Огудин В.Л. Функции природных мест поклонения Ферганы	96
Доннер Е. Проблемы экологического движения	99

Опыт работы

Борейко В.Е. Международный проект “Любовь к природе”: некоторые итоги семи лет	102
Калинина Н.В. О месте “Экологической этики” в программе высшей школы	107
Калинина Н.В. Учебная программа для вузов по экологической этике	108
Рекомендации по проведению этической экспертизы научных работ	116
Рекомендации по проведению эстетической оценки территорий	119

Художественный уголок

Почитаева М. Экологические традиции бардовских песен	125
Критика и библиография	128
Хроника и информация	132
Движение экологов — путь в бездну	138